М. В. Ильинскій.

Архангельская ссылка.

БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ АРХАНГЕЛЬСК[illegible]
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ССЫЛКИ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Типо-литографія „Энергія", Загородный 17
1908 г.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Отъѣздъ въ ссылку съ родины.—Воспоминанія объ арестѣ на границѣ.—Мой конвойный городовой Прохоровъ.—Наши отношенія съ нимъ въ пути. — Переѣздъ черезъ Волгу и въѣздъ въ районъ ссылки.—Путевыя впечатлѣнія на перегонѣ Вологда—Архангельскъ.

Сухо и рѣзко пробилъ звонокъ вокзальнаго колокола. Послѣднія пожеланія родныхъ, друзей и знакомыхъ, отрывочные напутствія и совѣты смѣшались съ свистомъ и громомъ цѣпей отходившаго поѣзда. Еще мгновеніе и родной городъ съ тихо мигавшими вдалекѣ огнями и кучка близкихъ, дорогихъ мнѣ людей исчезли на долго изъ виду. Холодный сѣверный вѣтеръ дико рванулъ и обдалъ лицо иглами искрившагося ледянистаго снѣга. Лютый морозъ заставилъ меня покинуть площадку и войти въ вагонъ. Въ вагонѣ людно, душно и грязно. Густыя облака синяго дыма висѣли надъ головами пассажировъ. Слышались громкая рѣчь, смѣхъ, пѣніе. Я выбралъ себѣ мѣсто поудобнѣе и вполнѣ отдался охватившимъ меня воспоминаніямъ изъ недавняго прошлаго.

Это было, казалось, такъ недавно, такъ свѣжо въ памяти, точно совершилось вчера, сегодня. Большая пограничная станція, залитая матовымъ свѣтомъ электрическихъ лампіоновъ, волна торопящихся пассажировъ, выброшенная только что прибывшимъ къ границѣ поѣздомъ, неподвижныя дюжія фигуры выстроившихся въ шеренгу жандармовъ, отрывистые возгласы посильщиковъ... По-

томъ ярко освѣщенная таможенная зала, осмотръ багажа, безсвязный лепетъ моей сосѣдки француженки, съ ужасомъ наблюдавшей, какъ грубая пятерня таможеннаго досмотрщика погружалась въ ея портъ-сакъ и буквально выворачивала вверхъ дномъ всѣ аккуратно сложенныя ею вещи. Ни къ чему не ведущіе протесты, увѣренія, мольбы. Наконецъ, ея испытанія кончились. Контроль уже роется въ моихъ чемоданахъ. Все какъ будто идетъ благополучно; въ вещахъ ничего не найдено, досмотрщикъ собирается уже оставить меня въ покоѣ.

— А посмотри-ка, нѣтъ-ли у него тамъ чего? — вдругъ неожиданно раздается въ моихъ ушахъ спокойный голосъ старшаго чиновника и, какъ громомъ, поражаетъ на мѣстѣ.

Мысль о неизбѣжномъ арестѣ молніей мелькаетъ у меня въ головѣ. Воображеніе уже рисуетъ тюрьму, одиночное заключеніе, судъ и ссылку. Всякое сопротивленіе становится теперь, конечно, безполезнымъ. Уже я вижу, какъ привычные къ обыску щупальцы досмотрщика шарятъ стѣнки моего чемодана, какъ блеснулъ клинокъ перочиннаго ножа и однимъ взмахомъ взрѣзалъ его картонное дно. Цѣлый пукъ газетной бумаги остался въ рукахъ досмотрщика. Онъ побѣдоносно трясетъ имъ въ воздухѣ и съ жадностью хищнаго звѣря, только что зарѣзавшаго свою жертву, съ восторгомъ восклицаетъ:

— Чуть, чуть было не ушелъ изъ рукъ, совсѣмъ было просмотрѣлъ, еще-бы немного, и поминай какъ звали!

Чиновникъ торжествуетъ: онъ — герой. Ему уже мнится, какъ его представятъ къ наградѣ, какъ онъ получитъ повышеніе по службѣ за удачную борьбу съ крамолой, и лицо его свѣтится пріятной и довольной улыбкой. Въ публикѣ—переполохъ. Вокругъ меня собралась толпа любопытныхъ. На лицѣ сосѣдки францу-

женки застыло выраженіе крайняго ужаса, и она растерянно поглядывала то на меня, то на зіявшую въ чемоданѣ рану. Вѣроятно, я представлялся ей въ эту минуту какимъ-нибудь страшнымъ бандитомъ, отъ котораго храни Богъ всякаго порядочнаго человѣка. Черезъ минуту и я, и мои чемоданы избавили ее отъ своего присутствія. Жандармскіе покои поглотили меня, и съ этого момента золотая свобода ушла отъ меня далеко и надолго.

Много воды утекло съ того времени. Крѣпость, пытка одиночнаго заключенія въ старой сырой кельѣ, стѣны и полъ которой были мокры отъ выступавшей на нихъ воды, полицейскій надзоръ и, наконецъ, приговоръ.

За тюремнымъ заключеніемъ должно было слѣдовать заключеніе въ холодныхъ полярныхъ тундрахъ. Таково было рѣшеніе комитета министровъ, которое проводили теперь въ жизнь.

Я ѣхалъ въ ссылку. Наканунѣ при объявленіи приговора меня хотѣли арестовать на мѣстѣ и черезъ 24 часа отправить этапомъ черезъ московскую центральную пересыльную тюрьму. Но, благодаря моимъ настояніямъ, я избѣгъ немедленнаго ареста и предпочелъ этапу переѣздъ въ ссылку подъ надзоромъ городового. Это было дороже, ибо я обязывался на свой счетъ прокатить туда и обратно сторожившаго меня конвоира, но зато я избавлялся отъ необходимости жить по недѣлямъ въ грязныхъ пересыльныхъ тюрьмахъ въ обществѣ съ уголовными арестантами и нести на себѣ всѣ тяжести исключительнаго тюремнаго режима.

Черезъ день мы проѣзжали уже Москву. До Архангельска, предѣльнаго пункта моего путешествія, оставалось еще слишкомъ тысяча верстъ; съ пересадками и остановками на промежуточныхъ вокзалахъ въ ожиданіи слѣдующаго поѣзда надо было потратить не менѣе двухъ сутокъ. За прошедшій день ѣзды отноше-

нія мои къ сопровождавшему городовому успѣли выясниться и установиться. Городовой Прохоровъ былъ старый служака, полъ жизни проведшій въ полицейскихъ клоповникахъ и канцеляріяхъ за осуществленіемъ принципа „тащить и не пущать". На видъ ему можно было дать лѣтъ 60. Небольшого роста, довольно плотнаго сложенія, съ круглымъ добродушнымъ лицомъ, на которомъ не было написано ничего кромѣ готовности служить какому-бы то ни было начальству, онъ производилъ въ общемъ впечатлѣніе простодушнаго, недалекаго по уму мужика. Глядя на него, на простое, почти наивное выраженіе его морщинистаго, чуть рябоватаго лица, никому и въ голову не приходило, что на этого простяка возложена начальствомъ столь важная и отвѣтственная миссія, какъ сопровожденіе политическаго въ ссылку. Конечно, если-бы вершитель судебъ моихъ былъ одѣтъ въ форму, присвоенную полицейскимъ чинамъ россійской монархіи, и если-бы въ такомъ видѣ онъ ни на волосъ не отходилъ отъ ввѣреннаго ему потрясателя основъ, то это несомнѣнно обратило-бы на насъ общее вниманіе пассажировъ; но благоразумное начальство не хотѣло вносить въ мирную среду попутныхъ намъ путешественниковъ переполоха и замаскировало Прохорова въ плохенькую сермяжку, покрывъ его лысую голову старымъ потертымъ картузомъ. Можетъ быть втайнѣ онъ и скучалъ по скрытымъ въ его чемоданѣ блестящимъ галунамъ и медалямъ, можетъ быть его начальственное око и хмурилось при видѣ какихъ-нибудь непорядковъ въ вагонѣ, но языкъ партикулярно одѣтаго человѣка долженъ былъ оставаться все время нѣмъ, ибо теперь онъ былъ такъ-же безправенъ и безсиленъ, какъ всѣ прочіе россійскіе обыватели, не носившіе полицейскаго мундира.

Смѣшно было наблюдать какъ во время пересадокъ Прохоровъ всякій разъ силился скрыть отъ по-

сторонних взглядовъ блестящій кончикъ своей шашки, предательски выглядывавшей изъ подъ тряпицы, которой было обернуто его смертоносное оружіе. Онъ запихивалъ ее куда-то далеко подъ поддевку и такъ проносилъ въ вагонъ пересадочнаго поѣзда. Инкогнито надо было соблюдать во все время переѣзда, — такъ ужъ начальство приказало. Однажды, когда я обратился къ нему съ вопросомъ, зачѣмъ онъ завернулъ въ тряпицу ножны сабли, Прохоровъ смѣшался отъ неожиданности и прямоты моего любопытства.

— Неловко, ваше благородіе—шопотомъ произнесъ онъ, близко наклонившись ко мнѣ,—что, хорошаго-то увидятъ люди, баринъ съ городовымъ ѣдетъ, пойдутъ разговоры: кто, куда да за что; и вамъ какъ-будто не совсѣмъ удобно, да и мнѣ все-же свободнѣе въ простомъ-то, въ мужицкомъ...

Итакъ, Прохоровъ считалъ свою близость ко мнѣ зазорной и, во всякомъ случаѣ, не подходящей для приличнаго господина. Онъ догадывался, что публика, съ которой онъ теперь держалъ себя такъ непринужденно, пилъ, ѣлъ, велъ разговоры и даже увѣрялъ какого-то простяка, что ѣдетъ въ Архангельскъ „по рыбу",—что публика эта иначе вела-бы себя по отношенію къ нему, одѣтому въ мундиръ россійскаго Держиморды. Холодный респектъ передъ начальствомъ и тайная мысль—подальше отъ полиціи—изолировали-бы его тогда отъ общества, не предполагавшаго теперь, съ кѣмъ оно занимается чаепитіемъ. По отношенію ко мнѣ Прохоровъ держалъ себя просто и даже услужливо. Первые часы послѣ выѣзда изъ родного города онъ стоялъ въ сторонѣ и время отъ времени посматривалъ въ мою сторону, чтобы убѣдиться цѣлъ-ли, не исчезъ-ли переданный на его отвѣтственность политическій. Потомъ, съ теченіемъ времени, когда онъ присмотрѣлся ко мнѣ и замѣтилъ, что у меня нѣтъ намѣренія кануть ключемъ въ воду, недовѣрчивость

его исчезла и какъ-то въ минуту откровенности онъ даже повѣдалъ мнѣ, что не перваго везетъ на далекій сѣверъ.

Быстро ознакомившись съ его характеромъ, замѣтивъ его мягкость и покладистость, я забралъ старика въ свои руки и командовалъ имъ, подъѣзжая къ Москвѣ, такъ же неограниченно, какъ его непосредственное начальство. Онъ не мѣшалъ и не надоѣдалъ мнѣ, не ходилъ за мной по пятамъ во время остановокъ поѣзда, а проводилъ все свое время въ сосѣднемъ купэ за разговорами и чаепитіемъ. Только однажды, когда я раскрылъ Чехова и сталъ вслухъ читать его небольшой разсказъ „Въ банѣ“, Прохорову было видимо не по себѣ; дружные взрывы хохота, которыми мои сосѣди—спутники отмѣчали наиболѣе удачныя мѣста въ разсказѣ, приводили его въ смущеніе; старикъ не понималъ, конечно, смысла читаемаго разсказа и когда съ языка моего начали срываться такія страшныя слова, какъ „нигилистъ“, „правительство“, Прохоровъ не на шутку оторопѣлъ и лишь безпомощно качалъ лысой головой въ знакъ крайняго неодобренія. Однако разсказъ былъ дочитанъ до конца, основы не потрясены, и къ старому городовому вернулось его прежнее спокойствіе.

Такъ мы проѣхали Москву, какъ всегда шумную, грязную и суетливую, и раннимъ утромъ слѣдующаго дня пріѣхали въ Ярославль. Даже послѣ Москвы, съ ея безчисленными золотыми маковками и крестами меня поразило прежде всего необыкновенное обиліе церквей. Встрѣчались мѣста, гдѣ цѣлые кварталы сплошь были застроены храмами старинной, древне-русской архитектуры. Прохоровъ не успѣвалъ снимать и надѣвать картузъ, истово крестясь передъ каждой иконой, у каждой церковной паперти. При переѣздѣ черезъ Волгу съ рѣки открылся красивый видъ на удалявшійся берегъ. Этотъ берегъ былъ для меня бе-

регомъ Рубикона. По ту сторону Волги начиналась уже область, граничившая съ мѣстами сѣверной ссылки. Съ Волги, скованной льдомъ и запушенной мягкимъ, только что выпавшимъ снѣгомъ, я послалъ послѣднее „прости“ культурной, европейской Россіи.

Мало-по-малу мы въѣзжали въ болотистыя и тундровыя пустыни Вологодско-Архангельскаго района. Станція „Урочь“, ярославско-архангельской желѣзной дороги, представляла изъ себя жалкое деревянное строеньице, тѣсное и грязное, биткомъ набитое отъѣзжавшими. Съ того берега Волги поѣздъ отправляется въ Архангельскъ лишь разъ въ сутки, и потому собираетъ довольно значительное количество публики. Съ первымъ звонкомъ вся эта разнопрестная толпа хлынула на перронъ, разлилась по немъ въ разныя стороны и стала брать съ бою свободныя мѣста въ вагонахъ. Черезъ нѣсколько минутъ старый, давно уже не ремонтированный вагонъ третьяго класса, неистово грохоталъ по желѣзнымъ рельсамъ, заглушая шумомъ и трескомъ своихъ колесъ голоса перекликавшихся пассажировъ. Дорога начинала утомлять меня. Мы ѣхали уже вторыя сутки, а до Архангельска оставалось не менѣе семисотъ верстъ. Чѣмъ дальше и глубже врѣзалась желѣзная колея въ область сѣверныхъ широтъ, тѣмъ скучнѣе и однообразнѣе становились люди, природа. За Вологдой станціи стали попадаться рѣже и рѣже; здѣсь сплошной стѣной обступилъ полотно дорогъ и поѣздъ несъ насъ между шпалерами высокихъ и стройныхъ елей, какъ по безконечному зеленому корридору. На сотни верстъ въ стороны простирались безлюдные мхи, болота, съ страшными въ лѣтнюю пору чарусами, промерзлыя тундры, вараки... Иногда лѣсная чаща неожиданно разступалась и взору открывалась безжизненная, широко и далеко уходившая къ горизонту прогалина. Бѣлый дѣвственный покровъ глубокаго снѣга сравнялъ своимъ однообразіемъ ея неровности и кочки и

скрылъ подъ своею матовой бѣлизной темнобурыя тони безбрежныхъ сѣверныхъ тундръ. Тощій частый кустарникъ засѣлъ на ея бархатной, топкой поверхности и темной щетиной торчалъ надъ снѣжной, спавшей глубокимъ сномъ, пустыней. Природа, бѣдная сама по себѣ, спала глубокимъ и долгимъ сномъ. Куда ни обращался глазъ, всюду встрѣчалъ онъ тѣ же суровые зимніе ландшафты, тѣ же необитаемые, на многія сотни верстъ тянувшіеся лѣса, тѣ же унылыя однообразныя равнины, одѣтыя бѣлоснѣжнымъ парчевымъ саваномъ... На душѣ становилось грустно, тоскливо... Жизнь, думалось мнѣ, продѣлываетъ иногда надъ человѣкомъ удивительные кунштюки. Изъ западной Европы съ блескомъ и шумомъ ея городовъ, съ ея старой культурой и изысканнымъ комфортомъ жизни она перебросила меня въ дикія пустыни огромнаго архангельскаго края, гдѣ единственнымъ признакомъ человѣческаго жилья была убѣгавшая въ невѣдомую даль колея желѣзной дороги. Иногда сквозь дрему казалось, что вся эта поѣздка—тяжелый кошмаръ, навѣянный фантазіей тревожнаго сна. Воспоминанія изъ прошлаго мѣшались съ впечатлѣніями настоящаго, и въ усталой головѣ вставали странныя до несообразности мысли и картины. Рѣзкость перехода сказывалась не только въ моемъ настроеніи: даже старикъ городовой, чуть не полъ жизни проведшій въ дежурной комнатѣ при полицейскомъ управленіи и не избалованный никакими европейскими комфортами, и тотъ заскучалъ здѣсь, среди архангелской тайги по родинѣ, по своей осиротѣлой конурѣ.

— А не хорошо здѣсь, ваше благородіе,—сказалъ онъ мнѣ, взглядомъ указывая черезъ окно на быстро мелькавшіе передъ глазами стволы высокихъ деревьевъ,—неприютно ужъ очень: все лѣсъ да лѣсъ, ни пашни, ни жилья человѣческаго не видно, и люди то не то, что у насъ,—народъ все непривѣтливый, угрю-

мый. Молчитъ, точно воды въ ротъ набралъ... Скучно вамъ здѣсь будетъ, ваше благородіе,—вдругъ неожиданно добавилъ онъ голосомъ, въ которомъ слышалось участіе и соболѣзнованіе.

Прохоровъ былъ правъ: дѣйствительно, сѣверяне, ѣхавшіе съ нами въ Архангельскъ, во многомъ отличались отъ поволжанъ и великороссовъ центральной Россіи. Въ ихъ характерѣ, молчаливомъ и угрюмомъ, точно отражалась суровая природа холоднаго сѣвера. Они избѣгали общительности, до которой такой охотникъ путешественникъ южной Россіи: не любили много и долго судачить, а отдѣлывались сухими и короткими отвѣтами. Эта замкнутость, сосредоточенность и привычка думать свою думу про себя, были особенно тягостны для любившаго поболтать городового. Какъ ни старался онъ завязать разговоръ, пытаясь своими наивными вопросами вызвать сосѣдей на откровенность, какъ ни прикидывался простячкомъ, которому были новы и непонятны бытовыя условія полярной жизни, но всѣ попытки его не привели ни къ чему. Большинство ѣхавшихъ съ нами архангельцевъ были промышленники рыболовы. Странное впечатлѣніе производила на меня ихъ одежда, преобладающей частью которой былъ олеңій мѣхъ. Вмѣсто нашихъ шапокъ они носили такъ называемыя „ушанки",—нѣчто вродѣ башлыковъ, сшитыхъ изъ мягкой и теплой шерсти молодого оленя, пыжика, и плотно облегавшихъ всю голову. Наши шубы и тулупы здѣсь уступали мѣсто „малицѣ",—длинному, изъ оленьяго же мѣха сшитому, кафтану, надѣвавшемуся на подобіе женской юбки прямо черезъ голову. Сапоги въ дорогѣ замѣнялись болѣе теплыми валенками, тоже изъ оленьей кожи.

Весь день, проведенный въ тряскомъ вагонѣ, прошелъ скучно и однообразно. Къ вечеру кондукторъ засвѣтилъ двѣ стеариновыхъ свѣчи, и ихъ скудный

свѣтъ, едва боровшійся съ сгустившимся мракомъ долгой и темной сѣверной ночи, слабо озарилъ наше молчаливое общество. Одѣтые съ головы до ногъ въ оленьи мѣха архангельцы, при невѣрномъ миганіи свѣчъ представляли собой оригинальныя фигуры. Европеецъ, попавшій сюда случайно, какъ я, счелъ бы ихъ вѣроятно за дикихъ индѣйцевъ и ужъ никакъ не повѣрилъ бы, что подъ этими звѣриными шкурами бьется сердце и мысль типичнѣйшихъ и чистѣйшихъ великороссовъ. Еще въ XI вѣкѣ новгородскіе выходцы пробились мало-по-малу сквозь дремучіе столѣтніе лѣса къ бѣломорскому побережью и колонизировали наиболѣе выгодныя въ торговомъ отношеніи мѣста. Солевареніе, рыболовство и звѣроловство были и остались еще до сихъ поръ—за исключеніемъ перваго промысла -главнымъ занятіемъ новгородскимъ ушкуйниковъ и ихъ потомковъ. Какъ тогда, такъ и теперь земледѣліе въ виду суровыхъ климатическихъ и неблагопріятныхъ почвенныхъ условій играло и играетъ здѣсь второстепенную роль. Позднѣе, когда мнѣ пришлось жить въ уѣздѣ и, сталкиваясь съ населеніемъ, наблюдать типы приполярныхъ обитателей, я еще болѣе убѣдился въ чистотѣ ихъ великорусскаго происхожденія. Признаюсь, однако, что первое впечатлѣніе, полученное мною отъ встрѣчи съ сѣверянами въ вагонѣ, было далеко не изъ благопріятныхъ. Впрочемъ, теперь я уже мало интересовался ими. Я жилъ близостью Архангельска, близостью жилого мѣста, гдѣ можно было бы хоть немного оправиться и отдохнуть отъ тяжелаго четырехдневнаго переѣзда. Подъ утро мы миновали станцію „Тундру“ и „Исакогорку“, а еще черезъ нѣсколько минутъ достигли крайняго сѣвернаго пункта въ русскомъ желѣзнодорожномъ сообщеніи. Поѣздъ остановился у низенькаго бревенчатаго строенія, долженствовавшаго изображать собою архангельскій вокзалъ. Было еще совершенно темно, когда я и мой

провожатый, городовой, усѣлись въ широкія ямщичьи сани, чтобы со станціи направиться въ городскую гостинницу. Гдѣ-то на горизонтѣ въ предразсвѣтной мглѣ мелькалъ рядъ свѣтлыхъ точекъ; въ морозномъ сухомъ воздухѣ звонко и рѣзко скрипѣли полозья нашихъ саней, и голосъ понукавшаго лошадь ямщика звучно раздавался надъ широкой ледяной грудью Сѣверной Двины. Выбравшись на берегъ и проѣхавъ рядъ пустынныхъ улицъ, мы достигли наконецъ гостинницы. Быстро расплатился я съ нашимъ возницей, кое какъ сбросилъ съ себя тяжелую шубу и, предоставивъ Прохорову возиться съ вещами, бросился въ чистую, холодную постель.

„Итакъ я въ ссылкѣ“!—была послѣдняя мысль, мелькнувшая у меня въ головѣ, передъ тѣмъ какъ крѣпкій, здоровый сонъ охватилъ меня и вырвалъ на время изъ суровой дѣйствительности.

ГЛАВА II.

Пріѣздъ въ Архангельскъ и представленіе по начальству.—Назначеніе въ Холмогоры. Выѣздъ изъ Архангельска подъ конвоемъ архангельскаго городового. Путевыя картинки.—Ночевка въ Лоскогорскѣ.—Встрѣча и разговоръ съ жандармами.

Я проснулся около полудня и первый моментъ совершенно не могъ сообразить, гдѣ я и что со мной. Только когда я увидалъ городового, сознаніе быстро вернулось ко мнѣ, и я тотчасъ же оріентировался въ обстановкѣ.

Теперь Прохоровъ былъ уже не партикулярнымъ сермяжникомъ, а грознымъ начальствомъ, облеченнымъ въ присвоенный его званію мундиръ. Старикъ, кажется, былъ очень доволенъ, что наконецъ-то ему удалось сбросить съ себя ничего не говорящую поддевку и облечься въ блестящій, по сравненію съ нею, полицейскій мундиръ. На толстой, круглой физіономіи его свѣтилось даже

выраженіе какой-то праздничной торжественности и самосознанія, что придавало всей фигурѣ много наивно-комичнаго.

Въ полдень мы были въ канцеляріи губернатора. Городовой вручилъ мои личныя бумаги чиновнику, и съ этого времени съ него снимались обязанности конвоира при политическомъ. Я былъ переданъ въ вѣдѣніе архангельской полиціи. Мнѣ предстояла аудіенція у губернатора, во время которой онъ долженъ былъ назначить мѣсто предстоящаго заточенія.

Говоря вообще, пріемъ у губернатора имѣлъ большое значеніе для политическаго ссыльнаго. Не все равно, попасть ли въ глухія дебри архангельской губерніи, куда нибудь въ Пустозерскъ, Колу, Александровскъ, или остаться въ самомъ Архангельскѣ. Условія жизни, какъ увидимъ со временемъ, слишкомъ разнятся въ зависимости отъ мѣста жительства ссылаемаго. Назначеніе же опредѣленнаго пункта поселенія— дѣло чисто личнаго усмотрѣнія губернатора. Читателю станетъ поэтому понятно то настроеніе, съ которымъ я ожидалъ появленія вершителя моихъ дальнѣйшихъ судебъ. Любопытство и неопредѣленность положенія въ немъ преобладали. Я уже собирался заняться мистическимъ предугадываніемъ своего будущаго, какъ въ комнату вошелъ чиновникъ, одѣтый въ форму министерства внутреннихъ дѣлъ, высокаго роста и достаточной плотности, съ чисто выбритой физіономіей нѣмецкаго типа. Онъ заявилъ мнѣ, что его превосходительство сейчасъ въ отлучкѣ, но что онъ былъ освѣдомленъ о моемъ пріѣздѣ и назначилъ мнѣ Холмогоры, небольшой городокъ въ 70 верстахъ отъ Архангельска.

— Вы отправитесь туда сегодня же послѣ обѣда,— прибавилъ онъ,—если поѣдете отсюда съ городовымъ, которому въ такомъ случаѣ обязываетесь выдать извѣстную сумму денегъ на проѣздъ и содержаніе туда и

обратно. Если же вы не можете сдѣлать этого, то мы заарестуемъ васъ и отправимъ этапомъ изъ здѣшней тюрьмы.

Мой протестъ противъ высылки изъ Архангельска не имѣлъ результата.

— Не могу ничего сдѣлать: таково было распоряженіе господина губернатора, которое я не вправѣ самъ измѣнить,—сухо и кратко отвѣтилъ чиновникъ и вышелъ изъ комнаты.

Съ Архангельскомъ, слѣдовательно, надо было проститься.

Мнѣ было досадно. Полнѣйшее равнодушіе, съ которымъ этотъ холопъ-чиновникъ привыкъ читать ссылаемымъ приговоры своего принципала, напоминало мнѣ равнодушіе палача, спокойно надѣвающаго петлю на шею своей жертвы. Онъ привыкъ къ выполненію своихъ обязанностей. Привычка вытравила въ немъ всякую воспріимчивость, всякую отзывчивость къ людямъ; ему было безразлично, какъ, кого и за что каралъ произволъ русской административной ссылки. Ему не было ни малѣйшаго дѣла до того, выживетъ ли, погибнетъ ли ссылаемый имъ въ далекій глухой поселокъ, отдѣленный отъ міра непроходимыми тундрами и лѣсами. Это была окаменѣлость манекена, механически выкрикивавшаго страшныя имена архангельскихъ трущобъ, въ которыя вслѣдъ за тѣмъ полицейское насиліе водворяло на цѣлые годы борцовъ русской революціи.

Разговоръ съ чиновникомъ, близость отъѣзда въ Холмогоры и канцелярская обстановка съ цѣлымъ рядомъ желтыхъ геморроидальныхъ лицъ писцовъ, тяжелымъ, прокуреннымъ сквернымъ табакомъ воздухомъ, пылью и грудами старыхъ, никому не нужныхъ бумагъ оставили на мнѣ самое скверное, мертвящее впечатлѣніе. Городовой Прохоровъ, освободившись отъ обязанности присматривать за мной, счелъ всетаки нужнымъ

подождать моего возвращенія. Его интересовала моя дальнѣйшая участь.

— Ну, какъ же ваше благородіе?—обратился онъ ко мнѣ сейчасъ же съ вопросомъ,—оставятъ васъ здѣсь, аи нѣтъ?

Я передалъ ему, что мнѣ назначены Холмогоры, и что я долженъ ѣхать туда сегодня же.

— Вѣдь вотъ бѣда-то,—отозвался старикъ сочувственно,—коли бы здѣсь оставили, такъ все бы еще ничего, а то, подумаешь, куда посылаютъ. Эхъ, ваше благородіе, жаль мнѣ васъ! Ужъ вотъ какъ жаль! Человѣкъ то вы, я вижу, невиновный...

Запоздалый приговоръ, который вынесло мнѣ въ такой наивной формѣ простодушіе стараго городового, разсмѣшилъ меня и вернулъ въ прежнее бодрое настроеніе. Я простился съ нимъ и сталъ ждать ямщика. Въ сумерки въ номеръ вошелъ полицейскій и заявилъ, что лошади готовы и ждутъ меня у подъѣзда. Вещи были вынесены и увязаны, и я въ обществѣ ямщика и архангельскаго городового продолжалъ свое путешествіе.

Путь шелъ на Холмогоры. Когда проѣзжали городскими улицами, необычайное сочетаніе пассажировъ въ ямщицкихъ саняхъ обратило на себя вниманіе прохожихъ. „Политика везутъ", догадывались многіе.— Транспортъ политическихъ ссыльныхъ этапомъ и на ямщицкихъ не былъ впрочемъ рѣдкимъ явленіемъ для архангельскаго обывателя.

Но вотъ городъ кончился. Дорога довольно широкой, накатанной полосой, пошла черезъ кустарники и перелѣски. Ямщицкія, загнанныя непрерывной ѣздой, лошаденки слабо тащили нашу повозку. Изрѣдка встрѣчались крестьянскія подводы и сворачивали, заслышавъ издали почтовый колоколецъ, въ сторону. Городовой сидѣлъ о бокъ со мною и молча сосалъ свою трубку.

Невеселая это была поѣздка.

Уныло и однообразно звякалъ подъ ямщицкой дугой колокольчикъ. Передъ глазами—впереди и по сторонамъ опять бѣгутъ тѣ же сѣверные мрачные ландшафты. Вонъ на пригоркѣ сразу открылся небольшой поселокъ съ десяткомъ темныхъ бревенчатыхъ построекъ. За ними выглядываютъ убогіе и ветхіе амбары, а тамъ—ровная, сотни и сотни верстъ стелящаяся, безразличная, безстрастная бѣлая пелена никѣмъ не тронутаго снѣга. Колокольчикъ звякнулъ по улицѣ, но никто не полюбопытствовалъ выйти на улицу, чтобы встрѣтить проѣзжаго ямщика: точно все вымерло, и остались однѣ эти угрюмыя, холодныя, негостепріимныя хаты. Деревушка исчезла. Снова обступили насъ по сторонамъ хмурыя столѣтнія ели, вѣчно зеленыя, но безжизненныя въ своемъ спокойствіи; онѣ плавно кивали длинными щетинистыми вѣтвями, точно привѣтствовали, точно махали платкомъ вслѣдъ уѣзжавшему.

Сколькихъ изъ насъ,—думалось мнѣ,—видѣли эти ели за свой долгій вѣкъ. Сколькихъ, какъ и меня, онѣ равнодушно встрѣчали и провожали въ долгую ссылку. Въ бору жалобно свистѣлъ вѣтеръ. Кто не слыхалъ этого свиста въ ельникѣ, кто не знаетъ его заунывной и точно недоброй пѣсни! Сердце щемитъ отъ нея, и на душѣ становится жутко отъ однообразно-зловѣщаго у-у-у-у... въ верхушкахъ раскачивающихся исполиновъ.

Конвульсивно бьется колокольчикъ и звенитъ, и звенитъ... Точно вырваться хочетъ онъ сразу на свободу и дѣлаетъ неимовѣрныя усилія, чтобы какъ нибудь въ подходящій моментъ выскочить вонъ изъ подъ дуги. Ахъ, этотъ дуэтъ: протяжный гулъ воющаго вѣтра и конвульсивный стонъ колокольца! Какъ утомительна, какъ тосклива ваша элегія!

Ямщикъ, урожденный архангелецъ, понукаетъ заленившихся лошадей, и слышится въ его: „эхъ, вы, соколики! О-го-го!“ такая же грусть и апатія, какъ и во всемъ окружающемъ.

А небо, небо!.. Смеркалось... Какая-то муть сѣрая, давящая, однообразная разливалась въ воздухѣ. Скрадывались рѣзкія очертанія далекихъ лѣсовъ и холмовъ, все заволакивалось постепенно сумеречной тоскливо сѣрой пеленой. Темные горизонты стали еще темнѣе, угрюмѣе. Синимъ свинцомъ окаймился сводъ неба, ровнаго въ своемъ матовомъ тонѣ, безъ признаковъ групповыхъ облачковъ: еще полъ-часа, и темная, густая тѣнь застлала собою дорогу, бѣжавшую въ даль, лѣсъ, тамъ и сямъ бѣлѣвшія снѣгомъ поляны. Какимъ то безразличіемъ—холоднымъ, бездушнымъ—прониклось все... Тускло, спокойно, однообразно... Съ лапчатыхъ вѣтвей мохнатыхъ елей, уложенныхъ, какъ ватой, снѣгомъ, сорветъ невзначай порывъ вѣтра клокъ снѣга и развѣетъ его въ бѣлое пылевое облако. Надъ головой пронесется по вѣтру каркающая ворона, ища ночлега, а тамъ все та же глубокая тишь, нарушаемая лишь бѣсовскимъ воемъ вѣтра, въ потемнѣвшемъ ельникѣ да вздрагиваніемъ бьющагося подъ дугой колокольца.

Доѣдешь до станціи, перемѣнишь лошадей, пропишешься въ книгѣ для проѣзжающихъ и скачешь дальше и дальше. Въ шубѣ тепло и спокойно. Завернешься въ ея мѣхъ съ головой и сидишь въ возкѣ, предоставивъ вѣтру обвѣвать тебя бѣлой пушистой снѣговой пудрой.

Вечеромъ, часамъ къ 11, мы подъѣхали къ земской станціи Коскогорску, чтобы перемѣнить лошадей и ѣхать дальше. Станція стояла въ концѣ поселка, сбѣгавшаго двумя рядами избъ по довольно крутому косогору къ берегу Двины. Ея освѣщенныя окна еще издали свѣтились желтыми точками на сгустившемся мракѣ сѣверной ночи.

Жандари сидятъ; чай пьютъ—сказалъ ямщикъ, всматриваясь въ окна, когда мы поравнялись съ станціоннымъ зданіемъ.

Въ окнахъ дѣйствительно мелькали какія-то тѣни, и сквозь едва замороженныя стекла виднѣлся силуэтъ самовара. На звонъ колокольца выбѣжала изъ избы молодая баба, содержательница станціи, и заявила самымъ рѣшительнымъ тономъ, что лошадей нѣтъ, что онѣ всѣ въ разгонѣ, и что намъ придется заночевать на станціи. Раньше завтрашняго утра подводъ не будетъ. Спѣшить особенно было некуда, да къ тому же ночевка на станціи представлялась все же болѣе удобной, чѣмъ въ ямщицкой кибиткѣ. Предположенія нашего ямщика дѣйствительно оправдались. Въ горницѣ, предназначавшейся для проѣзжихъ гостей, я засталъ двухъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ. Они только что кончили чаепитіе и собирались въ дальнѣйшій путь. Меня эта случайная встрѣча очень заинтересовала. Мнѣ захотѣлось узнать, что представляла собою политическая полиція въ глуши архангельскихъ дебрей.

— Откуда ѣдете,—полюбопытствовалъ узнать мой городовой.

— Издалека,—отвѣчалъ старшій жандармъ, здоровенный, съ краснымъ, обвѣтрившимъ лицомъ дѣтина.—Изъ Кемскаго уѣзда ѣдемъ...

— По начальству, что ли? не унимался городовой.

— Да, по начальству. Въ Архангельскъ вызываютъ неохотно, сквозь зубы, процѣдилъ унтеръ.

Его небольшіе сѣрые глаза съ кошачьимъ выраженіемъ непріятно бѣгали во время разговора. Видно было, что совѣсть у этого человѣка далеко не изъ чистыхъ. Да и непосредственная близость политическаго видимо стѣсняла его, и онъ боялся въ чемъ либо проговориться. За чаемъ, послѣ нѣсколькихъ взаимныхъ вопросовъ, разговоръ все-таки завязался и вскорѣ коснулся службы.

— Служишь, служишь,—разсказывалъ словоохотливый городовой,—а толку изъ того ни на грошъ. Да и интересъ какой отъ службы, отъ этой, получаешь?

Среди пьяницъ, да дебошировъ почитай, что всю жизнь проводишь. Начальство требуетъ, чтобъ порядокъ вездѣ былъ, а гдѣ отъ такихъ скандальниковъ порядку взять. Вѣдь коли бы онъ человѣкомъ себя велъ, такъ съ нимъ бы и по человѣчески можно, а то стой на посту да гляди: не то онъ тебѣ, не то ты ему ребра переломаешь.

Городовой въ поясненіе своей мысли передалъ недавнее убійство товарища въ одномъ изъ городскихъ трактировъ.

— Эхъ, да ужъ что и говорить!—продолжалъ онъ, коли бъ не нужда, плюнулъ бы я на это дѣло, да взялся бы за пахоту, за землю. Смерть люблю хлѣбопашествомъ заниматься, хозяйствомъ то-есть. Какіе бывало огороды у себя дома разводилъ. Любо, дорого глядѣть было. Край у насъ теплый,—не то что здѣсь. Многому произростать климантъ позволяетъ.

Городовой увлекся своимъ прошлымъ хозяйствомъ, вспомнилъ про свои успѣхи въ сельскомъ дѣлѣ, разсказалъ, какъ оно сошло вслѣдствіе семейнаго раздѣла на нѣтъ, какъ ему пришлось сдать свой надѣлъ въ аренду, а самому съ женой и малолѣтними дѣтьми искать мѣста въ городѣ.

— Нужда-то, говорятъ, не тетка. Мыкался, мыкался я по людямъ нигдѣ себѣ мѣста найти не могу, а тутъ въ полиціи вакація открылась: 15 рублей мѣсячныхъ, да квартира готовая, чего жъ еще надо? Взялъ, да и поступилъ. Третій годъ нонче пошелъ, какъ при полиціи службу. По нуждѣ больше. Другой разъ и деньгамъ тѣмъ не радъ, да вѣдь и на улицѣ ихъ не найдешь.

— Ваша то служба, господа жандармы, полегче, слыхать, нашей?—вдругъ обратился онъ къ стоявшему у печи унтеру, откусывая кусокъ сахару и поднося на пальцахъ блюдце съ чаемъ.

— Тоже всяко бываетъ,—переминаясь съ ноги на

ногу, сказалъ стоявшій у печи жандармъ.—У каждаго свои заботы: денегъ даромъ никому не даютъ. Натурально, что въ уѣздѣ занятій немного,—прибавилъ онъ, какъ бы вспоминая вопросъ городового.

— Скучаете, стало быть,—спросилъ я иронически унтера.

Мнѣ хотѣлось вмѣшаться въ ихъ разговоръ. Жандармъ искоса посмотрѣлъ на меня, но не сказалъ ни слова.

Что-жъ, коли дѣла захотѣлось,—продолжалъ я,— поѣзжайте въ Россію: тамъ вашему брату нонче дѣла по горло.

Жандармъ снова взглянулъ на меня, но на этотъ разъ уже дерзко, вызывающе.

— А коли-бъ не шумѣли, не устраивали безпорядковъ понапрасну, дѣло бы лучше было: и вы бы сюда не ѣздили, и намъ бы покойнѣе было,—злобно огрызнулся онъ.

Я разсмѣялся. Надо же было утѣшить вдругъ расходившагося унтера.

— Подождите, сказалъ я,—вотъ завоюемъ себѣ политическую свободу, тогда и вамъ и намъ спокойнѣй станетъ.

— Долго ждать... Роса очи выѣстъ...—такъ же гнѣвно бросилъ онъ, бѣгая злыми глазами по стѣнѣ и стуча пальцами о печку. Не скоро то вамъ дадутъ эту свободу. Еще попотѣете.

— Что-жъ, этого мы не боимся,—спокойно замѣтилъ я.—Попотѣть надъ работой, да еще надъ стоющей, давай Богъ всякому. А свобода отъ насъ не уйдетъ. Свободы мы добьемся, хоть это и очень непріятно вамъ, господа жандармы.

— А что намъ непріятнаго-то въ томъ?—заговорилъ другой, молодой, бѣлобрысый, съ едва пробивавшимися усами унтеръ,—и намъ оно на руку. Съ вашимъ братомъ тогда возни поубавится. Сейчасъ отъ

васъ жизнь не въ жизнь стала. Шлютъ ихъ сюда чуть не сотнями,—думаютъ, ну теперь—крышка, теперь каюкъ, а вмѣсто того, глядишь, онъ и здѣсь революцію распустилъ, прокламаціи по селамъ разбросалъ, учителей, мужиковъ какихъ съ толку сбилъ... А ты бѣгай за нимъ, ищи, опрашивай...

— Ахъ, чтобъ те пусто было!—заключилъ онъ неожиданно свою тираду и ушелъ въ смежную комнату, собирать вещи въ дорогу.

Старшій по прежнему стоялъ приваливнись къ печи, и все лицо его, какъ и прежде, выдавало досаду и внутреннее волненіе. Городовой съ большимъ интересомъ слушалъ нашъ разговоръ. Онъ забылъ даже про чай, стоявшій въ блюдечкѣ передъ нимъ и, сидя у стола, внимательно наблюдалъ за нами. Къ сожалѣнію, бесѣда съ жандармами на этомъ оборвалась. У крыльца зазвенѣлъ ямщицкій колокольчикъ, и оба унтера, натянувъ на себя огромные бараньи тулупы съ жандармскими нашивками на рукавахъ, вышли на улицу.

Для меня, впрочемъ, и того, что я услыхалъ отъ младшаго жандарма, было довольно, чтобы воспрянуть духомъ.

Такъ значитъ и здѣсь, думалъ я,—и здѣсь, среди тундръ и лѣсовъ, среди гранитныхъ скалъ и холодныхъ озеръ не поколебалась ни энергія, ни вѣра въ наше святое дѣло у замурованныхъ революціонеровъ. Значитъ и здѣсь, на глухой окраинѣ дикаго сѣвера теплится жизнь, горитъ неугасимой точкой пробуждающееся сознаніе въ народныхъ массахъ. Смѣлое слово, открытый призывъ къ борьбѣ за волю и счастье были сильнѣе суровыхъ силъ природы. Черезъ лѣсныя дебри и чащи, черезъ едва проходимыя болотныя топи, несутъ въ себѣ плѣнные царскаго самодержавія великій огонь освободительной борьбы и сѣютъ сѣмена освободительнаго ученья. Сквозь гранитные пласты и торфяныя болота пробились уже первые ростки этихъ раз-

вѣянныхъ бурей революціи сѣмянъ и слились воедино съ мощными всходами грядущей свободы. Древніе христіане, погибая на аренѣ въ когтяхъ хищныхъ звѣрей, вербовали въ рядахъ изумленныхъ зрителей адептовъ своего ученія. Русскіе революціонеры, бьющіеся въ тискахъ кровожаднаго насилія, слѣдуютъ ихъ примѣру. Изъ сырыхъ тюремъ, изъ оледенѣлыхъ пустынныхъ окраинъ, изъ мрачныхъ рудниковъ сибирской каторги звучитъ ихъ голосъ, голосъ неутомимыхъ борцовъ за исповѣдуемое ими ученіе. Ихъ призывъ къ борьбѣ за свободу и право будитъ народныя массы и страстно зоветъ ихъ на неумолимую борьбу съ политическимъ гнетомъ самодержавія. Насиліе было и будетъ безсильно въ борбѣ съ врагомъ его проявленія. Недаромъ же жандармъ сѣтовалъ на живучесть революціонной бациллы даже при 40 градусныхъ морозахъ сѣвера Россіи, недаромъ жаждалъ и онъ (!) свободы, давшей бы ему возможность тихаго и спокойнаго существованія.

Сопоставленіе: жандармъ.—свобода, заставило меня улыбнуться. Всякій по своему разумѣнію понимаетъ эту „свободу": даже русскій жандармъ и тотъ считаетъ себя ея компетентнымъ судьей.

Было уже за полночь, когда я всталъ изъ-за чайнаго стола. Потухавшій самоваръ тихо напѣвалъ какую-то, одному ему вѣдомую, мелодію. Храпъ заснувшаго городового вторилъ ему изъ-за печи. Я прилегъ было на кушеткѣ, но не успѣлъ еще уснуть, какъ почувствовалъ десятки тонкихъ уколовъ на рукахъ, шеѣ и лицѣ. Съ дороги это бываетъ, думалось мнѣ сквозь дрему; однако испытываемое ощущеніе становилось крайне назойливымъ. Уколы продолжались и перешли въ какой то зудъ. Тогда я чиркнулъ спичкой и поднесъ руку къ лицу, чтобы убѣдиться въ своемъ предполо-

женін. Чортъ побери! Предположеніе далеко не соотвѣтствовало дѣйствительности. Крайнее отвращеніе овладѣло мною, когда при слабомъ свѣтѣ горѣвшей спички, я различилъ на рукѣ съ десятокъ присосавшихся къ кожѣ паразитовъ. Сонъ моментально исчезъ, и я вскочилъ на ноги, какъ встрепаный: зажегъ свѣчу и тутъ только съ ужасомъ замѣтилъ, въ какомъ клоповникѣ собирался провести цѣлую ночь. Безчисленныя сонмы насѣкомыхъ, спасаясь отъ свѣта, ползли въ разныя стороны и прятались въ складкахъ засаленной матеріи. Свѣча застала хищныхъ разбойниковъ en flagrant delit, и они спѣшили теперь уйти отъ моего возмездія. Но у меня не было ни времени, ни охоты сражаться съ ними. Вмѣсто того я предпочелъ улечься кое-какъ на стульяхъ, лишь бы спастись отъ ихъ острыхъ жалъ. Комфорту было не много, но засыпая я утѣшалъ свои ноющіе бока некрасовскимъ четверостишіемъ:

> Богъ ухабовъ, Богъ мятелей,
> Богъ проселочныхъ дорогъ,
> Богъ ночлеговъ безъ постелей—
> Вотъ онъ, вотъ онъ—русскій Богъ!

Да, русскій Богъ, это Богъ стоиковъ, Богъ всевозможныхъ лишеній и страданій до милостыни, тюрьмы и голодной смерти включительно.

Холмогоры и холмогорская колонія политическихъ ссыльныхъ.

ГЛАВА III.

Я—въ Холмогорахъ.—Визитъ по начальству.—Что такое „положеніе о полицейскомъ надзорѣ" въ примѣненіи къ политическимъ ссыльнымъ?—Первыя встрѣчи и знакомства съ товарищами.—Внѣшній видъ Холмогоръ.—Поиски квартиры и отношенія квартирохозяевъ къ ссыльнымъ.

Утромъ слѣдующаго дня ямщикъ лихо подкатилъ насъ къ зданію холмогорскаго полицейскаго управленія. Въ передней, куда ямщикъ втащилъ мои вещи, насъ

встрѣтилъ исправникъ,—губернаторъ, такъ сказать, уѣзда и высшее же уѣздное начальство. По аттестаціи сопровождавшаго меня городового онъ былъ „душа-человѣкъ“, никого не обижавшій и ко всѣмъ одинаково ласковый. На меня лично онъ произвелъ первое впечатлѣніе, дѣйствительно, очень простого и естественнаго въ обращеніи чиновника. Впослѣдствіи при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нимъ я и остальные товарищи составили себѣ совсѣмъ иное представленіе объ этомъ администраторѣ. Ему были переданы мои бумаги, а мнѣ предложено ознакомиться съ „положеніемъ о полицейскомъ надзорѣ“. „Положеніе“ представляетъ собой настолько интересный актъ въ сводѣ русскихъ законовъ, а съ другой стороны оно такъ ярко иллюстрируетъ исключительное безправіе политическаго ссыльнаго, что я приведу изъ него здѣсь наиболѣе любопытныя постановленія.

Параграфъ 6-ой этого драконовскаго положенія гласитъ: „Отъ лица, отданнаго подъ надзоръ полиціи, отбираются документы о его званіи, если таковые у него имѣются, и видъ на жительство, въ замѣнъ которыхъ ему выдается свидѣтельство на проживаніе въ назначенной ему для того мѣстности“.

Этотъ параграфъ отдаетъ ссыльнаго въ полное распоряженіе полиціи. Онъ закрѣпляетъ политическаго за тѣмъ полицейскимъ учрежденіемъ, въ которомъ хранятся его личные документы, связываетъ его по рукамъ и ногамъ, дѣлаетъ невозможной свободу передвиженія и исключаетъ всякую возможность свободнаго выбора занятій.

Параграфъ 7-ой обязуетъ поднадзорнаго „жить въ опредѣленномъ ему для того мѣстѣ“ и воспрещаетъ отлучаться изъ онаго безъ разрѣшенія надлежащей власти“.

Параграфъ 8-ой: „Временныя отлучки поднадзорныхъ изъ мѣста, назначеннаго имъ для жительства, могутъ

быть разрѣшаемы по особо уважительнымъ причинамъ и при *одобрительномъ* поведеніи поднадзорнаго, просящаго разрѣшенія отлучки“.

Параграфъ 15-ый: „Поднадзорный можетъ быть возвращенъ изъ разрѣшенной ему отлучки и ранѣе истеченія ея срока, если то будетъ признано необходимымъ лицами, разрѣшившими отлучку, или-же поведеніе поднадзорнаго въ мѣстѣ его временнаго пребыванія будетъ признано властями *предосудительнымъ*“.

Параграфъ 17-ый: .... „поднадзорный, какъ въ мѣстѣ своего жительства, такъ и временнаго пребыванія обязанъ являться въ полицію по *первому* ея требованію“.

Параграфъ 18-ый: „....... мѣстная полицейская власть имѣетъ право входа въ квартиру поднадзорнаго *во всякое время*“.

Параграфъ 19-ый: „Полиціи предоставляется право производить у лицъ поднадзорныхъ обыски и выемки, но съ тѣмъ, чтобы о каждомъ произведенномъ обыскѣ или выемкѣ былъ составленъ протоколъ съ изложеніемъ въ немъ, какъ поводовъ къ симъ дѣйствіямъ, такъ и послѣдствія онаго“.

Параграфъ 24-ый: „Поднадзорнымъ лицамъ воспрещается: 1) всякая педагогическая дѣятельность: 2) принятіе къ себѣ учениковъ для обученія ихъ искусствамъ и ремесламъ: 3) чтеніе публичныхъ лекцій: 4) участіе въ публичныхъ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ: 5) участіе въ публичныхъ сценическихъ представленіяхъ; 6) вообще всякаго рода публичная дѣятельность; 7) содержаніе типографій, литографій, фотографій, библіотекъ для чтенія и служба при нихъ въ качествѣ приказчиковъ, конторщиковъ, смотрителей или рабочихъ; 8) торговля книгами и всѣми произведеніями и принадлежностями тисненія: 9) содержаніе трактирныхъ и питейныхъ заведеній, а равно и торговля питіями“.

Параграфъ 27-ой: „Врачебная, акушерская или фармацевтическая практика дозволяются поднадзорнымъ не иначе, какъ съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ".

Параграфъ 28-ой: „Всѣ остальныя занятія, дозволенныя закономъ, разрѣшаются поднадзорнымъ, но съ тѣмъ, что отъ мѣстнаго губернатора зависитъ воспретить поднадзорному избранное имъ занятіе, если оно сему послѣднему служитъ средствомъ осуществленія его предосудительныхъ замысловъ или по мѣстнымъ условіямъ представляется опаснымъ для общественнаго порядка и спокойствія...".

Параграфъ 29-ый: „Министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ воспрещать непосредственное полученіе симъ послѣднимъ его частной почтовой или телеграфной корреспонденціи, и въ такомъ случаѣ: 1) всѣ письма и депеши, получаемыя на имя такого лица препровождаются почтовымъ и телеграфнымъ вѣдомствомъ на просмотръ жандармской власти или полиціи... 2) поднадзорный всю предполагаемую имъ къ отправкѣ корреспонденцію представляетъ на просмотръ тѣмъ-же органамъ власти...".

Параграфъ 34-ый: „Лица, высланныя подъ надзоръ полиціи и не имѣющія собственныхъ средствъ существованія, получаютъ отъ казны пособіе".

Параграфъ 37-ой: „Поднадзорные, уклоняющіеся отъ занятій *по лѣности (!), дурному поведенію или привычкѣ къ праздности*, лишаются права на полученіе пособія отъ казны".

Я привелъ здѣсь „Положеніе" не цѣликомъ, а выбралъ изъ него лишь параграфы, блещущіе особой мудростью русскаго законодательства. Надо быть по-

истинѣ русскимъ „законодателемъ", чтобы измыслить прелести этого кодекса, надо воспитать себя въ атмосферѣ русскаго произвола и безправія, чтобы умудриться такъ туго и густо оплести паутиной исключительнаго положенія каждый шагъ, каждое движеніе въ жизни политическаго ссыльнаго. Неудивительно, если Бернштамъ называетъ ссылку той-же „тюрьмой безъ рѣшетокъ". Какъ тамъ, такъ и здѣсь, существованіе политическаго ссыльнаго отдано цѣликомъ въ руки полицейскаго насилія. Мало того, что въ распоряженіи полиціи находятся всѣ мои личные документы, безъ которыхъ я—не обыватель россійской имперіи, а арестантъ, безъ которыхъ у меня отнята всякая возможность получить какой-либо заработокъ, этого мало,— у меня отнята свобода передвиженія, право выѣхать къ умирающей на родинѣ матери, отцу.

Бывали ужасные случаи: ссыльный получаетъ срочную телеграмму о тяжелой болѣзни близкаго родственника: ему надо ѣхать не теряя минуты, чтобы застать еще въ живыхъ опасно больного. Пока выберешься изъ уѣздныхъ трущобъ, иногда на тысячу и болѣе верстъ отдаленныхъ отъ Архангельска, пока доѣдешь до родного города,—дорогая жизнь можетъ угаснуть. Эта страшная мысль невольно овладѣваетъ получающимъ телеграмму. Но даже и теперь онъ не вправѣ уѣхать безъ вѣдома полиціи.

— Безъ разрѣшенія министра вы не уѣдете отсюда,—лаконически равнодушно заявляетъ вамъ урядникъ, исправникъ, губернаторъ.

Тогда вы посылаете срочную телеграмму министру съ просьбой разрѣшить отлучку къ умирающей матери. Тратите на нее послѣднія копѣйки и начинаете ждать отвѣта. Министръ молчитъ часами, днями, недѣлями. Чего имъ спѣшить въ департаментахъ? Еще успѣется! А, между тѣмъ, ваше душевное состояніе становится невыносимо тяжелымъ. Нервное напряженіе доходитъ

до nec plus ultra. Наконецъ, терпѣніе иссякаетъ, — вы рѣшаетесь ѣхать самовольно, не дожидаясь отвѣта. Но съ дороги васъ возвращаютъ, назначаютъ за вами усиленную слѣжку и, сверхъ того, привлекаютъ къ отвѣтственности за „самовольную отлучку".

Коронный судья, рабъ бюрократическихъ постановленій, никогда не осмѣлится оправдать подсудимаго политическаго, иначе и его причислятъ къ сочувствующимъ, а это связано для него со многими непріятностями. И онъ выноситъ вамъ обвинительный приговоръ: трехсуточный арестъ при полиціи, или штрафъ до 10 рублей; по распоряженію-же губернатора арестъ можетъ быть увеличенъ до недѣли, а по желанію министра, въ такихъ случаяхъ, очень быстро отвѣчающаго на полицейское „чего прикажете", срокъ заключенія могутъ растянуть и до мѣсяца.

И вотъ, только за то, что вы попрали окутавшіе васъ съ головы до ногъ полицейскіе параграфы и рѣшились за свой страхъ и рискъ ѣхать къ умирающей матери или отцу, васъ сажаютъ силой подъ стражу и держатъ тамъ днями. А потомъ, когда вы уже получили свѣдѣнія о смерти родственника, господинъ министръ соизволитъ отвѣтить, что „въ виду неодобрительнаго поведенія поднадзорнаго" (параграфъ 8), онъ не разрѣшаетъ ему временной отлучки.

Борьба съ подобнаго рода издѣвательствомъ администраціи надъ самою личностью политическаго ссыльнаго разрѣшалась обыкновенно полнѣйшимъ игнорированіемъ полицейскихъ постановленій; не всегда сыску удавалось вернуть съ дороги уѣхавшаго, а то и самъ онъ, во избѣжаніе столкновенія съ административнымъ произволомъ отказывался отъ крайняго насилія и лишь предупреждалъ отъѣзжающаго о параграфѣ, карающемъ самовольныя отлучки.

Въ такихъ случаяхъ обыкновенно происходилъ

слѣдующій діалогъ между ссыльнымъ, свергавшимъ законы, и губернаторомъ, ихъ возстановлявшимъ.

— Безъ разрѣшенія министра я не могу отпустить васъ,—заявлялъ губернаторъ.

— Въ такомъ случаѣ я ѣду безъ разрѣшенія, —отвѣчалъ ссыльный.

— Если вы уѣдете самовольно, то я долженъ буду напомнить вамъ, что ожидаетъ васъ за нарушеніе обязательнаго постановленія.

— Я это знаю, но тѣмъ не менѣе все таки ѣду.

На этомъ разговоръ прекращался и каждый принималъ свои мѣры: отъѣзжавшій складывалъ чемоданы и уѣзжалъ, губернаторъ доводилъ его самовольный отъѣздъ до свѣдѣнія полиціи и, по возвращеніи, судилъ и штрафовалъ арестомъ или деньгами.

Въ уѣздной глуши, гдѣ ссыльный имѣлъ дѣло не съ губернаторомъ, а съ урядникомъ, безапеляціоннымъ проводникомъ его постановленій, отлучка безъ разрѣшенія была почти невозможна. Изъ уѣзда, если ужъ и ѣхали, то ѣхали съ тѣмъ, чтобъ больше туда не возвращаться. Но даже и въ тѣхъ крайне рѣдкихъ случаяхъ, когда всемогущій министръ находилъ возможнымъ разрѣшить отлучку ссыльному, его отъѣздъ, пребываніе на родинѣ и возвращеніе зависѣли совершенно отъ безграничнаго произвола полиціи. Каждый моментъ его могли возвратить съ дороги или родины обратно въ ссылку, дѣйствуя при этомъ все время по „закону“.

„Законъ“! Это понятіе въ Россіи тождественно съ понятіемъ насилія. „Законъ“ обязывалъ ѣхать только той дорогой, какую выбрала полиція; „законъ“ обязывалъ являться въ полицію по первому ея требованію; „законъ“ давалъ право полиціи врываться въ любой моментъ дня или ночи къ вамъ на квартиру, распарывать подушки и мебель, взламывать полы и стѣны; „законъ“, наконецъ, санкціонировалъ конфискацію и

шпіонажъ моей корресподенціи по первому подозрѣнію или по простому желанію любого полицейскаго пройдохи. Понятно, что подобнаго рода законы, въ которыхъ съ одной стороны дается неограниченная власть грубой полицейской расправѣ, вплоть до заключеній и избіеній политическихъ ссыльныхъ, а съ другой стороны отнимается всякая возможность привлечь насильника къ отвѣтственности—вызывали и вызываютъ въ средѣ ссыльныхъ отдѣльные и организованные протесты. Тотъ, кто понимаетъ, каково быть объектомъ исключительнаго безправія для человѣка, всю свою жизнь и всѣ свои силы отдавшаго на неустанную борьбу именно съ этимъ узаконеннымъ безправіемъ,—тотъ пойметъ, что долженъ чувствовать онъ, живя въ атмосферѣ удвоенной, спеціально для него созданной полицейской опеки, въ атмосферѣ полнѣйшей неопредѣленности и неустойчивости своего положенія. Я боролся съ произволомъ полицейскихъ требованій, теперь я обязанъ былъ по первому требованію той же самой полиціи являться въ полицейское управленіе. Полиція могла 10, 20 разъ въ день вызывать меня, и я долженъ былъ являться!

Я боролся противъ разбойничьихъ нападеній полиціи на частныя квартиры, именуемыхъ въ Россіи обысками: я агитировалъ за неприкосновенность частныхъ жилищъ: теперь я долженъ отворять дверь по первому стуку пристава; я не имѣю права протестовать противъ порчи мебели, квартиры, у меня нѣтъ даже возможности потребовать съ полиціи денежнаго вознагражденія за нанесенный ею ущербъ!

Но нѣтъ и не можетъ быть ничего болѣе отвратительнаго, чѣмъ то скрытое насиліе, то тайное и грязное выслѣживаніе, какому подвергается наша корреспонденція. Сыскъ контролируетъ все, что доставляетъ вамъ почта, онъ вскрываетъ письма и, по ознакомленіи съ ихъ содержаніемъ, снова задѣлываетъ ихъ, или же оставляетъ у себя, въ качествѣ „вещественныхъ дока-

зательствъ"; онъ съ любопытствомъ роется въ вашей интимной переписке и выслеживаетъ васъ шагъ за шагомъ: онъ знаетъ кому, когда и что вы пишете, что вы делаете, пожалуй даже, что вы намерены делать. Нетъ ничего ужаснее и отвратительнее этого, все проникающаго собою, шпіонажа; онъ можетъ довести человека до отчаянія, до маніи преследованія.

И если свобода сношеній съ внешнимъ міромъ, въ виду тайнаго контроля, становится для васъ невозможной, то не въ лучшія условія поставлены ваши сношенія съ міромъ внутреннимъ. Полиція тайная и явная должна знать, съ кемъ вы знакомы, къ кому ходите, кому и что говорите, чемъ занимаетесь и занимаетесь ли вообще. Я разскажу позднее, какимъ тяжелымъ преследованіямъ подвергались обыватели за простое знакомство съ политическимъ ссыльнымъ, и чемъ кончались иногда эти преследованія: теперь надо заметить, что всякая профессіональная деятельность административно ссыльнаго воспрещена полицейскимъ положеніемъ. У насъ въ ссылке было много врачей, юристовъ, учителей. Въ крае, почти лишенномъ юридической и медицинской помощи, съ невежественнымъ и грубымъ населеніемъ, эти силы ссыльной интеллигенціи пропадали безъ всякаго приложенія. Юристъ не могъ вести делъ, врачъ не смелъ врачевать, учитель не долженъ былъ учить. Въ поморскихъ—Кольскомъ и Кемскомъ—уездахъ появилась страшная эпидемія: лепра гнездилась по хатамъ мужиковъ, заражала поголовно ихъ семьи, перекидывалась на соседніе дворы и росла, не находя своему распространенію въ невежественныхъ массахъ никакого сопротивленія. Въ хатахъ, по разсказамъ одного уезднаго врача, было нечемъ дышать: ужасное, невыносимое зловоніе заживо разлагавшагося проказнаго, наполняло собой помещеніе; родственники,—темный, неграмотный народъ,—неохотно принимали доктора, зачастую прятали больного отъ медицинскаго

освидѣтельствованія и наотрѣзъ отказывались выдать его для доставки въ больницу.

И эту глубокую тьму, это невѣжество населенія правительство культивировало, правительство сознательно насаждало, отказывая учителямъ, докторамъ, юристамъ заниматься въ школахъ, больницахъ, судебныхъ учрежденіяхъ; а между тѣмъ въ краѣ, по своему географическому пространству превосходящему всю германскую имперію, съ населеніемъ крайне рѣдкимъ, затерявшимся въ глуши тундръ и лѣсовъ,—въ этомъ громадномъ районѣ не было и двухъ десятковъ врачей, не было земства, не было достаточнаго количества школъ и учителей, не было примитивно поставленной юридической помощи.

И что же?

То самое „Положеніе“, 24, 25 и 27-ой параграфы котораго запрещаютъ ссыльному всякую дѣятельность, это самое положеніе караетъ его за „лѣность“. Параграфъ 27-ой прямо говоритъ: „Поднадзорные, уклоняющіеся отъ занятій по лѣности... или привычкѣ къ праздности лишаются права на полученіе пособія отъ казны“.

Мудрый законодатель немного зарапортовался. Съ одной стороны онъ говоритъ: „политическимъ возбраняется всякая дѣятельность, всякія занятія и предоставляется право на dolce far niente, а съ другой—онъ грозитъ имъ за „лѣность“ и за то же dolce far niente голодной смертью. Быть можетъ даже это не было для него противорѣчіемъ, быть можетъ онъ сознательно конструировалъ эту ловушку, въ которой собирался подвергать политическихъ ужасамъ голодовокъ. Кто знаетъ? Умъ русскихъ законодателей всегда былъ достаточно изобрѣтателенъ тамъ, гдѣ отъ него требовалось пыткой и насиліемъ убить душу и умъ безпокоившихъ его критиковъ. По крайней мѣрѣ, когда г. исправникъ любезно предложилъ мнѣ ознакомиться съ сорока параграфами „Положенія“, также любезно при

этомъ замѣтивъ, что „придерживаться ихъ не составитъ для меня никакихъ затрудненій",—я открылъ эти законодательныя скрижали съ такимъ же чувствомъ смѣшаннаго озлобленія и ненависти, съ какимъ колодникъ протягиваетъ руки кузнецу для заклепки цѣпей. Не читая, я зналъ, что эти скрижали далеки были по своему насильническому содержанію отъ права и справедливости. И конечно не чтеніе познакомило меня съ ихъ человѣконенавистничествомъ, а сама жизнь.

Въ ту минуту, когда я хотѣлъ углубиться въ смыслъ сорока параграфовъ, въ комнату вошла дѣвушка съ интеллигентнымъ лицомъ и вслѣдъ за нею молодой человѣкъ, одѣтый въ студенческую форму. Само собой разумѣется, мы тотчасъ узнали другъ друга. Россія, къ сожалѣнію, не такъ богата университетами, чтобы строить ихъ въ глуши полярныхъ окраинъ, и молодой человѣкъ, одѣтый въ студенческое пальто, во всякомъ случаѣ не могъ быть воспитанникомъ такого полярнаго университета. Мы подали другъ другу руки и, какъ въ такихъ случаяхъ бываетъ, засыпали другъ друга самыми разнообразными вопросами. Сорокъ параграфовъ я такъ и не дочиталъ до конца. Мои первые товарищи увели меня изъ полицейской канцеляріи и повели въ городъ знакомить съ политическими колонистами.

Холмогоры считаются уѣзднымъ городомъ. Но, увы, что это былъ за „городъ"! Полторы улицы, обстроенныхъ небольшими деревянными домишками, въ которыхъ ютилось около полуторы тысячи душъ населенія, три, четыре старинныхъ церкви, нѣсколько лавокъ, въ которыхъ нельзя было найти даже такихъ необходимѣйшихъ вещей, какъ лампа, кровать,—вотъ каковъ былъ внѣшній видъ этого города. На улицахъ, занесенныхъ глубокими сугробами снѣга, отсутствовало всякое движеніе. Кое-гдѣ изъ подъ снѣжнаго покрова торчали какіе то колья, деревянныя изгороди съ поломанными дранями, съ задворковъ сиротливо выгля-

дывали полураскрытыя крыши службъ, кое-какъ сколоченныхъ изъ бревенъ и досокъ. Во всемъ наблюдался безпорядокъ, раскиданность, разгильдяйство: точно обитатели этого селенія пришли сюда на короткій срокъ и, чтобы хоть какъ нибудь укрыться отъ жгучаго мороза, понастроили себѣ тамъ и сямъ небольшія, кое-какъ сколоченныя хатенки. Болотная сырость и безконечные затяжные дожди въ осеннюю непогодь наложили отпечатокъ своей безотрадной сумрачности на ихъ почернѣвшіе мрачные срубы, на полуразвалившіяся трубы, на прогнившія тесовыя крыши. Иногда со двора показывался обыватель, пристально всматривался въ насъ, „политиковъ", и долго стоялъ на мѣстѣ, глядя намъ въ слѣдъ и думая свою думу.

Не успѣли мы сдѣлать и нѣсколькихъ десятковъ шаговъ, какъ улица кончилась, и за ней открылась ровная снѣжная пустыня. Я остановился. Теперь съ возвышеннаго мѣста можно было обозрѣть весь поселокъ, состоявшій изъ сотни скучившихся построекъ.

— Такъ это и весь вашъ „городъ"?—невольно вырвалось у меня, при видѣ его убогихъ строеньицъ.

— А вы жъ еще чего захотѣли? Развѣ такъ ужъ плохъ?—иронически отвѣтилъ товарищъ.—Бываетъ и хуже,—замѣтилъ онъ успокаивающе. Побывали бы на Поморьѣ, въ Колѣ, въ Кеми, такъ наши Холмогоры столицей бы вамъ показались. Тутъ еще жить можно, хотя вамъ вѣроятно придется повозиться съ квартирой. Въ послѣднее время вновь прибывающимъ трудно находить помѣщенія.

— Я спросилъ, сколько политическихъ жило въ Холмогорахъ. Оказалось, что я былъ пятнадцатымъ, и сверхъ того ожидалось еще нѣсколько человѣкъ, шедшихъ этапомъ. Къ вечеру перваго дня я устроился съ квартирой и зналъ уже почти всѣхъ товарищей колонистовъ. Мнѣ, какъ говорили, повезло. Обыкновенно надо было

потратить не мало времени, чтобы обзавестись собственной комнатой; обыватели неохотно пускають къ себѣ политическихъ въ качествѣ квартирантовъ, имѣя о нихъ темное представленіе и нерѣдко смѣшивая съ уголовными преступниками.

Вѣроятно именно за такого преступника сочла и меня старая владѣлица дома, къ которой привелъ меня товарищъ для найма комнаты. Она съ явнымъ недовѣріемъ поглядывала на меня, и когда всѣ условія были уже выговорены, замѣтила недовольнымъ голосомъ:

— Пускай васъ на квартиру-то: коли бы знать, что вы за люди, такъ еще куда ни шло; а то Богъ васъ знаетъ, кто вы такіе. У меня вонъ чай, сахаръ цѣлый день открытыми стоятъ.

Это сказано было для насъ обоихъ такъ неожиданно, опасенія за цѣлость сахара и чая были такъ основательны, что мы не сумѣли отвѣтить старухѣ ничѣмъ инымъ, какъ громкимъ хохотомъ.

Позднѣе не разъ приходилось сталкиваться съ подобнымъ же отношеніемъ населенія къ политическимъ ссыльнымъ. Обыватель, наблюдающій за этапами привыкъ смотрѣть на ссыльныхъ, какъ на людей порочныхъ и преступныхъ. Онъ не считаетъ нужнымъ разбираться въ томъ, идутъ ли этапомъ уголовные или политическіе, онъ не задавался, за рѣдкими исключеніями, вопросомъ: кто такой политическій ссыльный? Въ его грубомъ представленіи вся вина административнаго ссыльнаго формируется двумя положеніями: противъ царя бунтуетъ и въ Бога не вѣритъ. Этого достаточно, чтобы, не разбираясь въ подробностяхъ и не анализируя смысла антицаризма и атеизма, отгородить себя отъ безбожниковъ и бунтарей глухой стѣной недовѣрія и антипатіи. Съ другой стороны замкнутая жизнь колоніи, полная оторванность ссыльныхъ отъ мѣстнаго населенія не давали возможности завязать съ нимъ какихъ

либо отношений. Эта обособленность поддерживаетъ, разумѣется, тѣ вздорные представленія, которыя вызываютъ среди обывателей чувство непріязни или открытой вражды къ ссыльнымъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, напротивъ, гдѣ колоніи политическихъ имѣли связи съ населеніемъ, гдѣ онѣ отказались отъ кастовой замкнутости и сумѣли, съ помощью агитаціонной литературы, заронить въ народную массу искру сознанія, внеся въ нее правильное пониманіе самаго существованія „политика“ на чужбинѣ,—тамъ и отношенія между обывателемъ и ссыльнымъ устанавливались мирныя и осмысленныя.

ГЛАВА IV.

Холмогорская колонія ссыльныхъ, ея составъ.—Попеченіе правительства о ссылкѣ.—Правительственное пособіе.—Организація взаимопомощи въ ссылкѣ.—Преслѣдованіе ея правительствомъ.—Штрафы за самовольныя отлучки.—Попытка обезоружить ссылку.—Обостреніе отношеній между холмогорской администраціей и ссылкой.—Побѣгъ товарища Рѣдкозубова.—Полицейскій шпіонажъ и борьба съ нимъ ссылки.

Въ Холмогорахъ за все время моего пребыванія политическая колонія и обывательскій міръ жили также довольно разъединенно. Нашъ политическій клубъ состоялъ изъ людей самыхъ разнообразныхъ профессій и состояній. Были здѣсь курсистки и студенты, учителя и учительницы, рабочіе и работницы. На долю интеллигенціи приходилось, впрочемъ, не болѣе пятидесяти процентовъ. Жизнь этой маленькой общины не блистала разнообразіемъ или довольствомъ. Правительство постаралось обставить наше заточеніе подобающими условіями: каждый изъ насъ, прежде чѣмъ попасть сюда, прошелъ тюрьму съ ея каторжнымъ режимомъ, вплоть до голодныхъ стачекъ, гласный полицейскій надзоръ, пересыльную тюрьму, этапное путешествіе. Попавъ же сюда, мы лишались послѣднихъ элементар-

ныхъ человѣческихъ правъ. Губернской администраціи было безразлично, какъ жилось въ этихъ захолустьяхъ ссыльному рабочему и интеллигенту. Но съ безразличіемъ можно было бы справиться. Гораздо труднѣе бороться съ тѣмъ сознательно выработаннымъ планомъ, сущность котораго сводится къ непрерывнымъ преслѣдованіямъ, къ желанію поставить ссыльнаго въ физически невозможныя условія существованія. Рабочій-революціонеръ или крестьянинъ, очутившіеся въ ссылкѣ, подвергались тѣмъ же ужасамъ исключительнаго положенія, что и интеллигентъ. Не рѣдко бывали случаи тяжелыхъ голодовокъ, нерѣдко форменную голодовку замѣняло полуголодное существованіе. Большинству холмогорскихъ товарищей приходилось жить исключительно на правительственную субсидію. Рабочій получалъ ежемѣсячно 6—7 рублей, привилегированный, т. е. человѣкъ съ образованіемъ не ниже средняго, 12—13. При дороговизнѣ квартирныхъ цѣнъ, поднятыхъ обывателями въ виду непрерывнаго наплыва ссылаемыхъ, при высокихъ цѣнахъ на рыночные продукты—существовать на 6—7 рублей было фактически невозможно. Особенно трудно приходилось семейнымъ: на дѣтей полагался паекъ въ рубль, полтора; на жену три—четыре рубля. Правительство называло эти жалкія подачки „субсидіей“, но откуда же было взять заработокъ, чтобы эти 3—4 рубля могли играть роль, дѣйствительно, лишь субсидіи. Что могъ заработать сосланный и лишенный своего земельнаго надѣла крестьянинъ, какую работу могъ найти фабричный рабочій въ архангельскихъ деревушкахъ, лѣсахъ и болотахъ? Интеллигентъ, получавшій 13 рублей, еще могъ кое-какъ выдержать мѣсяцъ полуголоднаго существованія. Рабочему же, съ пайкомъ въ 6—7 рублей, правительствомъ выдавалось единственное право,—право на медленное голодное умираніе. Но умирать никому не хотѣлось. Намъ надо было бороться съ лишеніями, съ голодомъ,

Холмогорская колонія политическихъ ссыльныхъ въ февралѣ 1904 г.

исключительное существованіе. Запретъ охоты былъ особенно тяжелъ для тѣхъ изъ товарищей, которые снискивали себѣ пропитаніе охотой. Наши протесты противъ подобнаго рода мелкихъ придирокъ со стороны администраціи заставляли исправника снимать съ себя всякую отвѣтственность. Онъ обыкновенно заявлялъ, что это распоряженіе губернатора, и что, какъ подчиненный, онъ обязанъ примѣнять его къ ссыльнымъ. Тактика отъ Понтія къ Пилату хорошо знакома всякому русскому человѣку, имѣвшему дѣло съ чиновничьей бюрократіей. Найти въ ея средѣ отвѣтственнаго редактора за сдѣланное постановленіе, дѣло совершенно невозможное. Поэтому отказавшись отъ всякихъ поисковъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ отказались подписаться въ выдачѣ полиціи имѣвшагося у насъ оружія. Для насъ достаточно было и того, что значилось въ 40 параграфахъ „исключительнаго положенія", и противъ каждаго нововведенія, выходившаго изъ полицейскихъ канцелярій, мы готовы были бороться активно.

Неуступчивый и скрытый за этой неуступчивостью, всегда готовый вылиться наружу, активный отпоръ, раздражали видимо исправника. Подъ вліяніемъ этого настроенія онъ постепенно эволюціонировалъ отъ „души человѣка" въ придирчиваго исполнителя губернаторскихъ рѣшеній. Нѣсколько удачныхъ побѣговъ изъ нашей колоніи окончательно порвали всякія мирныя отношенія между нами и полиціей, и съ этого времени за каждымъ изъ политическихъ открылась усиленная слѣжка.

Въ январѣ удачно бѣжалъ политическій ссыльный Моравскій; полиція надѣялась, что онъ скоро возвратится обратно. То были, конечно, напрасныя ожиданія.

Въ началѣ весны былъ организованъ и также удачно выполненъ второй побѣгъ. Товарищъ Рѣдкозубовъ, бѣжавшій на этотъ разъ, скрылся изъ больницы. Въ Холмогоры онъ пришелъ этапомъ, здѣсь слегъ въ больницу, пролежалъ въ ней нѣсколько дней и исчезъ.

какъ въ воду канулъ. Черезъ часъ послѣ побѣга больничный сторожъ обнаружилъ его исчезновеніе. Поднялась тревога. Конвойный солдатъ, дежурившій у больничной камеры, сбился съ ногъ въ поискахъ за бѣглецомъ. Исправникъ съ цѣлымъ штабомъ городовыхъ произвелъ рядъ обысковъ на квартирахъ политическихъ и даже обывателей. Выстукивалъ полы, стѣны, шарилъ въ погребахъ и подвалахъ, но безуспѣшно. А въ то время, какъ въ Холмогорахъ шли полицейскіе обыски, утлая ладья билась на сѣдыхъ волнахъ могучей Сѣверной Двины, унося въ себѣ отважнаго эмигранта. Предпріятіе было очень рискованное. Стояло половодье и очень вѣтренная, холодная съ заморозками погода. Двина пѣнилась въ гребняхъ, темные свинцовые валы бѣжали одинъ за другимъ. Не всякій хорошій и опытный гребецъ рѣшился бы выѣхать въ такую пору на старой, заплатанной ладьѣ. Но для бѣжавшаго это былъ единственный возможный путь, которымъ онъ могъ выѣхать изъ Холмогоръ. Въ полую воду мы на нѣсколько дней были отрѣзаны отъ всякихъ сношеній съ окрестнымъ населеніемъ. Понятно, поэтому, то тревожное настроеніе, съ которымъ архангельскіе товарищи ждали прибытія нашего бѣглеца. Ему надо было проѣхать не одинъ десятокъ верстъ при очень неблагопріятныхъ условіяхъ. Нѣкоторые уже считали его погибшимъ или перехваченнымъ полиціей. Къ счастью, ни то, ни другое не оправдалось. Утромъ, черезъ два дня онъ и сопровождавшіе его гребцы были радостно встрѣчены архангельцами. Трудное путешествіе лежало позади, свобода была вырвана энергіей и рѣшительностью эмигранта. Этотъ побѣгъ остался однимъ изъ самыхъ блестящихъ и трудныхъ въ лѣтописяхъ нашей архангельской эмиграціи.

Въ Холмогорахъ онъ вызвалъ собою усиленный надзоръ за политическими. Городовые стали являться по нѣскольку разъ въ день на квартиры, справляясь

у хозяевъ, дома ли квартирантъ, не уходилъ ли куда на продолжительное время, не заходилъ ли кто къ нему и прочее, и прочее. По вечерамъ сыскъ не гнушался пользоваться для своихъ наблюденій скважинами и трещинами въ окнахъ, и ссыльнымъ не рѣдко удавалось накрывать городового или какую нибудь чуйку на мѣстѣ преступленія. Позорное бѣгство изъ подъ окна въ такихъ случаяхъ было единственнымъ отвѣтомъ на угрозы политическаго расправиться съ нимъ по-свойски. Шпіонажъ самаго низкаго пошиба раздражалъ насъ свой наглой надоѣдливостью. Нѣкоторые заявили городовымъ, что будутъ стрѣлять, если кто-либо изъ нихъ будетъ подходить къ окнамъ. Это подѣйствовало на нихъ отрезвляюще и заставило отказаться отъ рискованныхъ формъ выслѣживанія.

Побѣгъ изъ больницы имѣлъ еще и другія слѣдствія. Конвойный солдатъ, дежурившій въ больничной палатѣ, былъ переведенъ за побѣгъ Рѣдкозубова въ дисциплинарный баталіонъ. Послѣ этого въ конвойной командѣ, сопровождавшей этапы, случай этотъ вызвалъ недовѣрчивое отношеніе къ политическимъ.

— Мы жъ вамъ послабленія дѣлаемъ, а вы намъ за нихъ чѣмъ платите?—говорили многіе изъ конвойныхъ.

Намъ дѣйствительно не было смысла порывать добрыхъ отношеній съ конвоемъ, и впослѣдствіи въ организаціи эмиграціи ссылка стала избѣгать тѣхъ моментовъ, когда за побѣгъ политическаго отвѣчалъ дежурный конвойный. Избѣгать этого приходилось не только потому, что солдатъ былъ подневольнымъ службы и ея мертвой дисциплины, но главнымъ образомъ изъ того соображенія, что конвой игралъ слишкомъ большую роль во время этапныхъ передвиженій и стоянокъ. Свиданія съ политическими этапниками, передача имъ денегъ и горячаго обѣда во время роздыха,—все это зависѣло отъ конвойнаго унтеръ-офицера.

ГЛАВА V.

Холмогорскій воинскій начальникъ.—Подвиги этого администратора.—Холмогорское этапное помѣщеніе.—Встрѣчи этаповъ.—Этапные порядки.—Полученіе въ ссылкѣ легальной и нелегальной литературы.—Ссылка не исправляется.—Зарожденіе революціонныхъ организацій въ раіонѣ ссылки.—Царскій манифестъ и отвѣтъ на него холмогорскихъ политическихъ.

Въ Холмогорахъ послѣ побѣга Рѣдкозубова начальникъ мѣстной воинской команды сталъ подтягивать политическій конвой. Этотъ начальникъ заслуживаетъ здѣсь краткой характеристики.

Пьянство развратъ и невѣроятное взяточничество— три наиболѣе крупныхъ достоинства, которыми располагалъ холмогорскій воинскій начальникъ. Его служеніе престолу и отечеству покоилось цѣликомъ на интересахъ самаго неразборчиваго и открыто-наглаго подкупа. Въ Холмогоры онъ пріѣхалъ раззорившимся капитаномъ, а уже черезъ 2 года его домъ слылъ полной чашей во мнѣніи обывателей. Завелись лошади, экипажи. Открылись званые обѣды съ „даренными“ трехаршинными осетрами. Всѣ отношенія къ подчиненной воинской командѣ основывались на системѣ приношеній и взяточничества. Во время рекрутскаго набора капитаномъ организовывалось своего рода жюри грабительства. Кто давалъ больше, тотъ оставался служить въ Холмогорахъ; кто не выдерживалъ напряженія въ этой разорительной конкурренціи, тотъ долженъ былъ отбывать повинность на чужбинѣ. И капитану въ такихъ случаяхъ тащили все: деньги, рыбу, полотно, яйца, муку, сѣно и прочіе, и прочіе хозяйственные продукты. Капитанъ съ удовольствіемъ принималъ жертвователей и ихъ приношенія и затѣмъ, по количеству и качеству послѣднихъ, воздавалъ „коемуждо по дѣламъ его“.

Ему, казалось, все сходило съ рукъ. Но разъ какъ то едва не сорвалось. Дѣло было зимой въ морозный январскій день. Капитанъ только что возвратился съ охоты со своимъ пріятелемъ, холмогорскимъ же податнымъ инспекторомъ. Оба были навеселѣ и подъ веселую руку рѣшили организовать экспромтомъ военные маневры. Отданъ былъ приказъ вывести команду. Команда была приведена. Капитанъ угостилъ солдатъ водкой, а затѣмъ сѣвъ на лошадь скомандовалъ „бѣгомъ, маршъ"!. Получилось оригинальное зрѣлищѣ, не мало встревожившее обывателей. Впереди галопировали капитанъ съ податнымъ инспекторомъ, а позади нихъ бѣжали невѣрнымъ шагомъ солдаты, сбивая другъ друга съ ногъ и оглашая воздухъ какими то дикими возгласами. Гоньба продолжалась верстъ 5 до окрестной деревни Курьи. Неизвѣстно, входило ли въ планы этого новоявленнаго Угрюмъ-Бурчеева взять штурмомъ мирную деревушку и переколоть всѣхъ ея обывателей; извѣстно было лишь, что, прибывъ въ Курью съ командой, капитанъ снова принесъ богатую жертву въ честь Бахуса, угостившись самъ и угостивъ свое храброе воинство. И вотъ, когда многіе изъ солдатъ уже не владѣли языкомъ, а самъ капитанъ разсудкомъ, отданъ былъ снова приказъ возвращаться обратно и брать штурмомъ теперь уже наши Холмогоры. Повторилась та же картина. Впереди на лошадяхъ гарцовали стратеги, а сзади кое-какъ трусилъ гарнизонъ. Маневрамъ этимъ однако не суждено было кончиться такъ же весело, какъ они начались. Команда, не ѣвшая ничего съ утра, сильно захмѣлѣла, и на обратномъ пути многіе изъ солдатъ выбились изъ строя, растеряли ружья и попадали на дорогѣ. Стоялъ сильный морозъ, и почти всѣ отставшіе поотморозили себѣ, кто руки, кто ноги, уши, щеки, лицо, прежде чѣмъ были подобраны высланной изъ Холмогоръ подводой. Среди этихъ-то, частью пострадавшихъ, нашли

одного, совершенно замерзшаго. Несчастнаго не удалось вернуть къ жизни, и онъ остался навѣки трофеемъ капитанскихъ маневровъ.

Несмотря на всѣ принятыя мѣры скрыть отъ начальства слѣдствіе дикой выходки, капитана вызвали въ Петербургъ. Всѣ были увѣрены, что, при явной наличности совершеннаго преступленія, ему уже не вернуться въ Холмогоры съ прежними полномочіями. Но эта увѣренность не оправдалась; онъ сумѣлъ и здѣсь выйти сухимъ изъ воды. Слѣдствіе велось такъ образцово, что капитанъ, вмѣсто арестантскихъ ротъ, получилъ лишь легкій выговоръ и былъ оставленъ въ Холмогорахъ по прежнему воинскимъ начальникомъ.

Съ того времени онъ сталъ слыть въ городѣ не только сутягой и пьяницей, но и убійцей замороженнаго солдата. Тѣмъ не менѣе, онъ правилъ и повелѣвалъ, а ему покорялись безропотно.

Въ казармахъ этого преступника продѣлывались невѣроятныя вещи. Унтеръ-офицера, зараженные порокомъ своего начальника, подражали его системѣ взяточничества и проводили ее въ обыденную жизнь. Кто не давалъ или давалъ недостаточно, тотъ избивался до полусмерти. Увѣряли, что одному рядовому взбѣшенный унтеръ разорвалъ ротъ. Обыватели съ ужасомъ передавали другъ другу объ его звѣрствѣ, но не осмѣливались открыто протестовать. Да и передъ кѣмъ могли протестовать они? Въ глухомъ, окраинномъ, забытомъ міромъ городишкѣ, гдѣ капитанъ и исправникъ являются всемогущимъ, потакающимъ другъ другу во всякихъ гадостяхъ начальствомъ, въ этой деревушкѣ съ сотней лачугъ, при полномъ отсутствіи гласности и контроля, при невѣжествѣ и тьмѣ населенія, какого протеста можно было ждать противъ насилія и разбоя администраціи. Только здѣсь, въ дикой глуши лѣсовъ и болотъ могли еще до нашего времени удержаться ископаемыя чудовища, подобныя холмогорскому капитану.

И съ такимъ то негодяемъ намъ подъ-часъ приходилось имѣть дѣло. Намъ приходилось не только слушать о его преступленіяхъ и мучиться за безсиліе жертвъ, но мы сами должны были считаться съ распоряженіями этого уголовнаго преступника въ чинѣ капитана. Наши товарищи, приходившіе въ Холмогоры этапомъ и слѣдовавшіе послѣ двухсуточнаго роздыха дальше, должны были проводить все время въ отвратительномъ этапномъ помѣщеніи. Одинъ внѣшній видъ его приводилъ въ недоумѣніе даже самыхъ неприхот-

Перепряжка этапныхъ лошадей на станціи „Уйма".

ливыхъ изъ насъ, даже тѣхъ, кто зналъ по опыту, что представляютъ собой губернскія и уѣздныя тюрьмы въ Россіи. Полугнилая изба съ покосившимся на бокъ срубомъ, съ прогнившей крышей, въ которой торчало жалкое подобіе дымовой трубы, съ кривыми, едва пропускавшими свѣтъ окнами,—таково было это этапное помѣщеніе. Невѣроятная грязь, отсутствіе воздуха, свѣта, старыя, кишѣвшія паразитами нары,—таково было его внутреннее убранство. Обыкновенно изба не топилась, и лишь за день до прибытія этапа ее про-

тапливали, чтобы не заморозить окончательно временно въ нее заключенныхъ. Наша колонія не разъ пыталась освободить этапниковъ изъ тюремнаго заключенія, но каждый разъ, когда депутаты являлись къ капитану, его не оказывалось дома. Единственно, чѣмъ мы могли облегчить положеніе товарищей,—это горячими обѣдами, которые готовились для нихъ въ складчину на общій счетъ и передавались черезъ конвойныхъ. Дальше этого наше гостепріимство не шло, такъ какъ всѣ его проявленія подавлялись административно. Тѣмъ не менѣе для своихъ временныхъ гостей мы дѣлали все, что было въ нашихъ силахъ.

Черезъ Холмогоры въ зимнюю пору идутъ изъ Архангельска всѣ, безъ исключенія, этапы на востокъ и югъ губерніи. Регулярно этапы слѣдовали разъ въ недѣлю. Но экстренныхъ бывало гораздо больше, и бывали недѣли, когда черезъ Холмогоры проходили 2 и 3 партіи. Каждый разъ мы выходили къ нимъ за городъ и встрѣчали по дорогѣ, присоединяясь къ этапу. Издали еще можно было различить сверкавшіе на солнцѣ штыки конвойныхъ и въ ихъ цѣпи колонной растянувшихся этапниковъ. Впереди шли обыкновенно уголовные, сзади на саняхъ по 2—3 помѣщались политическіе. Правительство не дѣлало разницы между ссыльными убійцами, мошенниками, грабителями и революціонерами. Въ дорогѣ, во время стоянки на земскихъ станціяхъ и въ этапныхъ помѣщеніяхъ тѣ и другіе должны были одинаково подчиняться административнымъ инструкціямъ. Все свое время политическіе принуждены были проводить въ темной средѣ грубыхъ, часто развратныхъ до мозга костей уголовныхъ. Вмѣстѣ съ послѣдними они принуждены были ночевать по грязнымъ этапнымъ хатамъ, слушать ихъ дикую, нецензурную ругань, выносить на себѣ всю тяжесть общенія съ подонками русскаго общества. Администраціи было безразлично, что чувствовалъ револю-

ціонеръ въ окружавшей его средѣ уголовщины. Поставить рядомъ уголовнаго убійцу и революціонера, съ его высокоразвитой нравственностью, съ его глубокой отзывчивостью къ страданіямъ и юдоли русскаго народа, съ его преданностью великой идеѣ политическаго освобожденія родины—такое уравненіе могъ совершить лишь бездушный режимъ тюремщины.

Единственной привилегіей политическихъ ссыльныхъ, завоеванной упорными и долгими протестами, была возможность пользоваться конными подводами для переѣзда на мѣсто назначенія. Эту льготу, которой не пользовались шедшіе всю дорогу пѣшкомъ уголовные, политическимъ приходилось отстаивать силой чуть ни при каждомъ отправленіи. Но даже и при условіи коннаго передвиженія, этапный путь былъ истинной via dolorosa въ исторіи нашихъ лѣтописей о ссылкѣ.

Въ лѣтнюю пору онъ давался сравнительно легко. Температурѣ сѣвернаго лѣта чужды жары южнаго климата, и отправлявшимся по этапу не приходилось подвергаться тѣмъ мученіямъ, которыя выпадали на долю ссылаемыхъ въ періодъ зимнихъ стужъ и осеннихъ непогодъ. Одинъ взглядъ на географическую карту архангельскаго края, одно напоминаніе о его колоссальныхъ территоріальныхъ размѣрахъ и жестокихъ климатическихъ условіяхъ въ достаточной мѣрѣ поможетъ читателю составить себѣ представленіе объ условіяхъ, въ какія поставлены ссыльные по этапу. Многимъ изъ нихъ надо было проѣзжать сотни и сотни верстъ, прежде чѣмъ удавалось достигнуть деревушки, гдѣ-либо въ дебряхъ Печерскаго края или Поморья.

Въ главѣ объ общей уѣздной ссылкѣ я разберу болѣе подробно организацію административныхъ разселеній. Здѣсь мнѣ хотѣлось остановиться исключительно на характеристикѣ прогона Архангельскъ-Холмогоры и на роли этаповъ въ жизни холмогорской политической ссылки.

Изъ Холмогоръ этапъ, раздробившись на мелкія партіи, направлялся на югъ въ районъ Шенкурскаго уѣзда и на востокъ въ глушь Мезенскаго, Печерскаго и Пинежскаго уѣздовъ. Съ этого момента этапный путь становился несравненно болѣе тяжелымъ. Бездорожье, глухія, почти-что непроходимыя дебри, обступавшія ссыльнаго, по мѣрѣ проникновенія его въ нѣдры края, удаленность земскихъ станцій, одна отъ другой, затрудняли переѣзды, длившіеся въ нѣкоторыхъ случаяхъ недѣлями. Надо было быть физически крѣпкимъ человѣкомъ, чтобы безнаказанно перенести всѣ лишенія такого подневольнаго путешествія. Каково же было положеніе того, кто заболѣвалъ въ дорогѣ и, за отсутствіемъ всякой медицинской помощи, долженъ былъ переболѣть безъ ухода и призора, валяясь гдѣ либо на промежуточной станціи, среди незнакомыхъ людей, настроенныхъ къ тому же крайне враждебно къ расхворавшемуся „арестанту". И это было еще хорошо, если больного оставляли въ покоѣ и не заставляли силой продолжать прерванную поѣздку. Бывали случаи, когда къ намъ въ Холмогоры приходили въ зимнюю 20—30 градусную стужу больные этапники, и не малыхъ усилій стоило вырвать ихъ изъ когтей полиціи, чтобы уложить на больничную койку.

Да, это была тяжелая обстановка, незнакомая западно-европейскому гражданину. Темная больничная палата, тусклый свѣтъ, проникающій изъ-за желѣзной рѣшетки, грубая койка съ грязнымъ больничнымъ матрацемъ, и на ней больной, разбитый тюрьмой и дорогой, политическій ссыльный. А за дверью мѣрные шаги часового и мелькающій въ ея отверстіи двери блестящій солдатскій штыкъ.

Все собралось здѣсь, всѣ утѣхи жизни: неволя ссылки, болѣзнь и суровая чужбина выпали на долю русскаго политическаго ссыльнаго.

Мы уже стали привыкать къ ненормальностямъ ссыльной жизни, уже самъ собой намѣтился ея шаблонъ, содержаніе и интересы. Днемъ каждый изъ насъ занятъ былъ чтеніемъ книгъ и газетъ, вечеромъ мы обыкновенно собирались кружками и бесѣдовали на самыя разнообразныя теоретическія темы. Чтеніе и споры были единственнымъ развлеченіемъ въ нашемъ сѣромъ, томительномъ прозябаніи. Книга въ ссылкѣ необходимѣе хлѣба, и потому мы заботились не только о своихъ интересахъ, но и тѣхъ одиночекъ товарищей, которые жили по селамъ и деревнямъ уѣзда. Все, что можно было выслать имъ изъ книгъ и газетъ, мы высылали. Иногда къ намъ залетали и листки свободной прессы. Это были самыя свѣтлыя минуты въ жизни политическихъ колонистовъ. Каждому хотѣлось узнать, что дѣлается въ Россіи, въ той Россіи, гдѣ два великихъ, непримиримыхъ врага—свобода и самодержавіе, вели непрерывную, безпощадную борьбу между собой. Полиція съ своей стороны догадывалась, что порой въ наши руки попадала революціонная литература и тогда совершала набѣги изъ Архангельска. Вырывала изъ нашей среды преступника, не успѣвшаго уничтожить дыряваго, зачитаннаго листка, увозила съ собой въ Архангельскъ, держала его мѣсяцами въ тюрьмѣ, и потомъ высылала въ наказаніе въ еще болѣе глухія села и деревни.

Архангельская тюрьма никогда не пустовала. Ссылка далека была отъ исправленія, а потому и тюремныя кельи таили въ своихъ каменныхъ мѣшкахъ арестованныхъ ссыльныхъ. Жандармерія особенно была встревожена, когда въ началѣ 1904 г. въ Архангельскѣ и цѣломъ рядѣ уѣздныхъ городовъ стали распространяться чьей-то невидимой рукой сотни революціонныхъ прокламацій. Наѣзды жандармскихъ патрулей не прекращались, но не прекращалась и работа революціонныхъ организацій. Архангельскій „*Комитетъ*“ и „*Группа со-*

ціалдемократовъ Дальняго Сѣвера" были неуловимы. Листки разлетались à tout vent, разнося по краю заразу, будя сознаніе въ мѣстномъ населеніи, поддерживая духъ и энергію ссыльныхъ революціонеровъ.

Объявленіе войны и послѣдовавшій вскорѣ за тѣмъ призывъ флотскихъ запасныхъ еще болѣе усилили оживленіе въ Архангельской губерніи. Въ февралѣ правительство обратилось къ политическимъ ссыльнымъ съ предложеніемъ „вступить въ ряды русскаго воинства и тѣмъ загладить свою вину передъ престоломъ и отечествомъ". Когда холмогорскій исправникъ получилъ этотъ дикій наказъ, и наша колонія была вызвана для ознакомленія съ его содержаніемъ, мы in corpore явились въ полицейское управленіе и единодушно выразили охватившее насъ негодованіе въ рѣзкомъ, принятомъ единогласно, протестѣ. Безстыдство этого предложенія было такъ велико и нагло, что въ первую минуту послѣ его прочтенія нами овладѣло чувство безсильной злобы. Вечеромъ того же дня на общемъ собраніи мы, впрочемъ, съ достаточной ясностью отвѣтили въ своей резолюціи на „милость" самодержавнаго правительства. Не раскаявшись въ своей винѣ передъ престоломъ, мы еще болѣе увеличили ее передъ готовой было смилостивиться надъ ссылкой опричниной.

ГЛАВА VI.

Какъ примѣняла полиція „милости" царскаго манифеста по отдѣльнымъ селамъ уѣзда.—Отсутствіе единой организаціи въ ссылкѣ Архангельской губерніи.—Система разселенія ссыльныхъ по отдаленнымъ уѣздамъ.—Преслѣдованіе обывателей за знакомство съ „политическими".—Жертвы этихъ преслѣдованій.—Мое переселеніе въ Архангельскъ.

Манифестъ побывалъ не только у насъ въ Холмогорахъ. Онъ былъ прочитанъ въ самыхъ глухихъ и отдаленныхъ деревняхъ, гдѣ только сидѣли политическіе.

въ мѣстахъ, гдѣ полиція имѣла дѣло съ колонистами-одиночками, за чтеніемъ манифеста слѣдовали насильственныя угрозы и принужденія. Урядникъ не ограничивался ролью глашатая царской грамоты, онъ бралъ на себя болѣе сложную задачу—„убѣдить“ или силой принудить „политика“ вступить въ ряды арміи. Помню, въ мартѣ мы получили тяжелое письмо отъ одного товарища рабочаго, писавшаго намъ о своемъ невыносимомъ положеніи. Онъ жилъ одинъ въ небольшомъ глухомъ селѣ Обозерскѣ, среди враждебно настроеннаго къ нему населенія. Когда урядникъ получилъ манифестъ и передалъ ему его содержаніе, товарищъ, будучи сознательнымъ революціонеромъ, наотрѣзъ отказался отъ всякихъ компромиссовъ съ правительствомъ. Несмотря на то урядникъ сперва мирно уговаривалъ его взять отказъ обратно, а потомъ открыто заявилъ, что, въ случаѣ упорства, изведетъ его придирками и полицейскимъ надзоромъ. Когда не подѣйствовала и угроза, насиліе въ самыхъ гнусныхъ формахъ вступило въ силу. Мало того, что урядникъ усилилъ надзоръ надъ протестантомъ, преслѣдуя его непрерывно шпіонажемъ и массою мелочныхъ требованій, онъ съумѣлъ возбудить своимъ клеветничествомъ противъ ненавистнаго ему ссыльнаго мѣстныхъ крестьянъ, разсказывая имъ объ его отказѣ и сопровождая это своими комментаріями.

Ко времени, когда мы получили письмо, жизнь товарища превратилась въ длительную, мучительную пытку. Урядникъ угнеталъ его, пустивъ въ дѣло всѣ изобрѣтенія полицейскаго насилія. Крестьяне, подъ вліяніемъ агитаціи урядника, открыто грозили избить его. Что было дѣлать? Читая его письмо, видя отчаяніе, которымъ было проникнуто его содержаніе, я хорошо представлялъ себѣ всю безвыходность его положенія. Передъ глазами истязали ни въ чемъ неповиннаго человѣка, но ссылка не была настолько организована,

чтобъ коллективнымъ протестомъ или активнымъ вмѣшательствомъ прекратить его мученія. Прошеніе о переводѣ въ другой поселокъ ни къ чему бы не привело. Оставалось одно: бѣжать, эмигрировать, вырвать себя изъ рукъ насильника. Но вставалъ другой, неразрѣшимый вопросъ: куда бѣжать? Какъ бѣжать? Десятки верстъ лѣсной чащи, топкихъ болотъ, зоркіе глаза полицейскаго хищника, отсутствіе всякихъ средствъ и полное незнаніе мѣстности вставали въ представленіи бѣгуна. Возможность голодной смерти или новой полицейской расправы съ неразрывно связанной карой въ формѣ перевода въ еще болѣе удаленный пунктъ, связывали его по рукамъ и ногамъ, заставляя отказаться отъ невыполнимыхъ плановъ. Итакъ, надо было оставаться на мѣстѣ, надо было привыкать къ своему исключительному положенію, сплошной обидѣ и издѣвательству.

Здѣсь я замѣчу, что только благодаря отсутствію общей организованности архангельской ссылки возможны были подобныя проявленія полицейскаго гнета надъ отдѣльными, безсильными въ своемъ одиночествѣ, политическими. Архангельская ссылка въ цѣломъ была отвѣтственна за ужасы, которымъ подвергались въ медвѣжьихъ углахъ отдѣльные члены ея политическихъ колоній. Ея неорганизованность позволяла полиціи чинить надъ ними варварскій судъ и расправу; ея неорганизованность развязывала ей руки и пріучала смотрѣть на политическихъ ссыльныхъ, какъ на безсильныхъ и безгласныхъ объектовъ ея насильническихъ инстинктовъ. Я скажу даже болѣе: благодаря неорганизованности, благодаря молчаливой лойяльности архангельской ссылки, не бывшей знакомой съ энергичной борьбой сибирскихъ товарищей, полицейское притѣсненіе стало входить въ обычай, въ норму повседневной жизни. Статистика отдѣльныхъ столкновеній политическихъ съ полиціей по деревнямъ и селамъ уѣздовъ показывала ихъ непрерывный ростъ и въ то же время

говорила, что эти рѣзкія вспышки неорганизованной борьбы съ исключительностью положенія, не всегда оканчивались успѣшно для политическихъ ссыльныхъ. Архангельская ссылка опять таки благодаря своей неорганизованности промолчала, когда, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, губернаторы Римскій-Корсаковъ и, особенно, Бюнтингъ ввели систему изоляціи ссылаемыхъ, резселяя ихъ по отдаленнѣйшимъ поселкамъ Печорскаго и Мезенскаго уѣздовъ. Этотъ рѣзкій переходъ въ политикѣ, примѣнявшейся къ политическимъ этапникамъ, не существовалъ бы, если бы ссылка съумѣла отвѣтить на него такимъ же рѣзкимъ и своевременнымъ протестомъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ съ нимъ боролись, его замѣчали и даже отмѣчали въ прессѣ, но для ссылки въ ея цѣломъ эта крупная репрессія осталась незамѣченной и неопротестованной. Вслѣдъ за введеніемъ изоляціи, развязно комментировавшейся губернаторскими устами: „вы, вѣдь, пріѣхали сюда не устраиваться, а отбывать наказаніе“,—послѣдовало другое мѣропріятіе, направленное къ осуществленію той же усиленной изоляціи.

Въ декабрѣ 1903 г. появился любопытнѣйшій документъ, выпущенный канцеляріей министерства народнаго просвѣщенія и оффиціально подтверждавшій наши догадки. Этотъ „секретный“ и, подобно многимъ другимъ „секретнымъ“ циркулярамъ, увидавшій свѣтъ документъ, такъ характеренъ и, въ то же время, такъ близорукъ, что читатели не посѣтуютъ на меня, если я приведу его здѣсь полностью.

Секретно.

М. Н. П.

С.-Петербургскій Учебный Округъ.

ДИРЕКЦІЯ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ

Архангельской губ.

Декабрь 1903 г.

Въ послѣднее время значительно увеличилось число лицъ, водворенныхъ на временное жительство въ г. Архангельскѣ и уѣздахъ Архангельской губ. и состоящихъ подъ гласнымъ надзоромъ полиціи по обвиненію ихъ въ политической или нравственной неблагонадежности. Между означенными лицами вѣроятно найдутся и такія, которыя, въ цѣляхъ противоправительственной пропаганды, будутъ искать сближенія съ народными учителями и учительницами и позволятъ себѣ злоупотребить ихъ неопытностью и довѣрчивостью, столь свойственными молодымъ людямъ, къ числу каковыхъ принадлежитъ большинство подвѣдомственныхъ дирекціи учителей и учительницъ.

Поэтому, въ видахъ предостереженія учителей и учительницъ городскихъ и начальныхъ, приходскихъ и сельскихъ, министерскихъ и общественныхъ учи-

лицъ Архангельской губ. и частныхъ школъ города Архангельска отъ вреднаго вліянія и печальныхъ послѣдствій, которыя можетъ повлечь за собой сближеніе съ людьми преступнаго образа мыслей, считаю своей обязанностью предложить означеннымъ учителямъ и учительницамъ избѣгать всякаго знакомства съ лицами, состоящими подъ надзоромъ полиціи, не входить съ ними ни въ какія сношенія, ни личныя, ни письменныя, отнюдь не допускать ихъ къ пользованію училищными библіотеками и самимъ не брать у нихъ книгъ для чтенія. И неупустительно слѣдить, чтобы въ учебныя заведенія не проникли какія-либо нелегальныя изданія, печатныя и рукописныя, распространяемыя людьми злонамѣренными: въ случаѣ же обнаруженія въ стѣнахъ учебнаго ааведенія такого рода изданій, немедленно отправлять таковыя въ подлинникѣ: изъ городскихъ, училищъ—мнѣ, а изъ приходскихъ и сельскихъ министерскихъ и общественныхъ училищъ и частныхъ школъ — къ подлежащему инспектору народныхъ училищъ для препровожденія въ мѣстное губерпское жандармское управленіе, согласно предписанію М. Н. П., сообщенному въ циркулярномъ предложеніи г. попечителя С.-Петербургскаго Учебнаго Округа отъ 24 іюня сего года за № 96. Само собой разумѣется, что учащіе обязаны заботливо и неуклонно оберегать своихъ воспитанниковъ (особенно старшихъ классовъ учебныхъ за-

веденій) отъ знакомства съ злонамѣренными людьми и сочиненіями нелегальнаго характера.

Директоръ народныхъ училищъ

Острогорскій.

Этотъ необыкновенной откровенности циркуляръ, сфабрикованный попечительнымъ начальствомъ, содержалъ въ себѣ такіе перлы краснорѣчія, и въ то же время былъ настолько грубъ, нетактиченъ и оскорбителенъ для „неопытныхъ и довѣрчивыхъ учителей и учительницъ“, на которыхъ онъ возлагалъ чисто полицейскія обязанности по выслѣживанію и подслушиванію за учениками, что вызвалъ собой цѣлый рядъ столкновеній учащихъ въ народныхъ школахъ съ ихъ директоромъ. Лучшіе изъ нихъ не сочли возможнымъ учительствовать, при наличности подобныхъ условій, и оставили свои мѣста; другіе игнорировали нелѣпое распоряженіе начальства и не порывали своихъ отношеній съ нами. Въ такихъ случаяхъ начинались доносы, преслѣдованія, иногда оканчивавшіяся трагически.

У насъ, въ Холмогорахъ, жилъ симпатичный и довольно развитой учитель N. Онъ былъ знакомъ съ большинствомъ изъ насъ и заходилъ не рѣдко по вечерамъ побесѣдовать съ нами, отдохнуть въ нашей средѣ. Мы привыкли видѣть его у себя и считали почти своимъ человѣкомъ; но съ зимы 1903 года, несмотря на предосторожности, которыя N. соблюдалъ при сношеніяхъ съ нами, исправникъ узналъ о его знакомствахъ и открылъ на него гоненія. N. и безъ того крайне нервный, забитый тяжелыми условіями жизни человѣкъ, болѣзненно отзывавшійся на всякую пошлость и несправедливость, сильно мучился и тяготился полицейскимъ надзоромъ. Получивъ отъ ди-

рекціи циркуляръ, онъ окончательно изнемогъ въ борьбѣ съ полицейскимъ крючкотворствомъ, сталъ нерѣдко заговариваться, и черезъ мѣсяцъ никто не узнавалъ этого милаго и живого въ былое время человѣка. Тихое умопомѣшательство овладѣло имъ окончательно. Въ разговорахъ онъ каждый разъ говорилъ, что владѣетъ огромнымъ состояніемъ и выстроитъ для политическихъ ссыльныхъ роскошный домъ, со всѣми удобствами и усовершенствованіями. Онъ былъ не первой и не послѣдней жертвой абсолютистскаго режима. Ярость овладѣвала имъ и теперь, когда кто либо произносилъ въ его присутствіи слово „правительство“ или „полиція“.

Въ январѣ или февралѣ пришла отставка, и N., больной и разбитый, въ сопровожденіи жены, уѣхалъ отъ насъ въ Архангельскъ.

Надо думать, что секретный циркуляръ учителямъ и учительницамъ не былъ единственнымъ документомъ, свидѣтельствовавшимъ о стремленіи бюрократіи изолировать чиновничество отъ „вреднаго“ вліянія политической ссылки.

Преслѣдованія, которымъ подвергались учителя за знакомство съ политиками, не были явленіемъ исключительно присущимъ вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія: отъ нихъ не освобождался ни одинъ чиновникъ, рѣшавшійся принимать у себя на дому политическихъ. Доносъ, обыскъ, переводъ на другое мѣсто грозилъ въ такомъ случаѣ смѣльчаку, дерзнувшему водить знакомство съ политическимъ „преступникомъ“.

Ранней весной, когда еще въ нашихъ широтахъ ничто не обнаруживало ея наступленія, мною былъ полученъ переводъ въ Архангельскъ. Черезъ день я и товарищъ, уѣзжавшій вмѣстѣ со мной, покидали Холмогоры, напутствуемые добрыми пожеланіями холмо-

горскихъ колонистовъ. У околицы насъ встрѣтилъ послѣдній изъ холмогорскихъ товарищей Войцеховскій со всей своей семьей. Дѣти, отецъ и мать махали еще издали красными платками, устроивъ намъ такимъ образомъ неожиданные демонстративные проводы. Эта встрѣча была послѣдней, оставшейся у меня въ памяти отъ Холмогоръ и ихъ колоніи.

Какъ ни тяжела была наша жизнь, отравленная всевозможными лишеніями и ограниченіями, но, покидая Холмогоры, я уносилъ съ собой цѣлый рядъ свѣтлыхъ воспоминаній о своихъ знакомствахъ и о холмогорской колоніальной жизни. Мнѣ предстояло теперь познакомиться съ обширной архангельской колоніей, съ условіями ея жизни и внутренними отношеніями, во многомъ отличными отъ нашихъ уѣздныхъ.

ГЛАВА VII.

Первыя впечатлѣнія отъ Архангельска.—Внѣшній видъ города.—Сѣверная Двина зимой и лѣтомъ.—„Бѣлыя ночи“ крайняго сѣвера.—Архангельская колонія политическихъ ссыльныхъ, ея численность и составъ.—Колоніальныя собранія.—Исключительное положеніе колоніи города Архангельска.—Ея отношенія къ уѣздной ссылкѣ. Кассовая организація колоніи.—Область ея функцій.

Послѣ Холмогорскаго захолустья, съ его едва замѣтной, чуть пробивавшейся наружу жизнью, съ его бытовой примитивностью и однообразіемъ, Архангельскъ могъ сойти за сѣверную Пальмиру. Конечно, это благопріятное впечатлѣніе складывалось подъ вліяніемъ холмогорскихъ воспоминаній, еще столь свѣжихъ и живыхъ, и потому относительная культурность губернскаго города выдѣлялась рѣзко на темномъ фонѣ уѣздной заброшенной деревушки.

Еще бы! Послѣ пошатнувшихся, кое какъ сколоченныхъ хатенокъ Холмогоръ, послѣ ихъ занесенныхъ глубокимъ снѣгомъ и темныхъ пустынныхъ улицъ я

увидалъ здѣсь рядъ правильно тянувшихся „проспектовъ", довольно красивыхъ построекъ и даже керосиновыхъ фонарей. Съ особой почтительностью привѣтствовалъ я эти послѣдніе, ибо они были для меня несомнѣнными показателями городского благоустройства. Ихъ желтые огоньки давали достаточно свѣта, чтобы не сбиться съ дороги и не поломать ногъ на какомъ либо изъ архангельскихъ „проспектовъ". Съ теченіемъ времени я даже узналъ, что въ городѣ, помимо керосиновыхъ фонарей, тюрьмы и жандармскаго

Общій видъ гор. Архангельска.

управленія, имѣлся губернскій музей съ довольно значительными зоологической, ботанической и минералогической коллекціями крайняго сѣвера, городская библіотека и читальня, мужская и женская гимназія, средне-техническое и коммерческо-мореходное училище, семинарія и женское епархіальное училище. Наконецъ, какъ портовый и промысловый городъ, ведущій значительную внѣшнюю торговлю, Архангельскъ имѣетъ свою таможню, осеннюю ярмарку, съ десятокъ акціонерныхъ пароходныхъ компаній, торговыхъ конторъ и прочихъ ком-

мерческихъ заведеній. Подъ городомъ и въ немъ самомъ работаютъ лѣсопилки, пивоваренный заводъ и нѣсколько значительныхъ механическихъ мастерскихъ. Помимо пяти, такъ называемыхъ, проспектовъ,— длинныхъ, тянущихся параллельно двинскому берегу улицъ, съ короткими, пересѣкающими ихъ переулками, большой извѣстностью пользуется „нѣмецкая слобода“. „Слобода“ состоитъ изъ одной улицы съ набережной и считается лучшей частью города. Ея населеніе почти сплошь нѣмецкое. Большинство нѣмцевъ переселилось сюда съ давняго времени изъ прибалтійскаго края, живетъ довольно замкнутой колоніальной жизнью и насчитываетъ въ своей средѣ немало крупныхъ фабрикантовъ и промышленниковъ.

Тамъ и сямъ надъ городомъ сверкаютъ на солнцѣ купола и кресты древнихъ, сотни лѣтъ насчитывающихъ за собою, православныхъ церквей. Есть кирха и костелъ. Торговые интересы иностранныхъ державъ представлены консулами почти всѣхъ западно-европейскихъ странъ. Недалеко отъ города, на островѣ, образованномъ двумя рукавами Сѣверной Двины, расположилось небольшое предмѣстье Соломбала. Помимо огромнаго каменнаго корпуса, только что отстроенной и уже успѣвшей сгорѣть тюрьмы да древней обветшавшей церкви, здѣсь нѣтъ ничего, что могло бы остановить на себѣ вниманіе сѣвернаго путешественника. Улицы застроены небольшими деревянными домами, узки, въ большинствѣ случаевъ не мощены и потому страшно грязны въ осеннюю и весеннюю ростепель.

Въ топографическомъ отношеніи Архангельскъ представляетъ узкую, версты на четыре растянувшуюся вдоль двинскаго берега, полосу, на которой живетъ его 20-ти тысячное населеніе. Почва дренирована лишь отчасти и преимущественно въ мѣстахъ, прилегающихъ къ набережной Сѣверо-восточной своей стороной городская окраина входитъ въ болотистую мховую тун-

дру, поросшую однообразнымъ буроватымъ кустарникомъ. Видъ этой необитаемой пустыни, уходящей на сотни верстъ къ Сѣверному Уралу, далеко не привлекателенъ, — особенно осенью, въ періодъ затяжныхъ холодныхъ дождей и сѣрыхъ осеннихъ сумерокъ.

Противоположная ей часть города, выходящая на Сѣверную Двину, расположена въ болѣе здоровой, дренированной и мощенной мѣстности.

Лучшимъ украшеніемъ Архангельска безспорно является могучая, вѣчно суровая въ своихъ лѣтнихъ краскахъ, красавица Двина. Зимою, когда сила ея темныхъ синихъ волнъ скована двухаршинной толщей ледяного покрова, жизнь на ней замираетъ. Лишь кое гдѣ по парчевой, ослѣпительно блещущей на солнцѣ поверхности ея тянутся, какъ тонкія нити, и уходятъ въ даль зимнія, проложенныя обозами дороги. Свѣтовыя тѣни и краски, мягкія и неуловимо варьирующія въ тонахъ, ложатся на ея широкую холодную грудь. Розоватый нѣжный отблескъ восхода легкимъ, чуть замѣтнымъ румянцемъ окрашиваетъ ея ровную, безпредѣльную гладь. Этотъ полутонъ придаетъ зимнему убору Сѣверной Двины особенно очаровательный, ласкающій видъ. Въ пасмурный день румянецъ исчезаетъ. Темно синей свинцовой лентой окаймляются края небеснаго горизонта. Матово-бѣлой, безукоризненно чистой пеленой лежатъ тогда пушистые снѣга на всемъ протяженіи Двины,—куда только достигаетъ человѣческій глазъ. Безстрастный, безжизненный и все же величественный въ своей суровой красотѣ ландшафтъ дикаго сѣвера!

Точно могучая рука невѣдомаго исполина перевернула воздушный, окрашенный въ темную синеву бокалъ и поставила на бѣлоснѣжную скатерть сѣверныхъ пустынь.

А какое богатство и разнообразіе красокъ являетъ Двина при безоблачномъ солнечномъ заходѣ зимой. Ни одному художнику не угнаться за ея свѣ-

товыми эфектами. Косые лучи постепенно тухнущаго багряница легкимъ прикосновеніемъ къ полярнымъ снѣгамъ зажигаютъ въ нихъ милліарды алмазовъ на ледяной груди сѣверной красавицы. Ихъ сказочные огни вспыхиваютъ тамъ и сямъ и далеко на горизонтѣ сливаются въ одинъ ровный лиловато-оранжевый свѣтъ. Глазъ не вѣритъ, что передъ нимъ однообразная снѣжная равнина! Онъ пораженъ ея мягкой фосфорисцирующей красотой. Но по мѣрѣ того, какъ тухнетъ и меркнетъ западъ, тухнутъ и гаснутъ огни и краски двинскихъ снѣговъ. Темнѣе и темнѣе набѣгаютъ тѣни одна за другой и набрасываютъ свою чуть замѣтную вуаль на ихъ угасающую поверхность. Прежніе нѣжные тоны теряютъ свой свѣтлый колоритъ и становятся сгущеннѣе, опредѣленнѣе. Ярко загораются созвѣздія сѣвернаго полушарія. Тихо теплятся ихъ мигающіе огоньки въ крѣпкомъ морозномъ воздухѣ. Двина, закутавшись въ сумракѣ долгой полярной ночи, уже не привлекаетъ болѣе вниманія холодомъ своихъ льдовъ и снѣговъ.

Навигація переноситъ всю торговую жизнь Архангельска на двинскія пристани. За тихимъ и плавнымъ ледоходомъ, на широкой, въ иныхъ мѣстахъ пятиверстной, поверхности рѣки, наступаетъ необыкновенное оживленіе; небольшіе, юркіе пассажирскіе пароходики непрерывно снуютъ между городомъ и Соломбалой, поддерживая между ними сношенія; свистятъ и пѣнятъ воду винтами труженники-буксиры, плавно и медленно, какъ огромная сказочная птица, скользитъ по темнымъ водамъ сѣверная шкуна, распустивъ свои бѣлые, крылатые паруса. Изрѣдка на горизонтѣ появляется огромный остовъ океанскаго парохода, и цѣлый рядъ волнъ бѣжитъ вслѣдъ за нимъ и долго, долго плещется съ шумомъ у берега.

Но все же угрюма и сурова Сѣверная Двина въ лѣтнюю и весеннюю пору. Въ ея темнобурыхъ неспо-

койныхъ водахъ не отражается ни ласки нѣжной весенней природы, ни пышащая красота столь рѣдкихъ на далекомъ сѣверѣ звойно-томительныхъ лѣтнихъ дней. Вѣчно быстрая, вѣчно подернутая зыбью или легкой волной, она несетъ массу своихъ холодныхъ, глубокихъ волнъ въ даръ такому же угрюмому и капризному Бѣлому морю. Скользнетъ ли яркій, смѣющійся лучъ весенняго солнца по зеркалу ея водъ, надвинется ли тяжелая грозовая туча,—Двина неизмѣнно мрачна и недружелюбно отражаетъ въ себѣ то и другое. Тем-

Въ тундряной тайгѣ зимою.

но-желтымъ на солнцѣ и глубоко синимъ, свинцовымъ, свѣтомъ въ пасмурный день ограничивается все разнообразіе ея красокъ. И странно бывало наблюдать рѣзкое, противорѣчивое сочетаніе въ тонахъ двинскихъ окрестностей. Низкіе, зеленые луга далекаго противоположнаго берега, необычно яркая зелень ихъ травъ, залитая такимъ же яркимъ весеннимъ солнцемъ, лазорево-голубой весенній сводъ неба и Двина, нахмуренная, недоброжелательная, не признающая въ своемъ угрюмомъ контрастѣ никакихъ идиллій природы! —

Такъ иногда въ шаловливой, смѣющейся толпѣ беззаботной молодежи промелькнетъ хмурое лицо неустаннаго труженника жизни и сразу разрушитъ цѣлостность радостнаго впечатлѣнія.

И все же бываютъ моменты, когда чело холодной красавицы Двины преображается, становится неузнаваемымъ, прекраснымъ въ мягкости и жизненности его выраженій. Но это—рѣдкіе, волшебные моменты! Двина стыдится показывать ихъ нескромному взгляду человѣка: ей самой они кажутся страннымъ исключеніемъ, ихъ она скрываетъ въ мерцающемъ свѣтѣ сѣверной лѣтней ночи. Только тотъ, кто просиживалъ эти феерическія, сказочно странныя ночи на берегахъ Двины, кто воспринималъ и чувствовалъ въ себѣ всѣ чудеса „бѣлой" полярной ночи, когда по выраженію Кнута Гамсуна „все реальное становится нереальнымъ", и человѣкъ теряется въ представленіяхъ о времени,—только того могла Двина подарить своей робкой улыбкой, только тому она, нѣжась и загораясь стыдливымъ румянцемъ немеркнущаго востока, могла показать, какую глубокую страсть таитъ она въ себѣ, прикрываясь сурово-дикимъ обликомъ.

Два,—три часа ночи. Но ни сумерокъ, ни даже густыхъ тѣней... Все наполнено какимъ то ровнымъ молочно-бѣлымъ теплымъ воздухомъ, въ которомъ тонутъ далекіе горизонты, и глазъ не можетъ оріентироваться въ пространствѣ. Чувствуешь, что давно наступила глубокая ночь и не можешь въ то же время свыкнуться съ этимъ представленіемъ, съ этимъ непрерывнымъ свѣтомъ, въ которомъ плаваютъ легкія широкія тѣни, въ которомъ висятъ какіе-то волшебные, чуть улавливаемые ухомъ звуки. Плакучія березы, берега рѣки и широкое лоно водъ ея,—все теряетъ рѣзкость своихъ контуровъ, красокъ; кажется, что все то, что видитъ глазъ—не тяжелая матерія, а сгустившійся въ опредѣленныя формы опаловаго цвѣта туманъ.

Мистическая, полная художественной поэзіи картина!

Мертвая тишь надъ рѣкой, изрѣдка, развѣ, нарушаемая плескомъ сонной рыбы или заунывнымъ пискомъ серебряной чайки; тихо, беззвучно скользящіе парусники, туманнымъ силуэтомъ вырисовывающіеся на румяномъ востокѣ, и самый востокъ, ни на минуту не тухнущій, играющій мягкими, великолѣпными полутонами... Въ эти часы общаго покоя природы и Двина безмятежно кротка. Въ неподвижномъ лишь мѣстами подернутомъ рябью зеркалѣ ея водъ смотрятся оранжево-розовый востокъ и темнолиловый западъ. Кое гдѣ медленно подымается сѣдой туманъ и ползетъ по ея поверхности; кое гдѣ налетѣвшій порывъ утренняго вѣтерка сморщитъ ровную гладь рѣки и заколышетъ листомъ березы.

Рѣдки эти часы идиллической гармоніи въ широтахъ крайняго сѣвера! Въ іюльскія „бѣлыя ночи" рождаются они, и тотъ, кто хотѣлъ наблюдать ихъ поэзію, ихъ исключительно рѣдкую для сѣвера прелесть, долженъ былъ провести не одну безсонную ночь у широкихъ водъ Сѣверной Двины.

У насъ, политическихъ невольниковъ дальняго сѣвера, съ представленіемъ объ ея могучихъ силахъ, своеобразной поэзіи, природѣ и жизни, навсегда останется связаннымъ цѣлый рядъ воспоминаній, радостныхъ и печальныхъ, -тѣхъ воспоминаній, которыя у каждаго изъ насъ сохранилъ дневникъ черныхъ дней заточенія: для сколькихъ изъ насъ Двина была освободительницей, сколькихъ спасла она на своихъ темныхъ волнахъ и сколькихъ, наоборотъ, унесла и разбросала по удаленнымъ деревнямъ и селамъ пустынныхъ архангельскихъ уѣздовъ!

Но теперь я оставлю ее въ сторонѣ, чтобы заняться изображеніемъ жизни архангельской политической колоніи.

Въ началѣ весны 1904 г., когда я перекочевалъ

Архангельская колонія политическихъ ссыльныхъ въ октябрѣ 1904 г.

изъ Холмогоръ въ Архангельскъ, насъ политическихъ насчитывалось около ста человѣкъ. Эта цифра постепенно росла, и къ лѣту того же года колонія состояла уже изъ 115—120 членовъ. Это былъ ея максимальный по численности составъ. Съ іюля, когда отношенія къ ссылкѣ вновь назначеннаго губернатора Бюнтинга рѣзко измѣнились, и принята была тактика разселенія, цифра архангельскихъ колонистовъ замѣтно редуцировалась. Такимъ образомъ я пережилъ періодъ наибольшаго оживленія, совпадавшаго и обусловливавшагося разнообразіемъ въ составѣ и людности колоніи. Само собой разумѣется, что общій характеръ, общій habitus собственно архангельской ссылки во многомъ рѣзко отличался отъ таковыхъ холмогорской. Это объяснялось не только иными условіями жизни, въ которой наблюдалось болѣе разнообразія и свободы, но главнымъ образомъ отличнымъ отъ холомогорскаго составомъ ея членовъ. Въ то время какъ въ Холомогорахъ ссыльные, за исключеніемъ одного, двухъ человѣкъ, считались членами двухъ дѣйствительныхъ въ Россіи въ то время революціонныхъ партій: соціалдемократической и соціалистовъ-революціонеровъ, въ Архангельскѣ вмѣстѣ съ многочисленностью колоніи новичка поражала та мѣшанина въ политическомъ credo, которая каждый разъ ярко обнаруживалась на общихъ собраніяхъ. Здѣсь были соціалдемократы - ортодоксы и оппортюнисты. Были соціалисты-революціонеры, съ фланкировавшими ихъ радикальными демократами. Было наконецъ представлено и только что начинавшееся тогда либерально-оппозиціонное теченіе цѣлымъ рядомъ лицъ, высланныхъ по распоряженію Плеве съ разнообразныхъ съѣздовъ—техническаго, пироговскаго, изъ работавшихъ въ то время „комитетовъ по нуждамъ сельскаго хозяйства“ и изъ наиболѣе либеральныхъ земскихъ организацій.

Сторонники революціонныхъ партій тонули въ гущѣ

оппозиціоннаго либерализма, своей численностью не уступавшаго имъ обѣимъ, взятымъ вмѣстѣ. Понятно поэтому, что и численное отношеніе интеллигенціи къ рабочимъ для Архангельска было также исключительнымъ. Политическіе рабочіе, всего 10—15 человѣкъ, представляли слишкомъ незначительный процентъ по отношенію къ интеллигенціи, и потому архангельская колонія могла считаться колоніей ссыльной интеллигенціи. Всѣ или почти всѣ, такъ называемыя, свободныя профессіи имѣли здѣсь своихъ делегатовъ: медицина и юриспруденція, профессура и земство, студенчество и женскіе курсы, педагогика и техника, статистика и даже офицерство значились въ спискахъ „враговъ отечества". Въ эпоху безпощадныхъ преслѣдованій Плеве немного надо было сдѣлать, чтобы въ 24 часа проститься съ родиной. Одинъ предсѣдательствовалъ на студенческой сходкѣ, другой сказалъ гдѣ то рѣчь, третій былъ защитникомъ по дѣлу объ еврейскомъ погромѣ, четвертый по оплошности не успѣлъ уничтожить какой нибудь листокъ нелегальной литературы,—и вотъ всѣхъ ихъ постигла одна и та же участь. Всѣ они были признаны „врагами отечества" и высланы на долгіе годы въ предѣлы архангельской губерніи. Поэтому среди такихъ случайныхъ ораторовъ, предсѣдателей сходокъ или съѣздовъ трудно было встрѣтить людей, получившихъ правильное политическое воспитаніе, имѣвшихъ за собой годы серьезной революціонной работы и считавшихъ себя убѣжденными сторонниками одной изъ революціонныхъ партій. Товарищи, принадлежавшіе къ послѣдней категоріи, слыли въ средѣ ссыльнаго либерализма за людей нетерпимыхъ, узкихъ и рѣзкихъ въ своихъ къ нему отношеніяхъ. На собраніяхъ, гдѣ встрѣчалось то и другое направленіе, велись страстные дебаты, приводившіе зачастую къ личнымъ счетамъ, личной непріязни и раздорамъ. Эти столкновенія впослѣдствіи настолько участились и

обострились, что созывъ общихъ собраній сталъ дѣломъ крайне затруднительнымъ и почти невозможнымъ. Литературные рефераты на политическія или общественныя темы кончались тѣмъ же. Несмотря на это, я встрѣчалъ многихъ товарищей, совершенно не понимавшихъ происходившей на ихъ глазахъ дифференціаціи колоніи и скорбѣвшихъ объ отсутствіи единенія въ ея средѣ. Здѣсь несомнѣнно смѣшивались двѣ совершенно другъ отъ друга отличныя стороны дѣла. Невозможно было требовать отъ людей, хотя бы и одинаково пострадавшихъ, но совершнно расходившихся въ своихъ убѣжденіяхъ, какого либо *партійнаго* тѣснаго объединенія. И обратно, отъ нихъ надо было требовать объединенія, основаннаго на общей *организаціи ссылки*. Какъ бы ни было противорѣчиво внутреннее взаимоотношеніе между членами колоніи, какъ бы ни отличался соціалдемократъ въ своемъ программномъ credo отъ либерала или соціалиста-революціонера, но и тотъ, и другой, и третій входили въ составъ одной и той же ссылки, жили при однихъ и тѣхъ же исключительныхъ условіяхъ, чувствовали надъ собою, всѣ безъ исключенія, одинъ и тотъ же гнетъ полицейскаго насилія. Въ ссылкѣ, какъ и на политической аренѣ активной дѣятельности слѣдовало руководствоваться тѣмъ же принципомъ: „врозь идти, вмѣстѣ бить".

Раньше я уже говорилъ, насколько вредно отзывалось отсутствіе общей организованности архангельской ссылки на жизни всѣхъ политическихъ колоній. Пока ея не было, административное дробленіе и изоляція политической ссылки неуклонно примѣнялись къ ея общинамъ; пока не было сплоченности противъ полицейскихъ репрессій, примѣнялась ихъ тактика, и притомъ по отношенію къ тѣмъ товарищамъ, революціонная чуткость и сознательность которыхъ были наиболѣе воспріимчивы къ административнымъ прижимкамъ. Съ этой точки зрѣнія были безспорно правы тѣ изъ поли-

тическихъ, которые болѣли душой, присутствуя на нашихъ бурныхъ литературныхъ турнирахъ. Имъ казалось, что при подобныхъ столкновеніяхъ въ полѣ чисто теоретическихъ воззрѣній невозможно было заняться дѣломъ общей организаціи. Такой взглядъ былъ неправиленъ, и сама жизнь не разъ показала, что расхожденіе въ чистой теоріи или въ вопросахъ, касавшихся революціонной тактики, уживалось съ относительной солидарностью и замкнутымъ единеніемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ссылка замѣчала тѣ или иныя поползновенія администраціи урѣзать завоеванныя ею уступки и послабленія. Къ сожалѣнію, такое сплоченіе силъ бывало явленіемъ временнымъ, вызываемымъ наиболѣе острыми конфликтами съ полиціей. Въ мирное время организаціи не было, и уѣзднымъ одиночкамъ, наиболѣе заинтересованнымъ въ ней, приходилось нерѣдко молчать и гнуть шею подъ тяжестью мало-по-малу примѣнявшихся къ нимъ требованій. Въ то же время всѣ сознавали, что на политической колоніи Архангельска лежала отвѣтственная роль передъ большинствомъ мелкихъ уѣздныхъ группъ. Она вытекала сама собой изъ того сравнительно благопріятнаго положенія, въ которое была поставлена жизнь архангельскихъ ссыльныхъ. Непосредственныя сношенія съ высшей администраціей, позволявшія быстро принимать мѣры при самооборонѣ или защитѣ интересовъ ссыльныхъ, относительная матеріальная обезпеченность и людность колоніи, наконецъ, возможность получать всѣ свѣдѣнія изъ Россіи и дѣлиться ими со всей губернской ссылкой,—вотъ что заставляло прислушиваться уѣзды къ голосу архангельцевъ и вызывало ихъ интересъ къ хроникѣ архангельской жизни.

Сверхъ того надо замѣтить, что связи эти устанавливались исключительно черезъ тюрьму, въ которую до момента выселенія по этапу попадали всѣ безъ исключенія политическіе. Черезъ тюрьму архангельская ко-

лонія завязывала связи съ прибывавшими вновь политическими, справлялась объ ихъ нуждахъ, помогала совѣтами и указаніями. Такимъ образомъ, люди, уходившіе позднѣе съ этапами въ глубину архангельскихъ уѣздовъ, уносили съ собой память и связи съ колоніей г. Архангельска. Итакъ, этапы были какъ бы телеграфной сѣтью, исходившей изъ нашего города и расходившейся во всѣ уѣздные города, села и деревни обширнаго архангельскаго края. Они были единственнымъ средствомъ, позволявшимъ намъ непосредственно и безъ помощи ненадежныхъ услугъ почтоваго сыска узнавать все, что творилось, и чѣмъ жила уѣздная ссылка.

Будучи единственнымъ во всей губерніи пунктомъ, соединеннымъ желѣзной дорогой съ внутренней Россіей, Архангельскъ имѣлъ большое преимущество передъ всѣми остальными мѣстами ссылки. Къ намъ въ первыя руки шла вся корреспонденція и литература, и въ нашихъ же рукахъ концентрировались всѣ свѣдѣнія, приходившія изъ отдаленнѣйшихъ уголковъ края. Ясно, слѣдовательно, что будучи привилегированными баловнями своего положенія, мы не должны были ни на минуту забывать о тяжеломъ положеніи товарищей, жившихъ по уѣздамъ группами и въ одиночку. Привилегіи положенія надо было использовать именно въ этомъ направленіи. Съ этимъ всякій изъ насъ соглашался, но не всякій шелъ дальше благихъ пожеланій и умныхъ разсужденій. Работали, и при томъ работали сильно, неустанно лишь немногіе колонисты. Для администраціи не было тайной, что у насъ существовала въ эмбріональномъ состояніи кассовая организація. Сыскъ не разъ порывался установить ея дѣятелей. Производились домашніе обыски днемъ и ночью, допрашивались хозяева квартиръ, но вся энергія жандармовъ пропадала напрасно. Между тѣмъ, что могло быть естественнѣе и невиннѣе желанія имѣть свою колоніальную кассу въ цѣляхъ матеріальной

поддержки нуждавшихся товарищей. Но помимо острой нужды, съ которой приходилось считаться въ рамкахъ нашей собственной общины, кассовая организація была призвана оказывать широкую помощь заключеннымъ, этапникамъ, эмигрантамъ и, сверхъ того, тѣмъ уѣзднымъ колоніямъ, которыя не въ состояніи были существовать своими собственными силами. Не надо забывать, что почти каждый набѣгъ жандармской власти въ уѣзды и обыски, производившіеся ею у политическихъ ссыльныхъ, сопровождались арестомъ одного или нѣсколькихъ товарищей. Трофей полицейской удачи привозился обыкновенно къ намъ въ Архангельскъ и подвергался одиночному заключенію въ мѣстной тюрьмѣ.

ГЛАВА VIII.

Архангельская тюрьма.—Ссылка и обывательскій міръ въ Архангельскѣ.—Архангельская тюрьма, какъ отправной пунктъ уѣздныхъ этаповъ.—Этапъ на улицахъ архангельска.—Столкновенія этаповъ съ администраціей.—Поддержка архангельской кассой этапниковъ.—„Золотыя времена“ архангельской ссылки.—Жизненность ссылки поддерживается мѣстными революціонными организаціями.—Сфера работы революціонныхъ организацій.

Камеры архангельской тюрьмы, какъ было сказано никогда не пустовали. Ссылка выказывала мало лойяльности, заражая собой соприкасавшійся съ ней обывательскій міръ. О послѣднемъ скажу два слова.

Архангельскій обыватель не чуждался такъ сильно политической ссылки, какъ это было въ уѣздахъ. Архангельскъ былъ какъ бы то ни было губернскимъ городомъ, единственнымъ культурнымъ центромъ на весь обширный районъ губерніи. Не говоря объ архангельской немногочисленной интеллигенціи, ссылка никогда не порывала самыхъ тѣсныхъ и дружескихъ отношеній съ учащимся міромъ. Здѣсь наблюдалось взаимное

стремленіе узнать и помочь другъ другу. Всѣ лучшіе элементы учащейся молодежи,—наиболѣе развитые, отзывчивые и наблюдательные, имѣли знакомства въ ссылкѣ, брали у насъ книги, занимались въ кружкахъ подъ руководствомъ политическихъ. Полиція и непосредственное начальство среднихъ учебныхъ заведеній знали объ этомъ, но не могли добиться преслѣдованіями желательныхъ результатовъ; имъ мѣшала конспиративность, которой, какъ волшебнымъ кругомъ, была ограждена дѣятельность ученическихъ кружковъ и, сверхъ того, многочисленность политической колоніи, благодаря которой закоренѣлые „преступники“ умѣли своевременно прятать концы въ воду.

Тѣмъ не менѣе попытки захватить и локализовать все болѣе и болѣе расплывавшуюся гангрену революціоннаго зараженія въ обывательскомъ мірѣ предпринимались не разъ. 1904 годъ былъ въ этомъ смыслѣ однимъ изъ самыхъ безпокойныхъ для полиціи. Но кто могъ ожидать, что даже въ ея средѣ найдутся люди, способные воспринять революціонное ученіе! Приведу здѣсь фактъ, произведшій въ нашей колоніи глубокое впечатлѣніе своей неожиданной, трагической развязкой.

Одинъ изъ архангельскихъ околодочныхъ имѣлъ знакомыхъ въ нашей средѣ. Сперва чисто случайное, знакомство это крѣпло постепенно. Заходя къ товарищамъ, какъ частное лицо, околодочный каждый разъ жаловался на свое тяжелое положеніе.

— Вы мнѣ не вѣрите, не можете вѣрить,—говорилъ онъ обыкновенно,—какъ тяжело мнѣ носить полицейскій сюртукъ...

Товарищи, не принимая серьезно подобныхъ увѣреній, отвѣчали на нихъ улыбками; за шутками не замѣтили, что раздвоеніе въ душѣ этого человѣка зашло очень далеко, что необходимость до времени числиться по полиціи непрерывно угнетала его и въ концѣ концовъ заставила искать выхода въ самоубій-

ствѣ. Въ концѣ января 1904 г. околодочный надзиратель застрѣлился.

Въ посмертной запискѣ онъ заявлялъ о своемъ рѣшеніи, какъ объ единственномъ средствѣ избавиться отъ своихъ нравственныхъ мученій.

Среди насъ смерть эта вызвала глубокое сожалѣніе. До послѣдней минуты душевной драмы самоубійцы товарищи не вѣрили въ искренность его увѣреній,— такъ было рѣзко противорѣчіе между обязанностями полицейскаго и совѣстью отрицавшаго ихъ революціонера.

Теперь въ нихъ повѣрили, но уже было поздно!

Товарищей по службѣ вѣсть о самоубійствѣ полицейскаго чиновника сильно озадачила; они сочли его ненормальнымъ служакой, на что имѣли конечно полное основаніе.

Прошло всего 3—4 мѣсяца послѣ этого случая, и нормальная полиція рѣшительно начала искоренять крамолу въ Арангельскѣ. Начались обыски и аресты по обывательскимъ квартирамъ.

Забрали нѣсколькихъ гимназистокъ, обыскали модную мастерскую г-жи Петровой, квартиру чиновника Цыкорева. Тюрьма снова наполнилась, и функціи нашей колоніальной кассы напряглись до-нельзя.

Сидѣвшихъ невозможно было оставить безъ помощи, ибо тюремный режимъ былъ исключительно тяжелъ.

„Тюремныя условія тяжелыя,—писалъ одинъ изъ заключенныхъ лѣтомъ 1904 г.—въ камерахъ темно и душно, такъ какъ нѣтъ оконъ, а воздухъ и свѣтъ проникаютъ только черезъ окна въ дверяхъ. Съ тюремнаго двора льются специфическіе казарменные запахи. Гулянье всего $1/2$—1 часъ. Прокуратура настаиваетъ, чтобы тюремное начальство не давало никакихъ послабленій подслѣдственнымъ политикамъ даже въ случаѣ ихъ заболѣваній“.

При такихъ условіяхъ одиночнаго заключенія политическаго, помощь была необходима. Касса, удѣляя часть своихъ средствъ на тюремниковъ, зачастую спасала ихъ отъ физическихъ заболѣваній.

Еще болѣе необходима была помощь кассы тамъ, гдѣ ее требовали нужды этапа.

Этапъ на улицахъ Архангельска—явленіе будничное, заурядное. Обыкновенно къ намъ въ Архангельскъ прибывало по два этапа еженедѣльно. Каждый разъ ихъ встрѣчали и провожали до стѣнъ городской тюрьмы наши колонисты. Зимой и весной 1903—904 гг. этапы были не многочисленны. 3—4 политика тряслись на прыгающихъ старыхъ и обдерганныхъ дрожинахъ. За ними на телѣжкѣ, допотопной конструкціи, слѣдовалъ небогатый скарбъ арестантовъ. Все шествіе окружалъ рядъ штыковъ конвойной команды. Мы, ссыльные „на свободѣ", шли по сторонамъ этапа и успѣвали за дорогу переговорить о всемъ необходимомъ со вновь прибывшими товарищами.

Лѣтомъ 1904 г. картина и условія сношеній съ приходившими и уходившими ссыльными рѣзко измѣнинились. Этапы стали учащаться и увеличиваться въ составѣ. Война на востокѣ и вызванная ею мобилизація въ сибирскихъ мѣстахъ ссылки заставили правительство отказаться отъ транспорта политическихъ въ Иркутскую и Якутскую губерніи и вмѣсто того направить его на сѣверъ Европейской Россіи.

Съ этого времени къ намъ стали прибывать товарищи, получившіе 5, 6 и даже 8 лѣтъ ссылки въ Архангельской губерніи. Въ іюлѣ того же 1904 г. этапы приняли такіе размѣры, какихъ раньше не знала архангельская ссылка. Иной разъ численность однихъ только политическихъ достигала 30 и болѣе человѣкъ. Видъ этихъ грандіозныхъ шествій, растягивавшихся на 3—4 квартала, поражалъ зрителя своимъ необычайнымъ характеромъ. Обыватели улицъ, по которымъ, извива-

ясь змѣей, тянулся рядъ людей и громоздкихъ повозокъ, высыпали наружу и смѣшивались съ нашими политическими, шедшими о бокъ съ этапниками. Получалось демонстративное шествіе черезъ весь городъ до пароходной пристани.

Политическіе ссыльные, какъ я уже говорилъ выше, пользовались при передвиженіи конными подводами. Однако, администрація не разъ пыталась насиліемъ уничтожить всякія послабленія, и одна изъ такихъ попытокъ кончилась въ маѣ 1904 г. открытымъ сопротивленіемъ политическихъ незаконному распоряженію полиціи.

Утромъ 29 мая изъ тюрьмы должна была прослѣдовать на пароходную пристань группа политическихъ ссыльныхъ въ 12 человѣкъ. Тюремное начальство отказалось дать подводы и предложило слѣдовать пѣшкомъ Политическіе отказались и категорически заявили, что пѣшкомъ они не пойдутъ. Тогда конвой силой вынесъ ихъ на дворъ, не давъ даже захватить съ собой одежду и шляпы. Въ свалкѣ былъ серьезно помятъ одинъ изъ этапниковъ,—человѣкъ страшно нервный и особенно сильно реагировавшій на совершенное насиліе. Сцена столкновенія конвоя съ горстью политическихъ была до того дикой и отвратительной, что даже тюремный священникъ вступился за высылаемыхъ и убѣдилъ начальника тюрьмы удовлетворить требованіе политическихъ. Подводы были приведены, и ссыльные, при общихъ протестахъ со стороны собравшихся на ихъ крикъ у тюремныхъ воротъ архангельскихъ политическихъ, были отвезены на двинскую пристань.

Этотъ случай и послѣдовавшее вслѣдъ за нимъ распоряженіе конвою, не допускать въ пути къ этапникамъ архангельскихъ товарищей для передачи имъ денегъ и писемъ, сильно натянули отношенія съ администраціей. Послѣ вторичнаго столкновенія конвоя и товарищей, желавшихъ уже за городомъ передать ухо-

Архангельская колонія политическихъ ссыльныхъ въ октябрѣ 1905 г.

дившимъ политическимъ деньги, при чемъ солдатами были пущены въ ходъ приклады ружей и грубая ругань, кризисъ казался неизбѣжнымъ. Отдѣльные протесты на личной аудіенціи у губернатора и общее возбужденіе, охватившее ссылку и извѣстное полиціи, принудили однако губернатора отказаться отъ дальнѣйшей провокаціи ссылки, и, подъ вліяніемъ соотвѣтственныхъ распоряженій, сношенія съ этапами стали снова возможными.

Что въ это время переживали люди, работавшіе въ кассѣ, при подобныхъ административныхъ условіяхъ съ одной стороны и при наличности массовыхъ этаповъ съ другой,—трудно представить себѣ человѣку, не стоявшему вблизи этой организаціи.

Товарищи, приходившіе къ намъ на сѣверъ въ ссылку, стягивались, раньше чѣмъ попасть въ Архангельскъ, со всѣхъ концовъ Россіи въ московскую центральную пересыльную тюрьму. Здѣсь, въ общей камерѣ временно заключенныхъ можно было встрѣтить людей изъ всѣхъ дѣйствовавшихъ въ Россіи революціонныхъ организацій. Югъ и центръ, западъ и востокъ были представлены невольниками русскаго абсолютизма. Пока продолжалась отправка партіями на сѣверъ, люди, собранные здѣсь, успѣвали перезнакомиться между собой за диспутами на животрепещущія темы, выдвинутыя революціонной борьбой съ самодержавіемъ. Съ теченіемъ времени новая волна присылаемыхъ вытѣсняла собою сидѣвшихъ; послѣдніе же подъ военнымъ конвоемъ отправлялись партіями въ губерніи ссылки: Архангельскую, Вологодскую, Вятскую, Олонецкую и частью Пермскую.

Въ 1903—05 гг. правительствомъ былъ открытъ для политической ссылки преимущественно нашъ архангельскій край. Народъ валилъ къ намъ, что называется, валомъ. Большинство вновь прибывавшихъ выселялось непосредственно послѣ тюремнаго заключенія. Поло-

женіе такихъ товарищей не рѣдко бывало отчаянно. Человѣкъ, проведшій нѣсколько мѣсяцевъ въ одиночномъ заключеніи, изнервничавшійся и физически изстрадавшійся отъ только что перенесенныхъ имъ лишеній варварскаго тюремнаго режима, не имѣвшій ни средствъ, ни, при наличности послѣднихъ, времени запастись всѣмъ необходимымъ для далекаго и тяжелаго путешествія, принужденъ былъ кочевать, иногда съ семьей, отъ тюрьмы до тюрьмы, пока не достигалъ Архангельска и не попадалъ здѣсь опять-таки въ тюремную камеру.

Послѣ этого становится понятнымъ, каково приходилось тѣмъ южанамъ, у которыхъ весь багажъ состоялъ изъ легкаго драпового пальто, и которые попадали къ намъ въ суровую зимнюю пору. Ссылаемые рабочіе, крестьяне почти всегда нуждались въ деньгахъ, платьѣ, бѣльѣ. Помню, въ самомъ началѣ весны 1904 г., когда у насъ мела еще мятель, и снѣгъ сугробами лежалъ на скованной морозомъ землѣ, этапомъ пришла партія политическихъ крестьянъ. Всѣ они были обуты въ портянки и лапти, у нѣкоторыхъ не было даже тулупа. Губернаторъ не справился, конечно, была ли у нихъ достаточная одежда и обувь, и упекъ всѣхъ въ отдаленнѣйшія села печорскаго края.

И вотъ, имъ предстояло сдѣлать болѣе 1000 верстъ по глухимъ, едва проходимымъ тропамъ въ пору, когда въ печорскомъ краѣ свирѣпствуетъ зимняя стужа, и ничто не указываетъ на приближеніе весенняго тепла. А они были обуты въ разбитые лапти и одѣты въ рваные зипуны!

Не стану дальше останавливаться на отдѣльныхъ эпизодахъ, которыми такъ богата этапная жизнь, полная нужды, лишеній и тяжелыхъ впечатлѣній. Чтобы устранить хоть острую нужду этапниковъ, надо было работать безъ отдыха. Собирались деньги, платье и обувь; изъ за какихъ нибудь заношенныхъ брюкъ или

сапогъ людямъ приходилось бѣгать по городу, брать на себя уйму черной, неблагодарной работы. И тѣмъ не менѣе, эти труженики, о которыхъ я всегда вспоминаю съ глубокимъ чувствомъ уваженія и признательности, работали безропотно, энергично, не покладая рукъ. Сами во многомъ нуждаясь, они дѣлали великое дѣло для тѣхъ изъ насъ, которымъ особенно трудно жилось въ многострадальной ссылкѣ.

Этапы не были единственнымъ объектомъ функцій кассовой организаціи. Въ иныхъ случаяхъ требовалась быстрая и значительная матеріальная поддержка для уѣздныхъ товарищей, въ средѣ которыхъ спорадически возникали форменныя голодовки,

Таковы были общій характеръ и объемъ работы, концентрировавшейся вокругъ архангельской кассы. Взносы, которые дѣлались въ нее, были значительнѣе, чѣмъ по уѣздамъ, ибо большинство архангельскихъ политическихъ, помимо небольшого казеннаго пайка, добывало себѣ, безъ вѣдома полиціи, платную работу или получало поддержку изъ дома.

Изъ остальныхъ колоніальныхъ учрежденій упомяну о столовой, читальнѣ, гдѣ получались безплатно почти всѣ лучшіе газеты и журналы, и откуда они разсылались въ пользованіе уѣзднымъ товарищамъ,— и двухъ столярныхъ мастерскихъ, въ которыхъ работали политики-рабочіе. Благодаря имъ и общимъ, болѣе благопріятнымъ условіямъ жизни въ губернскомъ городѣ, архангельцы пользовались въ ссылкѣ репутаціей привилегированныхъ.

Впрочемъ, золотое время архангельской колоніи и тогда уже принадлежало болѣе къ историческимъ воспоминаніямъ. Они связаны съ именемъ губернатора Энгельгардта, либерально настроеннаго помпадура, мирволившаго жившимъ при немъ политическимъ. Свободнѣе жилось и въ первый годъ назначенія Римскаго-Корсакова. При немъ ссыльнымъ разрѣшалось

выступать въ качествѣ лекторовъ, артистовъ, концертантовъ. Сосланный привать-доцентъ Петербургскаго Университета М. Ю. Гольштейнъ *) читалъ тогда съ большимъ успѣхомъ курсъ лекцій по химіи, но его профессура была послѣдней. Изъ Петербурга послѣдовало распоряженіе Плеве изъять изъ общественной жизни Архангельска политическихъ ссыльныхъ и усилить общій надзоръ за ними.

Ссылка молча приняла эти репрессіи. Стали вести замкнутую, кружковую жизнь, собираться у знакомыхъ за чтеніемъ рефератовъ, обсужденіемъ обще-колоніальныхъ дѣлъ. Въ промежуткахъ же полиція напоминала намъ о существованіи §§ 18 и 19-го „положенія о полицейскомъ надзорѣ“ и наносила частые визиты то тому, то другому товарищу.

Возникновеніе около этого времени двухъ соціалдемократическихъ организацій на сѣверѣ: „Архангельскаго Комитета Р. С. Д. Р. П.“ и „Группы соціалдемократовъ Дальняго Сѣвера“ было большимъ сюрпризомъ для архангельскаго сыска. Существованіе двухъ революціонныхъ организацій на крайнемъ сѣверѣ можетъ показаться читателю явленіемъ, искусственно вызваннымъ, обусловленнымъ не наличностью реальныхъ условій, а однимъ желаніемъ революціонеровъ, во что бы то ни стало, создать такія организаціонныя ячейки. Поэтому слѣдуетъ показать, что такой взглядъ на дѣло былъ бы не совсѣмъ правильнымъ.

---

*) М. Ю. Гольштейнъ убитъ черносотенцами во время манифестаціи въ октябрѣ 1905 г. Смерть его была ужасна по своей мучительности: его убили кольями, которыми полиція вооружила дикую толпу громилъ. Въ средѣ ссыльныхъ Гольштейнъ пользовался общимъ уваженіемъ и выдавался универсальностью своихъ огромныхъ знаній. Сверхъ того, онъ обладалъ крупнымъ музыкальнымъ талантомъ, позволявшимъ ему наизусть исполнять многія классическія произведенія лучшихъ композиторовъ: Моцарта, Баха, Бетховена, Рубинштейна и другихъ. Смерть его да падетъ на голову его убійцъ! Вѣчная память тебѣ уважаемый товарищъ!

Несомнѣнно, что ссылка сама по себѣ сдѣлала очень много въ дѣлѣ пробужденія обширнаго архангельскаго края; но эти результаты невозможно приписывать лишь одной наличности въ его предѣлахъ значительной массы политически сознательныхъ людей и ихъ вліянію, оставляя безъ вниманія и анализа самый объектъ этого вліянія. Другими словами, историческій очеркъ сѣверныхъ соціалдемократическихъ организацій необходимо поставить въ тѣсную связь съ обзоромъ экономическаго развитія района ихъ дѣятельности.

Изъ такого обзора легко можно было бы увидѣть, что жизненность и живучесть революціонной бациллы на сѣверѣ въ достаточной степени застрахована замѣтной эволюціей въ области экономическихъ отношеній.

Утилизація природныхъ богатствъ перестала уже быть хищнической; капитализмъ, заинтересованный въ правильномъ и длительномъ производствѣ, придалъ ей планомѣрный характеръ и вытѣснилъ предшествовавшихъ ему авантюристовъ,—людей быстрой и легкой наживы, достигавшейся на счетъ безмѣрнаго грабежа природы.

Вмѣсто прежней массовой, нераціональной порубки прекрасныхъ строевыхъ лѣсовъ теперь ведется, если и не образцовое, то все же гарантирующее ихъ отъ полнаго истребленія хозяйство. Вмѣсто прежняго транспорта за границу необдѣланнаго лѣса, теперь отправляется лѣсъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ; цѣлый рядъ паровыхъ и электрическихъ лѣсопилокъ пропускаетъ черезъ зубья своихъ механически-дѣйствующихъ пилъ огромныя массы дерева, придавая ему форму досокъ, брусьевъ, драней и мачтъ. Лѣсопильные заводы, число которыхъ простирается приблизительно до 20—25, раскиданы по всей Архангельской губ. Значительное количество ихъ расположено въ предмѣстьяхъ самого Архангельска, затѣмъ въ лѣсничествахъ

Поморья, въ Печорскомъ краѣ и въ сосѣднихъ Мезенскомъ и Онежскомъ уѣздахъ. Иные изъ нихъ стягиваютъ большія массы рабочихъ, особенно въ лѣтнюю пору, когда начинается сплавка готоваго и обдѣлка на зиму сырого лѣса. Рабочіе приходятъ сюда партіями изъ Петербургской, Вологодской и Олонецкой губерній и нанимаются либо на лѣсопилки,. либо на рыбные промыслы.

Условія работы всей этой временной массы законтрактованныхъ на сезонъ рабочихъ очень тяжелыя. Ничтожная заработная плата при продолжительномъ рабочемъ днѣ,—работаютъ 17—18 часовъ,—грубое обращеніе хозяевъ и мастеровъ, невѣроятныя гигіеническія условія, почти полное отсутствіе фабричнаго надзора въ промышленныхъ предпріятіяхъ и полное на промыслахъ,—предоставляютъ полную свободу предпринимательской эксплуатаціи темныхъ рабочихъ массъ.

Для характеристики этихъ общихъ положеній приведу нѣсколько примѣровъ отеческаго попеченія г.г. капиталистовъ къ занятымъ на ихъ предпріятіяхъ рабочимъ.

„На архангельскихъ лѣсопилкахъ, разсказывалъ рабочій хорошо ознакомленный съ условіями работы, рабочихъ давятъ, жмутъ, грабятъ, издѣваются надъ ними, уничтожаютъ ихъ человѣческое достоинство. На лѣсопильномъ заводѣ Кыркаловыхъ донимаютъ „дисциплиной“. Не снялъ шапки рабочій,—расчетъ; сказалъ противное слово — расчетъ; на судѣ не далъ ложнаго показанія въ пользу хозяина—расчетъ. Штрафами донимаютъ за пустяки.

Рабочіе говорятъ про хозяина, что „если днемъ и ночью обошелъ заводъ и биржу, то „заработалъ“ штрафами рублей 10, а то и больше“.

На заводѣ удѣльнаго вѣдомства былъ такой случай:

„Слесарь Бернадскій, находясь въ ночномъ дежурствѣ, заснулъ на площадкѣ сверлильнаго станка. Въ

это время зашелъ помощникъ мастера и, чтобы разбудить заснувшаго отъ утомленія рабочаго, наставилъ ему сверло въ бокъ, спустилъ станокъ съ „самоходомъ“, а самъ удалился изъ мастерской, въ которой помимо Бернадского никого не было. Сверло начало идти внизъ, уже закрутило блузу рабочаго и коснулось тѣла.

Раздался крикъ рабочаго.

Благодаря опытности ему удалось моментально свернуться со станка. Минута оплошности и холодная сталь просверлила бы тѣло рабочаго“....

Таковы факты, таковы условія, въ которыя поставлена жизнь многихъ тысячъ архангельскихъ рабочихъ.

Естественно, что тамъ, гдѣ промышленный капиталъ свирѣпствуетъ съ особой разнузданностью, гдѣ его ежевыми рукавицами выжимаются огромные дивиденды, гдѣ эти дивиденды покупаются цѣной прижимокъ и грабежа рабочихъ, тамъ естественно возникновеніе рабочей организаціи, тамъ возможна ея широкая плодотворная работа въ воспріимчивой рабочей массѣ, пропитанной озлобленіемъ и ненавистью къ промышленному капиталу.

Тотъ же выводъ относится и къ рѣчнымъ и морскимъ рыбнымъ промысламъ Архангельской губерніи.

Ловъ трески, семги, пикшуя, сельди и прочей сѣверной рыбы, бой акулъ и тюленей занимаютъ массу рабочихъ рукъ съ самаго начала навигаціи до глубокой осени. Въ августѣ многочисленныя пристани Архангельска представляютъ собою огромные склады заквашенной трески. Тысячи тресковыхъ бочекъ выгружаются и грузятся на океанскіе корабли и увозятся въ Прибалтійскій край, Петербургъ, за границу. Невыносимое зловоніе отъ этой, начинающей „киснуть“ рыбы распространяется по всей Двинѣ, и въ этой то атмосферѣ съ ранняго утра и до поздней ночи работаютъ промысловые рабочіе, грузчики, крючники и другіе портовые рабочіе.

Наконецъ, къ собственно городскому пролетаріату принадлежатъ помимо портовыхъ рабочихъ, рабочіе механическихъ и пивоваренныхъ заводовъ, Двинскаго пароходства, цеховые мастеровые и мелкіе ремесленники. Лѣтомъ городъ имѣетъ видъ чисто рабочаго центра сѣвера: въ рабочей массѣ, преобладающей по численности, незамѣтны остальные слои населенія.

Послѣ этого краткаго очерка архангельской промышленности читателю станетъ ясно, что для размаха работы „Архангельскаго комитета Р. С. Д. П.“ имѣлось достаточно широкое поле, и что объ искусственности его нарожденія не могло быть рѣчи.

Самодержавіе, защемленное въ тискахъ русскаго капитализма, искало для поселенія своихъ плѣнныхъ враговъ безлюдныхъ, холодныхъ пустынь и нашло ихъ у береговъ Ледовитаго океана. Ихъ безжизненностью оно думало убить въ нихъ силу духа и революціонной борьбы. Но его расчеты не оправдались. Капитализмъ, укрѣпившись въ центральной Россіи, проникъ и въ ея сѣверныя окраины; капитализмъ, вызвавшій на арену революціонной борьбы въ Россіи сознательныя силы соціальдемократическаго пролетаріата, отдалъ въ плѣнъ самодержавію сотни его работниковъ. Но, проникнувъ въ пустыни сѣверныхъ широтъ, онъ снова далъ возможность многимъ изъ нихъ вступить активными работниками въ ряды соціальдемократіи и тѣмъ самымъ разрушилъ расчеты абсолютизма, дикостью архангельскихъ тундръ и лѣсовъ надѣявшагося „исправить“ русскаго революціонера.

Надежды превратились въ разбитыя мечты, и тогда, снова открылась борьба, но уже борьба царизма со ссылкой,—борьба, которой онъ никакъ не ожидалъ со стороны имъ же плѣненныхъ.

ГЛАВА IX.

Попытки жандармеріи терроризировать ссылку. - Ея ночные набѣги.—Насилія, чинимыя ею при арестахъ и обыскахъ.—Арестъ Ю. Г. Кока.—Арестъ и высылка Давидова и Айзенштадта.—Якутская исторія и ея отраженіе въ жизни архангельской ссылки. Исторія Н. Ф. Насимовича.—Его арестъ, бѣгство, повторный арестъ и эмиграція.

Жандармерія, догадываясь, что архангельскія революціонныя организаціи питаетъ отчасти ссылка, не знала покоя.

Непрерывные набѣги въ уѣздѣ, аресты, заключенія въ тюрьмы не прекращались. Обыски въ самомъ Архангельскѣ на квартирахъ политическихъ и обывателей говорили намъ, что полиція серьезно намѣрена была бороться съ ссыльной крамолой. Лѣтомъ жандармскіе выѣзды много терпѣли въ своей конспиративности; негаснувшій свѣтъ полярной ночи всякій разъ позволялъ намъ еще издали наблюдать маневрированія синей „эскадры“. Объ этомъ съ быстротой молніи узнавала вся колонія и готовилась встрѣтить дорогихъ гостей.

Дикость этихъ набѣговъ не знала границъ. Пріѣхавъ однажды на квартиру къ политическому А. А. Поддубному и не заставъ въ ней никого, жандармы выломали окно, проникли черезъ него въ комнату и учинили настоящій погромъ въ квартирѣ. Черезъ полчаса послѣ исчезновенія „эскадры“, возвратился хозяинъ квартиры. Настежъ открытыя двери и окна, перерытые столы, корзины, разбросанныя всюду бумаги наполнили хозяйское сердце смятеніемъ. „Воры!“—была первая мысль: но поверхностный осмотръ несложнаго имущества не обнаружилъ пропажи чего либо и открылъ истинный смыслъ происшедшаго.

Въ ту же ночь и въ тотъ же часъ второй крейсерскій отрядъ неусыпно бдившей жандармеріи вломился

на квартиру политическаго Экка. Послѣдній потребовалъ предписанія отъ прокурорскаго надзора *). Ему заявили, что „мы и безъ предписаній обыски умѣемъ дѣлать". Протесты не помогли, и тогда Экку ничего больше не оставалось дѣлать, какъ оставить квартиру, чтобы не присутствовать на обыскѣ. Но при выходѣ изъ комнаты его схватили, силой усадили на стулъ, приставили по бокамъ двухъ дюжихъ унтеровъ и такимъ образомъ, въ присутствіи хозяина квартиры, до конца довели обыскъ. Уже сидя на стулѣ, Эккъ пытался громкимъ крикомъ о помощи созвать народъ съ улицы, чтобы разстроить конспиративность обыска, но была поздняя ночь, и обыватели спали крѣпкимъ сномъ.

Жалобы прокатурѣ оставались всегда безъ послѣдствій. Бывали случаи, когда даже избіеніе арестованнаго политическаго заслуживало одобренія начальства, и когда на протесты избитаго отвѣчали гнуснымъ глумленіемъ. Такъ было съ пинежскимъ политическимъ Ю. Г. Кокъ, арестованнымъ въ концѣ іюня и увезеннымъ затѣмъ въ архангельскую тюрьму. Въ его квартирѣ въ ночь съ 15-го на 16-ое пьяной ватагой полицейскихъ былъ произведенъ обыскъ. Гдѣ то въ книгахъ нашли завалявшійся листокъ прокламаціи, писанный гектографскими чернилами. Этого было достаточно, чтобы установить государственное преступленіе въ Пинегѣ. Черезъ 10 дней, 26-го, Кокъ, по телеграммѣ изъ Архангельска, былъ арестованъ, при чемъ арестъ былъ произведенъ такъ внезапно, что ему не дали надѣть даже пальто и, не обращая вниманія на холодную погоду, повезли въ одномъ пиджакѣ на лошадяхъ въ

*) При жандармскихъ обыскахъ политическій ссыльный имѣлъ право требовать отъ чиновъ жандармскаго вѣдомства, производившихъ обыскъ, предписанія прокурорскаго надзора. Этимъ они отличались отъ полицейскихъ обысковъ, при которыхъ полиція совершенно свободна отъ распоряженій свыше.

Архангельскъ. Дорогой, въ теченіе чуть не полутора сутокъ, ему удалось выпить лишь стаканъ чая съ хлѣбомъ. На другой день привезли въ Холмогоры. Было раннее утро, и исправникъ еще спалъ; полиція не осмѣлилась нарушить сна начальства и временно предложила Коку перейти въ арестное помѣщеніе при полицейскомъ управленіи. Кокъ наотрѣзъ отказался и требовалъ, что бы его пріѣздъ немедленно былъ доложенъ исправнику. Вмѣсто того городовые привели девять холмогорскихъ крестьянъ и натравили на привезеннаго. Произошла драка. Кока въ концѣ концовъ довольно сильно избили, свалили на землю, связали и въ такомъ видѣ внесли въ кордегардію. Во время свалки его обручальное кольцо было сорвано и досталось въ награду одному изъ насильниковъ.

Избитаго, голоднаго и раздѣтаго, угнетеннаго нравственно отъ пережитаго Ю. Г. Кока свора дикихъ разбойниковъ привезла 27-го въ Архангельскъ и передала въ руки тюремной администраціи. Въ темной, зловонной камерѣ онъ долженъ былъ найдти успокоеніе отъ всѣхъ тѣхъ мукъ и издѣвательствъ, которымъ онъ подвергался въ теченіе $1^1/_2$ сутокъ!

Отмѣчу здѣсь еще два столкновенія съ полиціей, разыгравшихся въ самомъ Архангельскѣ, на почвѣ выселенія политическихъ въ уѣзды,

Въ архангельской колоніи жилъ временно политическій ссыльный Давидовъ—еврей, плохо понимавшій по-русски. Еще въ февралѣ онъ долженъ былъ ѣхать въ Онегу, но по разнымъ причинамъ:—беременность жены, потомъ роды,—губернаторъ все откладывалъ да откладывалъ его высылку. Наконецъ, въ началѣ мая губернаторъ рѣшительно потребовалъ, чтобы Давидовъ поскорѣе собрался въ путь. Давидовъ же снова подъ разными предлогами оттягивалъ свой отъѣздъ; отказывался подписывать повѣстки о вызовѣ въ полицейское управленіе, бѣгалъ отъ носившихъ повѣстки городо-

выхъ и т. д. Тогда губернаторъ предписалъ полиціймейстеру—обязать Давидова выѣхать со слѣдующимъ пароходомъ, а въ случаѣ отказа отправить его этапнымъ порядкомъ.

Давидовъ выслушалъ распоряженіе и потребовалъ, чтобы ему выдали деньги на проѣздъ. Полиціймейстеръ отвѣтилъ, что денегъ выдать не можетъ, а можетъ лишь, въ случаѣ отказа Давидова ѣхать на свой счетъ, отправить его этапнымъ порядкомъ.

— „Что же мнѣ дѣлать,—спросилъ Давидовъ,—если я не найду денегъ и пожелаю ѣхать по этапу?

— „Явитесь наканунѣ отхода парохода ко мнѣ, а я отправлю васъ въ тюрьму,—послѣдовалъ отвѣтъ полиціймейстера.

Богъ вѣсть, почему и какъ, но только между полиціймейстеромъ и Давидовымъ произошло такое недоразумѣніе.

Наканунѣ отхода парохода Давидовъ явился въ полицейское управленіе. Полиціймейстеръ, думая, что онъ рѣшился идти по этапу, хотѣлъ отправить его въ тюрьму. Давидовъ же сталъ что то кричать о деньгахъ на проѣздъ и идти въ тюрьму отказался. Тогда полиціймейстеръ вызываетъ городовыхъ и приказываетъ взять Давидова силой. Тотъ разбиваетъ лампу, кричитъ: „долой полицію! долой самодержавіе!“ и сопротивляется городовымъ. Городовые безъ побоевъ, но рѣшительно берутъ Давидова, выносятъ на извозчика и везутъ въ тюрьму. Дорогой арестованный все время кричитъ: „долой самодержавіе!“ и зоветъ на помощь. На Троицкомъ проспектѣ было въ это время много публики, но ни одного политическаго. Только уже у самой тюрьмы политическая Е. К. Чеховская увидѣла Давидова и немедленно отправилась къ губернатору.

День былъ неприсутственный, но губернаторъ все же принялъ Чеховскую и, послѣ объясненій, предложилъ, чтобы Давидовъ, если хочетъ ѣхать по проход-

пому свидѣтельству, написалъ объ этомъ соотвѣтственное заявленіе и извинился за учиненіе скандала въ присутственномъ мѣстѣ,—иначе его отправятъ по этапу.

— Вѣдь Давидовъ кричалъ: „долой самодержавіе!“ Я не хочу создавать изъ этого скандала дѣло, но не могу также косвенным образомъ потворствовать этому....,—такъ объяснялъ губернаторъ свое требованіе.

На колоніальномъ собраніи въ тотъ же день было много споровъ. Одинъ товарищъ заявилъ, что преклоняется предъ геройствомъ Давидова и, когда колонія отказалась принять рѣшительныя мѣры къ освобожденію Давидова, вышелъ изъ колоніи. Его примѣру послѣдовали два другихъ, когда ихъ предложеніе—вооруженнымъ нападеніемъ отбить Давидова—было отклонено собраніемъ. Собраніе велось крайне непослѣдовательно, и въ концѣ концовъ политическіе разошлись, не принявъ никакого опредѣленнаго рѣшенія.

Второй случай произошелъ съ политическимъ Н. М. Айзенштатомъ. Айзенштатъ былъ переведенъ въ Архангельскъ изъ Шенкурскаго уѣзда на одинъ мѣсяцъ. Мѣсяцъ прошелъ, дана была и тоже прошла отсрочка.

Губернаторъ вызываетъ Айзенштата и требуетъ немедленнаго отъѣзда въ Холмогоры.

— Я отсюда не поѣду,—категорически заявляетъ Айзенштатъ.

— Въ такомъ случаѣ я вышлю васъ этапнымъ порядкомъ.

Губернаторъ уѣхалъ въ Петербургъ. Въ управленіе губерніей вступилъ Ушаковъ и отдалъ полиціймейстеру приказъ о высылкѣ Айзенштата. Полиція вызвала его въ полицейское управленіе, чтобы арестовать. Между Айзенштатомъ и помощникомъ полиціймейстера произошло бурное объясненіе, Когда послѣдній, крича, приблизился къ нему слишкомъ близко, Айзенштатъ схватилъ его за грудь и съ силой отбросилъ къ печи.

Помощникъ полиціймейстера, сильно ударившись головой, зоветъ на помощь городовыхъ и велитъ имъ связать Айзенштата. Нѣсколько моментовъ городовые въ нерѣшительности переглядываются между собою, но затѣмъ, ободренные руганью начальника, набрасываются на Айзенштата. Завязывается борьба. Айзенштатъ связанъ, руки скручены назадъ, ротъ заткнутъ полотенцемъ; въ такомъ видѣ его везутъ въ тюрьму.

Покойный приватъ-доцентъ М. Ю. Гольштейнъ сейчасъ же отправляется къ Ушакову. Тотъ извиняется, что по его оплошности,—приказъ о высылкѣ былъ составленъ небрежно, — произошла такая печальная исторія и немедленно освобождаетъ Айзенштата изъ тюрьмы на поруки Гольштейна съ тѣмъ, чтобы Айзенштатъ выѣхалъ въ Холмогоры черезъ два или три дня.

Инцидентъ этотъ вызвалъ два колоніальныхъ собранія.

На первомъ была намѣчена и передана комиссіи для окончательной формировки резолюція изъ слѣдующихъ двухъ пунктовъ:

1) Отнынѣ никто не долженъ являться въ полицейское управленіе по вызову полиціи; полиція же по всѣмъ дѣламъ должна обращаться къ лицу, выбранному колоніей и

2) въ случаѣ насильственныхъ мѣръ со стороны полиціи, всѣ и каждый отвѣчаютъ силой.

Предполагалось отправить эту резолюцію губернатору, но на второмъ собраніи возникли споры о второмъ пунктѣ, и онъ былъ отмѣненъ, а резолюція въ виду нѣкоторыхъ соображеній была задержана и не дошла по своему назначенію.

Весна 1904 года прошла вообще неспокойно.

Рядъ арестовъ въ уѣздахъ, переводовъ за „слишкомъ большой интересъ къ общественной жизни *)“, много-

---

*) Такъ формулировалъ губ. Бюнтингъ причину перевода политическаго К. И. Покровскаго изъ Архангельска въ г. Кемь.

численные побѣги изъ ссылки, державшіе насъ въ напряженномъ состояніи, наконецъ первая вѣсть о кровавой борьбѣ якутскихъ товарищей въ „Романовкѣ“ и убійство политическимъ Минскимъ конвойнаго офицера Сикорскаго въ Сибири,—все это сильно волновало архангельскую ссылку. Ужасныя минуты переживались по полученіи свѣдѣній отъ боровшихся якутскихъ товарищей. Мы хорошо представляли себѣ положеніе „романовцевъ“, мы предвидѣли неминуемый кровавый исходъ ихъ трагической борьбы, и многіе изъ насъ готовы были поддержать ихъ, выставивъ администраціи свои требованія. Но якутянъ отдѣляли отъ насъ тысячи и тысячи верстъ, и организованная солидарность съ ними не мало потеряла бы въ своей силѣ благодаря разобщенности. Резолюціи же, въ которыхъ привѣтствовалось мужество и стойкость сибирскихъ товарищей и выражалось негодованіе абсолютистскому правительству, были слишкомъ слабымъ отзвукомъ въ такую минуту. Нѣсколько разъ устраивались собранія на Двинѣ. Въ колоніи было нѣсколько лодокъ, и всякій разъ, когда не находилось подходящаго крытаго помѣщенія, мы распредѣляли товарищей по лодкамъ и выѣзжали всей флотиліей на нѣсколько верстъ внизъ или вверхъ по Двинѣ, чтобы обсудить стоявшій на очереди вопросъ и принять то или другое рѣшеніе. Якутская исторія была точно также ввѣрена конспиративности молчаливыхъ двинскихъ волнъ; качаясь въ ладьяхъ на ея сумрачныхъ водахъ, мы могли быть увѣрены, что ни одно постороннее ухо не подслушаетъ нашихъ свободныхъ рѣчей.

Вмѣстѣ съ Архангельскомъ и уѣздныя колоніи подняли голосъ въ защиту страдавшихъ якутянъ. Мезень, Онега, Пинега распространяли въ массахъ свои рѣзкія, принятыя за подписями резолюціи.

Одновременно съ якутскимъ протестомъ, ссылка съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за ходомъ дѣла политическаго Н. Ф. Насимовича.

Н. Ф. Насимовичъ, бывшій на волѣ народнымъ учителемъ въ Костромской губерніи, былъ привезенъ въ ссылку по дѣлу костромской соціальдемократической организаціи. 5-го марта онъ былъ вызванъ въ Архангельское уѣздное по воинскимъ дѣламъ присутствіе для медицинскаго освидѣтельствованія. Врачебная комиссія признала его годнымъ къ военной службѣ, послѣ чего ему было предложено принять присягу. Насимовичъ, прочтя текстъ присяги, категорически отъ нея отказался. Военное начальство не было подготовлено къ такому повороту дѣла и въ первое время растерялось.

Насимовича арестовали и перевели въ дисциплинарный баталіонъ. Жандармская власть все время сносилась съ Петербургомъ по телеграфу. 7-го Насимовичъ былъ вызванъ подъ военной охраной для допроса въ жандармское управленіе и сдѣлалъ здѣсь слѣдующее письменное заявленіе:

„Не могу дать клятвы служить вѣрой и правдой царю, котораго считаю злѣйшимъ врагомъ русскаго народа. Заявляя это, я руководствуюсь слѣдующимъ: по глубокому моему убѣжденію, всѣ ненормальности существующаго строя—безправіе рабочихъ, полный произволъ капиталистовъ, забитость народа и его невѣжество, усиленно поддерживаемыя полиціей и духовенствомъ, угнетеніе личности интеллигентнаго человѣка и т. д.—всѣ эти ненормальности объясняются прежде всего существованіемъ у насъ самодержавнаго образа правленія, только съ уничтоженіемъ котораго и съ полученіемъ политической свободы можно будетъ добиться улучшенія и коренного измѣненія всего соціальнаго строя на началахъ равенства, братства, свободы“.

Послѣ этого заявленія надзоръ за арестованнымъ Насимовичемъ еще болѣе усилили. Но отправившись какъ то въ городъ въ сопровожденіи конвойнаго солдата, онъ зашелъ на квартиру къ политическому ссыльному и оттуда скрылся. Конвойный прождалъ его до 10 часовъ вечера и только тогда сообразилъ, что арестантъ, отданный подъ его стражу, сбѣжалъ съ квартиры. Онъ бросился къ ротному командиру, тотъ поднялъ тревогу въ полиціи, и тогда начались такіе обыски, какихъ еще до тѣхъ поръ не видалъ Архангельскъ. Шарили рѣшительно всюду и у всѣхъ; въ сыскѣ принимали участіе не только полиція и жандармы, но и патрули военнаго гарнизона подъ руководствомъ околодочныхъ надзирателей. Ходили по квартирамъ, службамъ, залѣзали въ ледники и даже свалочныя ямы, думая здѣсь открыть бѣглеца. Черезъ нѣсколько дней все успокоилось. Усилія полиціи были перенесены за периферію Архангельска и сосредоточились на узлахъ желѣзныхъ дорогъ. Дѣйствительно, спустя мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ бѣгства Насимовича, въ колоніи разнесся слухъ, что Насимовичъ арестованъ не вдалекѣ отъ Вильно, и его везутъ обратно въ Архангельскъ. Слухъ этотъ вскорѣ подтвердился. Черезъ нѣсколько дней онъ снова маршировалъ подъ сильнымъ конвоемъ по улицамъ Архангельска. Позднѣе мы узнали съ его словъ, что дорогой на сѣверъ онъ еще разъ пытался бѣжать и, не доѣзжая станціи Исакогорки, гдѣ поѣздъ идетъ не большой скоростью, спрыгнулъ съ площадки вагона. Это было однако тотчасъ замѣчено, поѣздъ остановили, и Насимовичъ снова былъ взятъ подъ стражу.

По прибытіи въ Архангельскъ, онъ былъ заключенъ въ казарменный карцеръ, у котораго былъ установленъ постоянный караулъ. Карцеръ этотъ представлялъ собою темный, совершенно лишенный свѣта каменный ящикъ, узкій и длинный со спертымъ, нездоровымъ воздухомъ.

Мало того, съ заключеннаго были сняты сапоги, чтобы отнять у него всякую возможность къ повторному побѣгу. Прогулки и отлучки въ городъ отмѣнены. Свиданія не допускались. Въ такомъ тяжеломъ положеніи Насимовичъ провелъ около мѣсяца. Въ концѣ мая его наконецъ перевели въ свѣтлый карцеръ; 3-го мая на допросѣ ему было предъявлено обвиненіе по ст. 252-й Уложенія о наказаніяхъ*), на которое онъ отвѣчалъ слѣдующимъ письменнымъ показаніемъ:

„Виновнымъ себя въ предъявленномъ обвиненіи по статьи 252-ой Ул. о наказ. въ ея полномъ видѣ не признаю: виновнымъ (съ юридической точки зрѣнія) считаю себя лишь въ порицаніи (публичномъ и рѣзкомъ) существующаго образа правленія. Что же касается выраженнаго мною мнѣнія, „оскорбительнаго по своей формѣ и относящагося непосредственно къ управленію верховному“,—то заявляю, что нанести своимъ мнѣніемъ о с к о р б л е н і е верховному управленію я отнюдь не имѣлъ въ виду, высказавъ лишь то убѣжденіе о существующемъ строѣ, какое считаю продуманнымъ. Рѣзкая же форма выраженія этого мнѣнія, которой я не отрицаю, является продуктомъ той поспѣшности, съ которой мнѣ пришлось формулировать свое мнѣніе, ибо предложеніе о принятіи присяги именно въ данный моментъ было мною совершенно не предвидѣно. Повторяю, что никакое нанесеніе оскорбленія верховному управленію въ мои задачи не входило и о с к о р б л я т ь его, т. е. представителей, я не имѣю ни малѣйшаго желанія: достаточно того, что управленіе это и его выразителей я считаю и публично объявляю врагами русскаго народа и своими личными; а оскорблять своихъ злѣйшихъ вра-

*) Каторжныя работы отъ 4—6 лѣтъ.

говъ я не имѣю обыкновенія: я съ ними борюсь и—только".

Этому дѣлу однако не суждено было и на этотъ разъ кончиться осужденіемъ на каторгу. Насимовичъ опять исчезъ и исчезъ теперь уже безвозвратно. Неутомимый и рѣшительный борецъ за свободу съумѣлъ завоевать ее себѣ даже тамъ, гдѣ, казалось, толстыя каменныя стѣны казарменнаго карцера не сулили ему ничего, кромѣ тяжелой неволи. Но ничтожный кусокъ стальной пилы, находчивость и умѣлость, энергія и сила воли опрокинули всякія преграды и дали свободу заключенному.

Насимовичъ выпилилъ лобзикомъ оконную рѣшетку и вечеромъ бѣжалъ изъ тюрьмы. Остальное додѣлали наше гостепріимство и покровъ темной пасмурной ночи.

Полиція на этотъ разъ почти бездѣйствовала; надо думать, что послѣ третьяго побѣга у ней опустились руки,—все равно де такого мастера ни тюрьмой, ни каторгой не исправишь. Черезъ недѣли полторы Насимовичъ прислалъ письмо въ Архангельскъ изъ свободной Швейцаріи. Мы облегченно вздохнули: каторжникъ былъ спасенъ!

ГЛАВА X.

Освобожденіе изъ Шлиссельбургской тюрьмы В. Н Фигнеръ.—Ея пріѣздъ въ Архангельскъ.—Отношеніе колоніи архангельскихъ политическихъ къ ея пріѣзду.—Временное заключеніе В. Н. Фигнеръ въ архангельской тюрьмѣ. Высылка въ с. Ненаксу, Холмогорскаго у.—Два слова о Шлиссельбургѣ.—Воспоминанія В. Н. Фигнеръ о шлиссельбуржцахъ.—Состояніе здоровья Фигнеръ по выходѣ изъ тюрьмы.—Переводъ Фигнеръ въ Казанскую губернію и проводы ея архангельской колоніей.

Осенью, въ первой половинѣ октября 1904 г. къ намъ въ Архангельскъ привезли освобожденную изъ Шлиссельбургской тюрьмы, послѣ 22 лѣтняго заключенія, В. Н. Фигнеръ.

7*

Пріѣздъ ея былъ обставленъ полиціей настолько конспиративно, что колонія узнала о немъ только тогда, когда Фигнеръ была перевезена и посажена въ тюрьму. Лишь къ вечеру этого дня колоніи стало извѣстно, кого таятъ въ себѣ каменныя стѣны архангельской тюрьмы. Было созвано общее собраніе съ цѣлью вырѣшить вопросъ, какъ намъ отнестись къ пріѣзду Фигнеръ. Собраніе было бурнымъ и завершилось демонстративнымъ уходомъ части политическихъ, настаивавшихъ на предложеніи ознаменовать освобожденіе Фигнеръ демонстраціей съ лозунгомъ: „долой Шлиссельбургъ!“.

Болѣе умѣренные, считавшіе демонстрацію не умѣстной и „вредной для здоровья Вѣры Николаевны“ удовлетворились поднесеніемъ адреса и букета цвѣтовъ отъ архангельской колоніи. Сверхъ того было рѣшено открыто протестовать, если бы послѣдовало распоряженіе о выселеніи Фигнеръ въ одинъ изъ глухихъ поселковъ отдаленныхъ архангельскихъ уѣздовъ. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что здоровье ея послѣ продолжительнаго тюремнаго заключенія требовало хорошаго ухода и постоянной медицинской помощи. А этого-то повидимому и не находило нужнымъ правительство; послѣ 22 лѣтняго заключенія оно продолжало преслѣдовать своего врага, ни на минуту не выпуская его изъ своихъ рукъ; оно продолжало по прежнему свою истребительную работу: вывезши Фигнеръ изъ Петербурга, жандармы тайно привезли ее въ Архангельскъ и снова заключили въ мрачную тюремную камеру, чтобы въ подходящій моментъ увезти ее на вѣчное поселеніе въ дикую глушь Мезенскаго или Печерскаго уѣздовъ. За 22 годами тюремныхъ ужасовъ должны были наступить долгіе годы вѣчнаго поселенія! Тотъ, кто знакомъ съ условіями жизни въ восточныхъ уѣздахъ Архангельской губерніи, кто знаетъ, съ какими лишеніями сопряжена она, какая мертвящая

В. Н. Фигнеръ въ средѣ архангельскихъ политическихъ ссыльныхъ.

I) В. Н. Фигнеръ. II) М. Ю. Гольштейнъ.

глушь охватываетъ ихъ поселенца, заставляя его довольствоваться примитивнѣйшими, часто совершенно недостаточными для самого физическаго существованія условіями жизни,—тотъ можетъ себѣ представить, что ожидало больную цынгой и ревматизмомъ Фигнеръ на мѣстѣ ея вѣчнаго поселенія. Но еще до переѣзда въ эти „каторжныя норы“, она должна была провести нѣкоторое время въ камерѣ архангельской тюрьмы: осенняя распутица превращала всѣ дороги и тропы уѣздовъ въ сплошную болотную топь и дѣлала невозможнымъ немедленный отъѣздъ изъ Архангельска. Надо было ждать первыхъ крѣпкихъ заморозковъ и саннаго пути; но могло пройти до того времени еще 2—2½ мѣсяца, а администрація не соглашалась выпустить Фигнеръ изъ тюрьмы подъ надзоръ архангельской полиціи. Съ колоніей никакихъ сношеній не разрѣшалось; въ планы администраціи входило, между прочимъ, и въ ссылкѣ изолировать Фигнеръ отъ соприкосновенія съ политическими ссыльными, и съ этой цѣлью надо было выбрать такой пунктъ жительства, гдѣ не было еще ни одного политическаго ссыльнаго.

Итакъ, ни товарищей, ни медицинской помощи, ни сносныхъ условій жизни—вотъ прерогативы, которыя правительство предписало ввести архангельской администраціи въ бытъ В. Н. Фигнеръ. Ссылка ждала со дня на день окончательнаго приговора надъ своимъ старѣйшиной. Губернаторъ Бюнтингъ, подъ вліяніемъ настоятельныхъ просьбъ сестры Вѣры Николаевны и, вѣроятно, извѣстной ему резолюціи архангельскихъ политическихъ, колебался. Нѣсколько дней ушло на сношенія съ Петербургомъ. Наконецъ Святополкъ-Мирскій уступилъ, и Фигнеръ была „помилована“: ей назначили с. Ненаксу, лежащее отъ Архангельска верстахъ въ 40.

Утромъ, въ одинъ изъ октябрьскихъ дней Фигнеръ

подъ жандармскимъ эскортомъ выѣхала изъ Архангельска на мѣсто своего поселенія. Полиція опасалась столкновеній съ архангельскими политическими: въ моментъ слѣдованія этапа весь Петербургскій проспектъ занятъ былъ городовыми и околодочными. Но столкновеній не произошло, и ссыльные ограничились лишь горячими привѣтствіями и пожеланіями счастливаго пути.

Съ тѣхъ поръ неизвѣстная дотолѣ Ненакса стала пунктомъ, куда, время отъ времени, совершали путешествія ссыльные и освобожденные товарищи. Многіе изъ посѣтившихъ этотъ глухой поселокъ вынесли лучшее впечатлѣніе отъ свиданія съ проживавшей въ немъ Вѣрой Николаевной.

22 года тюремной жизни не сломили въ ней живости ума и интереса къ русскому освободительному движенію. Мало по малу она входила въ его русло, знакомилась изъ книгъ и разговоровъ съ пережитымъ и съ современными политическими партіями и теченіями.

Прошло 22 года! Со времени кроваваго подавленія „Народной Воли“ исторія многое успѣла занести на свои скрижали. За эти долгіе 22 года съорганизовалась, выросла и окрѣпла соціалдемократическая партія въ Россіи, и въ тотъ рѣдкій моментъ, когда каменная пасть русской Бастиліи разверзлась, чтобы изъ своихъ темныхъ нѣдръ выпустить великую плѣнницу самодержавія, рабочій классъ привѣтствовалъ ея появленіе шумомъ своей освободительной революціонной борьбы!

Для Фигнеръ и всей революціонной Россіи это былъ день радости и печали: первой онъ возвратилъ полусвободу и воскресилъ ожившіе надежды и идеалы, второй онъ напомнилъ объ участи тѣхъ плѣнныхъ Шлиссельбурга, которые еще продолжали томиться въ его каменныхъ кельяхъ.

* *
*

Послѣ пытокъ непрерывнаго 20 лѣтняго*) заключенія въ Шлиссельбургѣ, въ памяти В. Н. Фигнеръ остались страшныя воспоминанія изъ жизни узниковъ равелина. Со временемъ, быть можетъ, она пополнитъ ими литературу, посвященную этому чудовищному застѣнку. Но даже и тѣхъ отрывочныхъ свѣдѣній, которыя стали извѣстны архангельской ссылкѣ черезъ сестру В. Н. Фигнеръ, слишкомъ достаточно, чтобы наполнить ужасомъ душу читателя и вызвать въ немъ негодованіе къ режиму, культивировавшему систему неслыханныхъ жестокостей.

30-ти лѣтъ отъ роду Фигнеръ вошла подъ своды сперва петропавловской крѣпости, а потомъ новой шлиссельбургской тюрьмы. Всего какой нибудь мѣсяцъ, полтора, отдѣляли ея предварительное заключеніе отъ того времени, когда былъ закрытъ Алексѣевскій равелинъ. Это тотъ самый равелинъ, въ которомъ совершались невѣроятныя злодѣянія. Люди, попадавшіе туда, умирали, какъ мухи, или выходили оттуда заживо разложившимися. Какъ разъ передъ заключеніемъ Фигнеръ въ Шлиссельбургъ туда были переведены послѣдніе, оставшіеся въ живыхъ, „равелинцы“: Тригони, Морозовъ и Фроленко **). Л. Волькенштейнъ, одна изъ немногихъ, отбывшихъ срокъ заключенія въ Шлиссельбургѣ, пишетъ ***) объ Алексѣевскомъ равелинѣ: „Въ равелинѣ сидѣло большинство по процессу Ал. Михайлова (82 г.). Изъ нихъ черезъ годъ умерло 6; остальные были полусгнившими, когда „вдругъ“ замѣтили, въ какомъ состояніи они находятся... Ранѣе же ничего „не замѣчали“, и докторъ, тыкая пальцемъ въ

---

*) Въ Шлиссельбургѣ В. Н. Фигнеръ провела 20 лѣтъ и 2 года въ Петропавловской крѣпости.

**) Всѣ они освобождены: Тригони въ 1901 г.; Морозовъ и Фроленко въ ноябрѣ 1905 г.

***) Л. Волькенштейнъ: „13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости“, 1900 г. (написана зимой 96 г.).

распухшія ноги больныхъ заключенныхъ, говорилъ: „это еще пустяки" и давалъ столовую ложку молока, а для улучшенія гнилой пищи—щей и каши. Всѣ обращались съ заключенными цинично, бездушно, грубо"...

Въ томъ же равелинѣ и по тому же дѣлу Ал. Михайлова сидѣло три женщины: Терентьева, Лебедева и Якимова съ ребенкомъ. „Сидѣвшіе въ равелинѣ разсказывали потомъ, что въ куртинѣ крысы чуть не съѣли ребенка Якимовой и показывали ужасный хлѣбъ, которымъ ихъ кормили" *).

Но не будемъ дольше останавливаться на всѣхъ тѣхъ неподдающихся описанію пыткахъ и мученіяхъ, которыя переносили жертвы героической борьбы за свѣтлое будущее Россіи. Замѣтимъ лишь, что изъ 14-ти человѣкъ, посаженныхъ въ равелинъ по дѣлу Михайлова, только трое остались въ живыхъ для дальнѣйшихъ страданій въ Шлиссельбургѣ. Къ счастью Фигнеръ избѣгла участи большинства равелинцевъ. Уже въ октябрѣ ее перевели изъ петропавловской крѣпости въ казематъ Шлиссельбурга, гдѣ она и провела двадцать нескончаемо долгихъ лѣтъ одиночнаго заключенія. Представляется почти невѣроятнымъ, какъ могъ человѣкъ выжить эти долгія десятилѣтія въ тюрмѣ, режимъ которой отличался чрезмѣрной свирѣпостью. Бездушные палачи не удовлетворялись тѣмъ, что лишали свободы обитателей Шлиссельбурга; они находили тысячи всевозможныхъ ограниченій, тысячи правилъ, унижавшихъ человѣческое достоинство заключенныхъ, спутывали ихъ по рукамъ и ногамъ мелочными придирками, требованіемъ безпрекословнаго выполненія всѣхъ своихъ приказаній. Грубая брань, цинизмъ въ обращеніи, крайняя неустойчивость положенія въ атмосферѣ напряженной борьбы съ администраціей под-

*) Л. Волькенштейнъ, ibidem.

держивались изо дня въ день и страшнымъ гнетомъ ложились на все ихъ существованіе. В. Н. Фигнеръ пришлось вынести самый тяжелый періодъ этой борьбы, непрерывно длившейся съ года ея заключенія (84) по 1890 г., когда въ тюремномъ режимѣ Шлиссельбурга были введены значительныя улучшенія. На протяженіи этихъ шести лѣтъ за молчаливыми стѣнами крѣпости разыгравалась непрерывная и кровавая драма. Горсть людей, цѣликомъ отданная во власть тюремнаго произвола, рѣшилась, не смотря на все, протестовать противъ насилія и цѣной своей гибели и страданій добиться отмѣны его варварства. Открылся рядъ самоубійствъ, голодовокъ, избіеній заключенныхъ; многіе за это время сошли съ -ума или погибли отъ лишеній, болѣзней и голода. Камеры превратились въ гробы, гдѣ страдали, мучались и безпомощно умирали лучшіе русскіе люди,—люди желѣзной воли и огромнаго ума. Во второй періодъ тюремной жизни, товарищъ съ которымъ удалось видѣться, такъ передавалъ о своемъ избіеніи: „въ камеру вошелъ смотритель и съ шипѣніемъ проговорилъ: „раз-бой-никъ, негодяй,—я тебя!“ На это я отвѣтилъ: „варваръ“. Тогда на меня бросились жандармы, связали и связаннымъ избили въ кровь. Когда же я потребовалъ медицинскаго осмотра, докторъ заявилъ: „помяли во время сопротивленія“ *).

А вотъ другой фактъ въ томъ же родѣ.

„Во время ревизіи Шлиссельбурга товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ Оржевскимъ, заключенные протестовали противъ побоевъ. Оржевскій отвѣчалъ: „быть не можетъ, потому что вся стража (!) отрицаетъ побои“.

Это положеніе, о которомъ Тунъ говоритъ, что оно „хуже положенія преступнѣйшихъ изъ уголовныхъ арестантовъ“, не могло дальше продолжаться и нача

*) Л. Волькенштейнъ: „13 лѣтъ въ Шлисс. крѣпости“.

лась борьба. Но что это была за борьба! За шесть лѣтъ— 1884—91 гг.—умерло 13 человѣкъ! Изъ этихъ 13 двое сошли съ ума; повѣсился Клименко, сжегъ себя заживо Грачевскій, сошли съ ума Щедринъ, Ивановъ и Конашевичъ, казнены Минаковъ и Мышкинъ.

„Страшно вспомнить все это время,—говоритъ пережившая его Волькенштейнъ,—въ особенности первые два года нашей шлиссельбургской жизни. Дыханіе смерти носилось въ воздухѣ и какой смерти—въ полномъ одиночествѣ, когда умирающіе не слышали ни звука дружескаго голоса! Положеніе умирающаго было ужасное; къ нему не входили даже для того, чтобы перемѣнить постель или поднять на парашу“...

Но довольно, читатель!

Вторую половину заключенія переносить стало легче. Жить стало легче, но какъ жить! Послѣ всего перенесеннаго у заключенныхъ остались обрывки жизни, сокрушенной пережитой борьбой. Многіе и теперь болѣли, чахли и умирали. Сошелъ съ ума Пахитоновъ, покончила жизнь самоубійствомъ Софья Гинсбургъ. Къ моменту, когда В. Н. Фигнеръ оставляла Шлиссельбургъ, почти всѣ сидѣвшіе въ немъ были физически надломлены. За исключеніемъ недавно вошедшаго въ Шлиссельбургъ Карповича, относительно здоровымъ можно считать только П. Л. Антонова, обвинявшагося въ 84 г. въ убійствѣ шпіона Шкрябы и устройствѣ народовольческой типографіи. Онъ и Карповичъ, по разсказамъ Фигнеръ, чувствуютъ себя бодро и усердно работаютъ въ кузнѣ. Морозовъ занимался естествознаніемъ и собралъ богатую петрографическую коллекцію, матеріалъ для которой ему былъ доставленъ тюремной администраціей. Позднѣе эта коллекція отправлена въ одинъ изъ петербургскихъ музеевъ. Переписка родныхъ и знакомыхъ съ шлиссельбуржцами допускалась только два раза въ годъ. Дважды въ годъ почта съ воли проникала за мертвыя стѣны крѣпости и

дважды выходила оттуда. Содержаніе корреспонденціи конечно строго провѣрялось, и все что хоть отдаленнѣйшимъ образомъ намекало на совершавшіяся событія, подлежало уничтоженію. Мертвый Шлиссельбургъ не долженъ былъ интересоваться живыми.

Разъ какъ то, разсказывала В. Н. Фигнеръ, старушка мать, кажется, Антонова, живущая гдѣ-то въ деревнѣ, написала сыну письмо, въ которомъ очень подробно описывала свои сельско-хозяйственные успѣхи.

„Урожай нонче у насъ, слава Богу, хорошій; хлѣбъ и сѣно дешевы“ и прочее въ этомъ родѣ. Приводились цифры, указывалась стоимость различныхъ продуктовъ, дѣлались предположенія и хозяйственные расчеты. Это, казалось бы, мало интересное письмо, произвело въ Шлиссельбургѣ огромное впечатлѣніе; оно передавалось изъ рукъ въ руки и читалось по нѣскольку разъ, вызывая радость и воспоминанія о вольной жизни, о вольномъ человѣческомъ счастьѣ.

„Точно струя яркой, незагубленной жизни ворвалась откуда то въ наше тюремное царство“—говорила своей сестрѣ В. Фигнеръ. Ея товарищъ по заключенію, Л. Волькенштейнъ, такъ говоритъ о напряженіи съ какимъ Шлиссельбургъ прислушивался къ каждому ничтожному звуку, долетавшему съ той стороны крѣпостной ограды:

„Трудно представить себѣ, какъ велика въ душѣ человѣка потребность вѣчно думать о волѣ, быть неразрывно связаннымъ съ этой мыслью, желать видѣть кого нибудь съ воли, а тѣмъ болѣе узнать, что тамъ произошло новаго, да еще узнать все это отъ своего товарища...

„Теперь, когда я далеко отъ Шлиссельбурга,—восклицаетъ она въ эпилогѣ своихъ записокъ,—мнѣ часто представляются всѣ живущіе тамъ прямо таки полуживыми. Тамъ все распредѣлено по минутамъ—такъ бѣдна содержаніемъ и событіями внутренняя жизнь

завтра то же, что было вчера. Часто, бывало, вставая утромъ, думаешь: хоть бы что нибудь новое, хотя бы и худшее, и съ отвращеніемъ идешь все по той же тропинкѣ, по которой ходилъ 12—13 лѣтъ, съ тѣми же 2 жандармами, не дающими ступить въ сторону. За стѣны тюрьмы никто никогда не выходилъ, и, казалось, иногда отдалъ бы полъ-жизни, чтобы только взглянуть съ башни на волю, въ даль"...

Голодный живетъ представленіемъ о хлѣбѣ; заключенный всѣ свои мысли, чувства, всю свою тяжелую тюремную жизнь поддерживаетъ не покидающей его надеждой на грядущее освобожденіе. Все, что хоть отчасти разнообразитъ окаменѣлую замкнутость его уединеннаго существованія, встрѣчается имъ съ особой воспріимчивостью, заставляетъ переживать рѣдкіе моменты душевнаго подъема. Это понимала тюремная администрація Шлиссельбурга и потому тщательно слѣдила за тѣмъ, чтобы процессъ постепеннаго омертвѣнія прогрессировалъ безъ всякихъ уклоненій въ сторону. Шлиссельбургъ былъ мертвъ. Ничто не должно было проникать въ него, что могло бы напомнить его живымъ покойникамъ о біеніи жизненнаго пульса тамъ, на берегахъ Ладожскихъ водъ. И все же, несмотря на утонченную заботливость этихъ «иродовъ» *), Шлиссельбургъ догадывался, что жизнь не стоитъ на мѣстѣ. Казнь Балмашева, совершенная на кровавыхъ задворкахъ крѣпости, была извѣстна шлиссельбуржцамъ. Объ убійствѣ Плеве и русско японской войнѣ то же догадывались. Послѣдняя особенно интересовала заключенныхъ и сдѣлалась объектомъ оживленныхъ споровъ и рефератовъ.

Это были послѣднія воспоминанія, которыя унесла съ собой на волю В. Н. Фигнеръ. По выходѣ изъ крѣ-

*) Такъ звали шлиссельбургскаго тюремнаго смотрителя, отличавшагося особой жестокостью въ обращеніи съ заключенными.

пости ея общее состояніе было очень тяжелымъ. Помимо физическихъ страданій отъ развившихся у нея въ острыхъ формахъ ревматизма и цынги—десна сильно опухли и гноились, зубы почти всѣ выпали—она была слишкомъ подавлена происшедшей съ ней перемѣной, и это отражалось на ея общей психикѣ. Жизнь въ теченіе двухъ десятилѣтій въ пространствѣ, ограниченномъ четырьмя стѣнами, отъучила ее быстро оріентироваться въ пространствѣ, отличать воду отъ земли; по выходѣ своемъ на свободу, она говорила сестрѣ, что не можетъ долго сидѣть въ комнатѣ, такъ какъ ей начинаетъ казаться, будто стѣны и потолокъ приходятъ въ движеніе. При переѣздѣ же изъ Шлиссельбурга черезъ Ладожское озеро, она, какъ говорили въ колоніи, не могла отличить землю отъ воды и хотѣла, минуя сходни, идти прямымъ путемъ къ пароходу.

Въ с. Ненаксѣ Архангельскаго уѣзда В. Н. Фигнеръ прожила недолго. Быстро развивающееся освободительное движеніе въ Россіи разбило мечты правительства похоронить одного изъ своихъ враговъ въ вѣчномъ поселеніи на окраинѣ дикаго Сѣвера. Въ іюнѣ Фигнеръ получила разрѣшеніе уѣхать въ имѣніе родственниковъ въ Казанской губерніи. Проводы, устроенные ей архангельской колоніей политическихъ были трогательны и оставили на отъѣзжавшей глубокое впечатлѣніе своей простотой и искренностью. Встрѣчу Фигнеръ съ политическими одинъ изъ участвовавшихъ въ ней товарищей описываетъ слѣдующимъ образомъ.

„15-го іюня 1905 г. В. Н. Фигнеръ перевезли на лошадяхъ изъ с. Ненаксы въ Рикасиху. Туда съ спеціальнымъ пароходомъ выѣхали за нею полиціймейстеръ и правитель канцеляріи губернатора. Мы тоже наняли пароходъ и, полчаса спустя послѣ отъѣзда властей, отплыли въ Рикасиху. Пріѣхали, вышли на берегъ и отправились въ селеніе. Саженяхъ въ 40 отъ берега на встрѣчу намъ показывается изъ за строеній Вѣра Ни-

колаевна въ сопровожденіи сестры, пріятельницы, полицiймейстера, правителя канцеляріи губернатора, исправника и двухъ полицейскихъ чиновъ въ штатскомъ платьѣ.

Представьте физіономіи властей, когда они увидѣли, что мы ихъ перехитрили, и что сила на нашей сторонѣ. Власти немедленно пошли на капитуляцію и вели себя въ высшей степени деликатно, отошли въ сторону, чтобы не мѣшать разговорамъ и предупредили, что поѣдутъ прямо на станцію жел. дороги Исакогорку.

Произошла очень трогательная встрѣча. Вѣра Николаевна сначала разрыдалась, но быстро оправилась и перецѣловалась съ политическими. «Эскадра» въ виду явнаго перевѣса силъ на нашей сторонѣ,—насъ было 20 человѣкъ,—оставила насъ въ покоѣ и даже не помѣшала фотографу снять группу съ В. Н. Фигнеръ.

Затѣмъ оба парохода отправились въ путь на Исакогорку. При отъѣздѣ у политиковъ взвилось большое красное знамя, раздавалась „Варшавянка"... Полицiймейстеръ приказалъ машинисту своего парохода удирать во всѣ лопатки. Во время пути полицейскій пароходъ опередилъ нашъ всего на какую-нибудь версту. Такъ мы проѣхали мимо Архангельска съ пятиаршиннымъ краснымъ знаменемъ и пристали къ деревнѣ Исакогоркѣ.

Отсюда и до станціи политическіе шли вмѣстѣ съ В. Н. Фигнеръ, напились здѣсь чаю, а затѣмъ отправились по домамъ еще до прихода поѣзда, такъ какъ В. Н. еле-еле держалась отъ пережитыхъ въ этотъ день впечатлѣній".

О впечатлѣніи, которое произвела на автора В. Н. Фигнеръ, письмо говоритъ такъ: „на первый взглядъ, Вѣра Николаевна производитъ лишь впечатлѣніе человѣка, который много страдалъ въ жизни. Но чѣмъ больше всматриваешься въ это лицо, тѣмъ больше оно

притягиваетъ. Чувствуется въ немъ громадная, несокрушимая, но скрытая, застѣнчивая воля. И—странное дѣло,—Вѣра Николаевна интересуется всѣмъ, разговариваетъ обо всемъ, отъ современной внутренней политики до современныхъ дамскихъ причесокъ включительно, и обо всемъ говоритъ умно, а все таки чувствуется, что—она человѣкъ не отъ міра сего; только тутъ я представилъ себѣ съ нѣкоторымъ приближеніемъ, что значитъ 22 года просидѣть въ каменномъ мѣшкѣ... Нервы у Вѣры Николаевны до сихъ поръ очень, очень

В. Н. Фигнеръ уѣзжаетъ на пароходѣ изъ с. Ненаксы въ сопровожденіи архангельскихъ политическихъ.

слабы. Когда, напр., въ буфетѣ упалъ стаканъ,—она вся вздрогнула, лицо приняло такое страдальческое выраженіе, что трудно было смотрѣть на него, и минуты три она не могла оправиться»...

Покинувъ мѣста архангельской ссылки, В. Н. Фигнеръ переѣхала въ Казанскую губернію въ имѣніе своихъ родственниковъ, а оттуда спустя нѣкоторое время въ Нижній-Новгородъ. Полицейскій надзоръ оставленъ за нею и по сію пору.

ГЛАВА XI.

Рожденіе наслѣдника и частичная амнистія ссыльныхъ.—Пріѣздъ „малолѣтокъ" изъ уѣздовъ.—Общее настроеніе освобожденныхъ.—Ссылка, какъ довоспитательница революціонеровъ.—Деморализація администраціи, вызванная манифестомъ.—Министръ Святополкъ-Мирскій и первыя освобожденія.—Приливъ и отливъ въ ссылкѣ.

Время пріѣзда В. Н. Фигнеръ въ Архангельскъ совпало съ временемъ первыхъ освобожденій въ средѣ политическихъ ссыльныхъ.

Еще до вступленія Святополка- Мирскаго въ министерство, въ нашу, тогда еще спокойно настроенную и не подозрѣвавщую никакихъ перемѣнъ, архангельскую колонію прилетѣли первыя ласточки приближавшейся „весны". Манифестомъ, изданнымъ по случаю рожденія наслѣдника престола, изъ ссылки освобождались всѣ несовершеннолѣтніе „враги отечества". Другимъ, при наличности удовлетворительнаго отзыва губернатора Бютинга, уменьшался срокъ ссылки на одну треть. И вотъ, не прошло и недѣли со времени опубликованія манифеста по уѣздамъ, какъ къ намъ стали прибывать освобожденные товарищи. Такихъ несовершеннолѣтнихъ,—мы называли ихъ „малолѣтками"— съѣхалось скоро до 60 человѣкъ: многихъ манифестъ засталъ въ дорогѣ, другихъ онъ освобождалъ наканунѣ отъѣзда этапомъ въ трущобы Архангельской губерніи. Неожиданность освобожденія вызвала, разумѣется, повсюду большую радость; радовались не столько самому акту административнаго освобожденія, который всѣ считали такимъ же произвольнымъ со стороны правительства, какъ и предшествовавшіе ей арестъ и ссылку, сколько возможности возвратиться на старыя мѣста и отдаться съ новой и удвоенной энергіей дѣлу народнаго освобожденія. Таковы были результаты той кары, какой правительство Плеве разсчитывало заста-

вить смириться русскаго революціонера. Ссылка не была раціональнымъ средствомъ исправленія и, вмѣстѣ съ тюрьмой и каторгой, вносила въ душу преслѣдуемаго лишь крайнее озлобленіе и ненависть къ творимому надъ ними насилію. Ссылка, за ничтожными исключеніями, не вырабатывала изъ революціонера лойяльнаго, безотвѣтнаго обывателя. Наоборотъ, ею достигались совершено иные результаты. Люди, попадавшіе въ ссылку за одно пререкаsuccessiваніе съ мѣстной администраціей, за простое фрондированіе, не носившее на себѣ слѣда серьезнаго и даже сознательнаго сопротивленія,—эти люди, убѣдившись на своемъ личномъ опытѣ въ примѣненіи правительствомъ симпатичнаго способа: „тащить и не пущать“, вынесли изъ ссылки опредѣленное и сознательное отношеніе къ политикѣ самодержавнаго режима. Не даромъ щедринскій Дыба съ удовольствіемъ отзывался о временахъ скручиванія въ бараній рогъ. „Покойный графъ Михаилъ Николаевичъ,—разсказывалъ онъ собесѣднику, въѣзжая въ предѣлы свободолюбивой Германіи,—говаривалъ: путешествія въ мѣста не столь отдаленныя не только не вредны, но даже не безъ пользы для молодыхъ людей могутъ быть допускаемы, ибо они формируютъ характеры, обогащаютъ умы познаніями, а сверхъ того разжигаютъ въ сердцахъ благородный пламень любви къ отечеству“. *)

Можно опредѣленно утверждать, что многіе и многіе изъ побывавшихъ въ „мѣстахъ не столь отдаленныхъ“ Архангельской губерніи, были обязаны формированіемъ своихъ характеровъ, обогащеніемъ понятій и накопленіемъ прочихъ положительныхъ качествъ никому иному, какъ свирѣпому временщику В. К. фонъ-Плеве.

Изъ освобожденныхъ лишь отдѣльныя единицы

*) М. Е. Щедринъ: „За рубежемъ“.

успѣвали за время поселенія настолько свыкнуться съ природой и средой ссыльныхъ районовъ, что предпочитали, по освобожденіи, оставаться на мѣстѣ и искать заработка. Такихъ бывало не много. Огромное большинство освобожденныхъ тянулось на югъ и размѣщалось въ городахъ съ болѣе подвижной и интенсивной жизнью.

Послѣ убійства Плеве, ссылка воспрянула духомъ, инстиктивно почуявъ, что времена мрачной реакціи миновали, и что для нея начался новый періодъ существованія. Слухи, приходившіе изъ Петербурга и проникавшіе въ нашу среду, будили и радостно волновали міръ „отверженныхъ“. Стали говорить о возможности общей амнистіи, многіе предупреждали событія и, считая себя свободными людьми, собирались къ отъѣзду. Неопредѣленность и колебанія правительства, возвѣщенное имъ наступленіе „весны“ и первыя судорожныя начинанія въ освободительномъ движеніи отзывались и на отношеніи архангельской администраціи къ политическимъ ссыльнымъ. Надзоръ ослабѣлъ, полиція не считала нужнымъ поддерживать его съ прежнею строгостью. Она даже открыто выражала свое удовольствіе, когда наши надежды начали сбываться, и пришли первыя освобожденія изъ Петербурга.

— Спокойнѣй безъ васъ станетъ, и служба много полегчаетъ,—такъ объясняли намъ городовые свое отношеніе къ приказамъ объ освобожденіи изъ подъ надзора.

Сентябрь и октябрь 1904 г. внесли въ нашу жизнь особенно сильное оживленіе. Это время было временемъ всеобщихъ передвиженій; отпуски на родину въ побывку чередовались съ полнымъ амнистированіемъ, эмиграціей и пріѣздомъ въ ссылку новыхъ товарищей. Первыми поднялись и уѣхали земцы, либералы, статистики. Съ ихъ отъѣздомъ, въ колоніи поднялась невѣроятная кутерьма; какъ въ Архангельскѣ, такъ и въ

уѣздахъ создалось нервное, предвыѣздное настроеніе: каждый надѣялся, каждый думалъ о своемъ скоромъ освобожденіи. Не надѣялись только тѣ изъ политическихъ, которые были привезены въ ссылку по болѣе серьезнымъ дѣламъ на пять и болѣе лѣтъ. Они не разсчитывали на амнистію и, пользуясь всеобщимъ замѣшательствомъ, сами себѣ дарили свободу, эмигрируя за границу, либо внутрь Россіи.

Архангельская колонія сильно порѣдѣла.

Съ октября въ спискахъ освобожденныхъ стали встрѣчаться соціалдемократы и изрѣдка соціалисты-революціонеры; цифра освобожденныхъ однако значительно уменьшилась, и къ началу зимы въ архангельской колоніи водворился прежній status quo. Либерализмъ Святополкъ-Мирскаго выдохся, политика освобожденій прекратилась. Въ ссылкѣ мало-по-малу начали замирать ожиданія и надежды. Уѣздной ссылки полоса амнистіи вообще почти не коснулась. Изъ глубины архангельскаго края выѣхало не болѣе 30—40 амнистированныхъ. На смѣну имъ стали снова прибывать политическіе этапы, и это было для ссылки лучшимъ доказательствомъ того, что министръ Святополкъ-Мирскій былъ далекъ отъ мысли о всеобщей амнистіи ссыльныхъ и заключенныхъ.

По прежнему въ Архангельскѣ входили и выходили изъ-за толстыхъ стѣнъ тюремной ограды партіи политическихъ ссыльныхъ, и на томъ же вокзалѣ, откуда мы провожали освобожденныхъ на волю товарищей, можно было видѣть группы вновь прибывавшихъ ссыльныхъ за рядомъ штыковъ тюремной стражи.

Такъ чередовались приливъ и отливъ въ жизни временно взбаломученной ссылки, пока революціонное движеніе не вырвало изъ рукъ самодержавнаго правительства всеобщей политической амнистіи.

Но да не подумаетъ читатель, что архангельская

ссылка перестала существовать и отошла въ область тяжелыхъ воспоминаній послѣ манифеста 17-го октября 1905 г. Прежняя ссылка дѣйствительно исчезла, но на смѣну ей и теперь идутъ этапомъ административно сосланные въ пустынныя тундры Архангельской губерніи и исчезаютъ въ ея глухихъ и далекихъ деревняхъ и селахъ. Эта ссылка—ссылка новой формаціи, той формаціи, которую породило полуабсолютистское, конституціонное правительство. Политическая свобода еще стоитъ на бумагѣ, еще она не стала неотъемлемымъ достояніемъ русскаго народа, русскихъ политическихъ дѣятелей. Но уже близокъ часъ, когда эра полумѣръ и недоговоренныхъ словъ отойдетъ въ распоряженіе исторіи; близокъ часъ, когда, вмѣстѣ съ ними, и русская политическая ссылка будетъ вписана въ историческую книгу русскихъ революціонныхъ преданій.

Уѣздная ссылка Архангельской губерніи.

А. Западный районъ архангельской ссылки.—Поморье и Мурманъ съ входящими въ нихъ уѣздами: Александровскимъ, заштатнымъ Кольскимъ и Кемскимъ.

ГЛАВА XII.

Поѣздка на Поморье.—Встрѣча съ кемской колоніей.—Мѣста поселенія политическихъ ссыльныхъ.—Природа Кемскаго уѣзда.—Туземное населеніе, его бытъ и занятія.—Сношенія Кемскаго уѣзда съ Архангельскомъ.—Кольскій полуостровъ, природа и климатъ.—Положеніе ссылки на Кольскомъ полуостровѣ.—Отсутствіе квартиръ.—Агитація полиціи въ обывательской средѣ противъ политическихъ ссыльныхъ.—Борьба ссылки съ этой агитаціей.

Стояли ясные и теплые дни сѣверной осени. Календарь показывалъ вторую половину сентября мѣсяца,

и это рѣдкое совпаденіе устойчивой ясной погоды съ началомъ осенняго періода заставляло сѣверянъ спѣшить съ приготовленіями къ надвигавшейся мало по малу суровой и длительной полярной зимѣ.

Къ этому времени я былъ уже свободнымъ человѣкомъ. Ссылка была позади меня со всѣми своими жестокостями, со всей тяжестью исключительнаго безправія, административнаго насилія и произвола. А я все еще не вѣрилъ своей свободѣ, своему счастью,— такъ глубоко врѣзались въ душу, во все мое существованіе недавно пережитое время, недавняя борьба съ экономическимъ и полицейскимъ гнетомъ. И прежде, чѣмъ оставить полярныя широты и направиться въ обратный путь къ роднымъ мѣстамъ, мнѣ пришла въ голову мысль побывать въ гостяхъ у ссыльныхъ товарищей-поморянъ.

Морскіе рейсы еще не были закрыты. Пока дулъ юго-западный вѣтеръ, поморы и мурманы могли безпрепятственно сноситься съ Архангельскомъ. Этимъ надо было пользоваться, не теряя времени; стоило измѣниться вѣтру, и пароходное сообщеніе дѣлалось невозможнымъ: ледяныя массы Ледовитаго океана, никогда не исчезающія совершенно, гонимыя порывами холоднаго борея, входили тогда въ Бѣлое море и грозили затереть въ своихъ объятіяхъ лавировавшую среди нихъ шхуну запоздалаго помора.

Итакъ, пока было время, поѣздка была осуществима. Она была вызвана не однимъ лишь желаніемъ освѣдомиться объ условіяхъ жизни уѣздныхъ товарищей. На мнѣ лежала обязанность передать имъ вещи и разнаго рода съѣстные продукты, заказанные въ Архангельскѣ. Морской пароходъ „Королева Ольга“, съ которымъ ѣхалъ я и группа политическихъ въ шесть человѣкъ, уѣзжавшая на Поморье, отвалилъ отъ архангельской пристани ровно въ полдень; утромъ на слѣдующій день мы остановились часа на два въ виду Соловец-

кихъ острововъ, передали грузъ монастырской братіи и затѣмъ продолжали временно прерванное плаваніе.

Переѣздъ отъ Соловецкихъ острововъ до Кеми—не дологъ; ихъ отдѣляютъ другъ отъ друга всего нѣсколько часовъ ѣзды. Скоро показались горы поморскаго побережья, и спустя часъ пароходъ бросилъ якорь на довольно значительномъ разстояніи огъ берега, оставаясь въ бухтѣ на растояніи 7—8 верстъ отъ самаго города Кеми. Цѣлая флотилія лодокъ и небольшой пароходъ выѣхали къ нему навстрѣчу; началась перегрузка прибывшаго товара и высадка пассажировъ. Товарищи, предупрежденные о моемъ пріѣздѣ, ждали меня на берегу.

Кемская колонія политическихъ насчитывала въ то время 9 человѣкъ; большинство было вновь прибывшихъ, проживщихъ въ Поморьѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ. Но и за это короткое время они успѣли достаточно извѣдать радости жизни въ этомъ дикомъ и непривѣтливомъ углѣ Архангельскаго края.

Поморье и Мурманскій берегъ, образующіе уѣзды: кемскій, заштатный кольскій и недавно образованный александровскій, входятъ въ черту административной ссылки западнаго района. Въ одномъ только кемскомъ уѣздѣ насчитывалось тогда 12 пунктовъ *), гдѣ жили политическіе ссыльные въ одиночку или небольшими колоніями. На Кольскомъ же полуостровѣ, по побережью Ледовитаго океана, политическіе были разселены въ Кузомени, Колѣ и Александровскѣ.

По условіямъ своей жизни этотъ районъ занимаетъ второе мѣсто, уступая лишь ужасамъ Печорскаго уѣзда. Природа поражаетъ своей дикостью даже ссыльнаго, побывавшаго въ Архангельскомъ и смежныхъ съ нимъ уѣздахъ. Темно-сѣрыя массы гранита и вода,

*) Кемь, Лапино, Поньгома, Юшказеры, Тунгуть, Сумской посадъ. Ковда, Кереть, Княжая, Кандалакша, Ухта и Сорока.

болотистыя низины и темныя хвои еловыхъ лѣсовъ — вотъ и вся роскошь природы Кемскаго уѣзда. Въ южной части его еще попадаются кое-какія лиственныя деревца; кое гдѣ виднѣются перелѣски изъ низкорослыхъ, сучковатыхъ березокъ и тонкихъ худосочныхъ рябинъ. Но чѣмъ дальше на сѣверъ, чѣмъ ближе къ полярному кругу, разрѣзающему кемскій уѣздъ на приполярную и заполярную полосы, тѣмъ скупѣе становится природа на флору, и тѣмъ рѣзче выступаютъ на первый планъ гранитные блоки и водные бассейны.

Угрюмый и неукротимо дикій колоритъ придаютъ кемскимъ ландшафтамъ свинцово окрашенныя, совершенно лишенныя всякой растительности гранитныя горы. Лишь въ падинахъ и щеляхъ ихъ ютится кустящаяся зелень брусники, не боящейся арктическихъ холодовъ и снѣговъ; рѣдко-рѣдко мелькнетъ корявый стволъ приземистой березки, жалко пригнувшейся къ землѣ и точно съежившейся отъ жестокихъ морозовъ. Горные ручьи кристаллически чистой воды гдѣ-то поютъ свою тихую, однообразно воркотливую пѣсню, то выбиваясь наружу въ видѣ тонкихъ серебрянныхъ струй, ползущихъ въ гранитныхъ изгибахъ, то уходя невѣдомыми путями въ темныя каменныя глубины. По временамъ гранитныя массы смѣняются низменными мѣстами, котловины которыхъ заполнены либо озерами съ холодной и чистой горной водой, либо болотистыми топями, заросшими тинистой болотной зеленью, мхомъ-яголемъ, лишаями, морошкой. Уѣздъ, занимающій огромную площадь, отличается крайней рѣдкостью населенія; большинство селеній разбросано по поморскому побережью, внутренняя же, озерная часть его насчитываетъ самое большое 3—4 десятка ничтожныхъ деревушекъ. Въ западной части уѣзда, такъ называемой Кореліи, живутъ инородцы— корелы, лопари; многіе изъ нихъ съ трудомъ говорятъ по русски, занимаются промыслами: рыбными и охотничьими; нѣкоторые работаютъ на кемскихъ лѣсо-

шилкахъ, насчитывающихъ до 600 рабочихъ. Дикость, неразвитость населенія этого и граничащихъ съ нимъ кольскаго и александровскаго уѣздовъ вполнѣ согласуются съ тѣмъ несложнымъ обиходомъ жизни, со всѣмъ ея примитивнымъ укладомъ, наблюдателемъ которыхъ приходилось быть заброшенному сюда политическому ссыльному.

Самъ уѣздный городъ Кемь, насчитывавшій въ 1903 году 2583 жит. обоего пола и прибрежныя рыбачьи селенія—Поньгома, Кереть, Ковда, Кандалакша—представляютъ собой, за немногими исключеніями, жалкія, полуразвалившіяся хижины, сколоченныя изъ бревенъ и досокъ. Внутреннее убранство хатъ соотвѣтствуетъ ихъ внѣшней неопрятности; грязныя, ничѣмъ не обшитыя бревна стѣнъ, проконопаченныя паклей и войлокомъ, придаютъ помѣщенію непривѣтливый, мрачный и неуютный видъ. Въ войлокѣ и щеляхъ ихъ копошатся цѣлыя полчища всевозможныхъ паразитовъ, съ которыми обитателю этихъ хижинъ не приходитъ въ голову мысль бороться. Свѣтъ проходитъ черезъ небольшія вырѣзки въ стѣнахъ, закрытыя грязнымъ стекломъ. Потолки покрыты копотью отъ печи и лучины или сальныхъ свѣчей, сжигаемыхъ въ періодъ долгихъ и темныхъ полярныхъ ночей. Воздухъ спертый, пропитанный отвратительной вонью рыбы, которой кормится и живетъ обитатель кемскаго уѣзда.

Населеніе этихъ поселковъ мало грамотно, школъ въ уѣздѣ немного, да и тѣ, которыя построены, не отличаются образцовой постановкой дѣла. Развратъ и алкоголизмъ распространены за то гораздо шире грамотности, половыя болѣзни, и особенно сифилисъ, приняли здѣсь эпидемически острый характеръ; къ нимъ присоединилась лепра, свирѣпствующая по отдѣльнымъ мѣстамъ Поморья и Мурмана.

Разгулъ прибережнаго населенія, особенно въ весенній періодъ, когда въ пору удачнаго лова наживаются

за короткое время сотни рублей, принимаетъ здѣсь форму безшабашнаго огульнаго пьянства. Самый ловъ, и особенно бой тюленей, нерпы, акулъ, сопряженные съ большимъ рискомъ быть затертыми льдами, производятся артелями; иногда гибнутъ десятки людей, но остающіеся въ живыхъ счастливцы возвращаются обыкновенно домой капиталистами. Общая выручка, достигающая иногда нѣсколькихъ тысячъ рублей *), пропивается цѣликомъ всѣмъ поселкомъ. Дикія оргіи длятся въ продолженіи многихъ дней и ночей сряду, люди напиваются до безчувствія, до отравленія алкоголемъ и полнаго раззоренія. Въ этомъ отношеніи поморы и мурманы ничѣмъ не отличаются отъ дикихъ племенъ, объѣдающихся при удачной охотѣ и голодающихъ въ періодъ ея прекращенія. Понятія о правильномъ хозяйствѣ у нихъ не существуетъ. За безразсудной вакханаліей наступаетъ періодъ полуголоднаго существованія, когда все населеніе края питается почти исключительно рыбой, по преимуществу квашеной треской, пикшей и палтусиной издающими невѣроятное зловоніе.

Ко всѣмъ этимъ картинкамъ изъ жизни полудикаго, жестокаго по своимъ климатическимъ условіямъ края, присоединяется его полная отрѣзанность отъ культурнаго міра.

Зимой рѣдкія сношенія съ кемскимъ, кольскимъ и александровскимъ уѣздами поддерживаются на сапяхъ по незначительной дорогѣ, пролегающей изъ Архангельска черезъ Онегу по онежскому побережью. Почта изъ Петербурга въ Колу идетъ 15 дней. Лѣтомъ въ короткій навигаціонный періодъ сношенія учащаются благодаря значительно развитому пароходству на Бѣломъ морѣ и по Мурманско-Большеземельскому берегамъ.

*) Средняя выручка хозяина, участвующаго въ рыбномъ ловѣ, приблизительно=125 руб., взрослаго рабочаго—90 руб., такъ называемаго зуйка (помощникъ) 35 руб., артели—260 руб.

Зато въ осеннюю и весеннюю распутицу весь западный районъ Архангельской губерніи остается разобщеннымъ съ міромъ на $1^{1}/_{2}$—2 и даже $2^{1}/_{2}$ мѣсяца.

То, что я говорю здѣсь о кемскомъ уѣздѣ, его природѣ, населеніи, бытѣ и общихъ условіяхъ жизни, относится цѣликомъ и къ двумъ западнымъ округамъ: кольскому и александровскому; характеристика ихъ отличается тѣми же исключительно суровыми чертами, но въ еще болѣе рѣзкой формѣ.

Читателю стоитъ взглянуть на географическую карту, чтобы понять весь ужасъ интеллигентнаго, надѣленнаго широко развитыми запросами къ жизни, человѣка, административно поселеннаго гдѣ либо въ Колѣ, Печеньгѣ или Александровскѣ. Вѣдь эти мѣста отстоятъ отъ Кеми еще и еще на сотни верстъ къ сѣверу. И если природа кемскаго уѣзда не отличается мягкостью своего климата и разнообразіемъ флоры и фауны, то смежные съ ней заполярные уѣзды придали ей еще болѣе мрачный, безжизненный характеръ.

Въ Колѣ и Александровскѣ однообразіе сплошного камня дѣйствуетъ на ссыльнаго изъ внутренней губерніи гнетуще, удручающе. Круглый годъ природа поражаетъ своей окаменѣлостью *). Зимой снѣгъ, лѣтомъ

*) Любопытно отмѣтить цифровыя данныя, касающіяся населенія и природныхъ условій Кольскаго полуострова. Всѣ они взяты изъ *„отчета Архангельскаго губернскаго статистическаго комитета за 1902 г.“* и изъ *„лѣтописи Николаевской главной физической обсерваторіи“* за 1902 годъ. По этимъ даннымъ жителей въ Колѣ насчитывалось въ январѣ 1903 г. 472 чел. —217 муж. и 255 женщинъ. Послѣдніе годы населеніе Колы непрерывно уменьшается. Еще въ 1897 г. въ ней числилось 615 чел. Это уменьшеніе объясняется отчасти выселеніемъ колянъ въ портъ Александровскъ,—болѣе удобный по своему положенію для торговли, отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что съ 1903 г. лѣсопильный заводъ, находящійся по близости отъ Колы, прекратилъ работы, и рабочіе, занятые раньше на немъ, ушли въ другія мѣста. Насколько тяжелы условія жизни въ Александровскѣ и Колѣ, показываетъ сильно развитая смертность

камень; вотъ и все разнообразіе этихъ широтъ. Здѣшнія рѣки: Воронья, Териберка съ Мучкой вскрываются лишь въ первой половинѣ іюня. Въ Александровскѣ въ іюлѣ снѣгъ только-только успѣваетъ стаять, а на возвышенностяхъ онъ продолжаетъ и въ эту пору лежать вѣчнымъ бѣлымъ пластомъ. Для характеристики климатическихъ условій Кольскаго полуострова приведу здѣсь данныя, собранныя политическимъ ссыльнымъ А. Н. Алешковскимъ, проживавшимъ въ 1904—905 гг. въ г. Колѣ. Вотъ таблица minimum'a и maximum'a температуръ, наблюдавшихся съ мая 1904 г. по май 1905 г.

въ этихъ городахъ: въ Александровскѣ 10 на 100, въ Колѣ 7,6 на 100. По числу строеній (194) Кола стоитъ на предпослѣднемъ мѣстѣ въ ряду уѣздныхъ городовъ Арханг. губ., уступая въ этомъ отношеніи только Александровску (100). Хлѣбопашество въ александровскомъ уѣздѣ почти отсутствуетъ. Озимая рожь не сѣется. Яровая рожь въ очень незначительномъ количествѣ сѣется только въ кемскомъ уѣздѣ. Даже ячмень не родится въ этихъ широтахъ. Изъ 13,563,542 десятинъ въ александровскомъ уѣздѣ лишь 22 (!) засѣиваются картофелемъ. Сѣнокосы даютъ ничтожное количество сѣна: съ казенной десятины всего 68 пудовъ.

Цѣна на сѣно въ Колѣ колеблется между 60 коп. и 1 руб. Мѣшокъ моха ягеля стоитъ 15—20 коп. Заводская промышленность находится въ зачаточномъ состояніи: имѣются одна замшевая мастерская съ 2 рабочими (оборотъ 9220 р. въ годъ) въ Лавозерѣ, 112 салотопенъ съ 173 рабочими и выработкой на 40,950 р., три лѣсопильни съ 775 рабочими и производствомъ на 827,150 р.

Всѣ товары, какъ-то: мука, горохъ, овесъ, крупа, свѣтовое масло и проч. доставляются въ Колу въ періодъ навигаціи изъ Архангельска. Звѣроловство и охота развиты въ александровскомъ уѣздѣ относительно слабо. За то рыбные промыслы являются главнымъ занятіемъ у населенія этого края. „Вѣдомости о Мурманскомъ промыслѣ" приводятъ слѣдующія данныя объ уловѣ рыбы, касающіяся кольско-лопарской волости; флотиліей изъ 128 судовъ уловлено: 18010 пудовъ трески, 404 пуда палтуса, 894 пуда зубатки 1240 сайды и 13000 пикшуя, прочей рыбы 1009 пудовъ, всего же 34.587 пудовъ на сумму 26.706 рублей.

Сверхъ того добыто: жира рыбьяго 2110 пудовъ на 2230 рублей и морскихъ звѣрей: нерпы, тюленей, акулъ 1354 штуки на 3652 рубля.

Годъ.	Мѣсяцъ.	maximum температ.	День въ мѣсяцѣ.	minimum температ.	День въ мѣсяцѣ.
1904	Май	16,4	27	- 8,2	6
—	Іюнь	26,5	28	+0,4	4
	Іюль	23,8	7	4,0	15-31
—	Август.	20,7	19	3,0	9
-	Сент. .	13,8	3	- 3,3	7
	Окт. .	12,1	2	—4,3	9
—	Ноябрь.	3,5	16	—30,4	28
—	Декаб.	—2,1	13	32,4	3
1905	Январь.	+3,0	29	- 27,9	17
—	Февр.	—3,2	1	- 34,0	16
-	Мартъ.	+5,0	18	—22,6	10
	Апр.	+9,5	22	- 13,8	3

Надо замѣтить, что годы 1904 - 905-ый отличаются сравнительной мягкостью температуры. Обыкновенно maximum и minimum даютъ еще болѣе рѣзкія колебанія. Такъ напр., minimum температуры въ Колѣ въ 1902 г., отмѣченный въ „Лѣтописи“ былъ:

Янв.	Февр.	Мар.	Апр.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.
-39,4	-31,7	-39,0	-20,5	-11,7	-2,2	+1,0	+3,4	-4,0	-21,8	-30,5	-34,5

Средняя температура для каждаго мѣсяца:

Янв.	Февр.	Мар.	Апр.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.
-15,8	-14,4	-12,9	-4,1	+1,5	+4,5	10,7	+10,2	+4,4	-4,8	-6,4	-5,5

Слѣдующая таблица, составленная тѣмъ же товарищемъ, иллюстрируетъ метеорологическія наблюденія за 1904 г. Число дней „пасмурныхъ“ и „съ осадками“ поражаетъ своей величиной:

1904 г.	Осадки.	Снѣгъ.	Градъ.	Крупа.	Туманъ.	Гроза.	Ясно.	Пасмурно.	Сильный вѣтеръ.	Безъ оттепели.	Съ морозомъ.
Январь.	11	11	—	—	—	—	—	17	—	26	27
Февраль.	10	10	—	—	—	—	4	9	1	29	29
Мартъ.	10	10	—	—	—	—	1	15	2	24	31
Апрѣль.	17	16	—	2	1	—	3	16	3	3	21
Май.	19	19	—	4	—	—	—	23	2	4	17
Іюнь.	19	19	—	2		1	—	19		—	—
Іюль.	17	17	—		2	—	—	23	1	—	—
Августъ.	18	—	—	—	4	3		31	—	—	—
Сентяб.	18	14	—	—	2	—	—	22	—	—	3
Октябрь.	12	13	—	—	1	—	—	17	1	—	14
Ноябрь.	17	17	—	—	3	—	1	15	3	27	30
Декабрь.	21	21	—	1	2	—	—	2	1	31	31
Итого.	189	167	—	9	16	4	9	227	18	141	203
1902 г.	208	146	не опр.	не опр.	не опр.	не опр.	11	239	не опр.	не опр.	не опр.
1903 г.	не опр.	не опр.	не опр.	не опр.	не опр.	не опр.	4	259	не опр.	не опр.	не опр.

Самъ городъ Алексардровскъ состоитъ въ большинствѣ изъ казенныхъ домовъ *), построенныхъ здѣсь для портовыхъ служащихъ; лѣтомъ въ Портъ заходятъ торговые пароходы, снабжая обитателей заполярныхъ поясовъ всѣмъ необходимымъ для жизни. Достать что либо на мѣстѣ, кромѣ рыбы, нѣтъ никакой возможности; ни хлѣба, ни картофеля, ни тѣмъ болѣе мяса не имѣется въ этихъ широтахъ; все доставляется изъ Архангельска или Норвегіи. Голодная смерть ждетъ зимой того бѣдняка, который не съумѣлъ запастись на зиму провіантомъ.

Ужасна эта арктическая зима! Только подумать: два съ половиной мѣсяца не видать свѣта, жить въ непрерывной ночи при свѣтѣ какой-либо керосинки или слабо мигающей, дымящей ѣдкимъ чадомъ, лучины! Два съ половиной мѣсяца! Темная, непрерывная ночь, снѣгъ, безконечной пеленой лежащій на дикихъ гранитныхъ скалахъ, арктическимъ холодомъ скованное побережье пустыннаго Ледовитаго океана, мертвая тишь заснувшаго на зиму, словно вымершаго поселка! Утро и вечеръ, день и ночь слились въ одну безпросвѣтную темь,—томительно долгую, тоскливо однообразную, доводящую непривычнаго къ ней человѣка до отчаянія.

Хочется до боли увидать этотъ бѣлый дневной свѣтъ; хочется подмѣтить хоть одинъ лучъ яркаго солнца. Напрасно! Природа неуступчива въ своихъ вѣчныхъ, неуклонныхъ законахъ. Непрерывная ночь должна длиться отведенные ей два съ половиной мѣсяца. А до тѣхъ поръ—ни свѣта, ни жизни! Но вѣдь гдѣ-то живутъ люди, гдѣ-то идетъ обычная суета жизни, свѣтитъ и грѣетъ солнце, бѣгутъ поѣзда и сближаютъ за сутки разъединенныхъ сотнями верстъ.

*) Въ г. Александровскѣ насчитывается: 11 казенныхъ домовъ 2 церкви, 23 общественныхъ постройки, 22 частныхъ,—итого 58 жилыхъ домовъ. Со службами всѣхъ построекъ 101. Къ 1 янв. 1903 г. было 314 жителей.

Да, то долженъ быть волшебный край, щедро надѣленный пріятнымъ комфортомъ культивированной природы.

Но вотъ, наконецъ, ушли эти мучительные $2^1/_2$ мѣсяца, и долго жданный лучъ солнца впервые разрѣзалъ ихъ мертвый мракъ. Черезъ $2^1/_2$ мѣсяца наступаетъ обратная картина. Тогда говорятъ: „солнце катается по небу“. Солнце,—то самое солнце, котораго такъ страстно ждали въ зимнюю пору, теперь начинаютъ проклинать. Вѣчный свѣтъ, вѣчный блескъ его надоѣдливыхъ лучей, становится такъ же нетерпимъ и раздражающъ, какъ та вѣчная тьма, на смѣну которой онъ пришелъ! И люди снова начинаютъ мечтать и завидовать тѣмъ благословеннымъ мѣстамъ на земномъ шарѣ, гдѣ день чередуется съ успокаивающимъ мракомъ ночи. Но солнце не внемлетъ ихъ мольбамъ и проклятіямъ.

Въ часъ, въ два часа ночи оно стоитъ, какъ растопленный металлическій шаръ, надъ горизонтомъ и его неподвижный красно-желтый дискъ красить въ такой же цвѣтъ холодныя волны Ледовитаго океана.

Такъ чередуются у его пустынныхъ береговъ вѣчный приливъ и отливъ воды и свѣта. А человѣкъ, съ присущей ему безграничной способностью приспособляться, живетъ и въ этомъ сказочномъ царствѣ вѣчно чередующихся полярныхъ дней и ночей.

Туземцамъ, аборигенамъ крайняго сѣвера, это приспособленіе дается, конечно, легче. Но что долженъ былъ испытать здѣсь человѣкъ, прожившій полъ-жизни въ губерніяхъ центральной или южной Россіи, свыкшійся съ ея мягкимъ климатомъ, съ ея условіями жизни, съ непрерывными бурями революціонныхъ взрывовъ, въ которыхъ онъ черпалъ смыслъ и энергію своего существованія! Переходъ отъ источника бурнаго, неудержимо рвущагося наружу энтузіазма революціонныхъ массъ народа къ мертвой тишинѣ объятаго ледянымъ покоемъ сѣвера долженъ былъ быть ужасенъ, ошеломляющъ!

Но если бы только сномъ,—тяжелымъ и глубокимъ,—была административная ссылка для русскаго революціонера,—это было бы еще съ полъ-бѣды!

Съ исключительными жестокостями природы человѣкъ можетъ бороться: холоду и тьмѣ онъ противопоставитъ свѣтъ и тепло; льды и граниты онъ населитъ чудесами своего воображенія и оживотворитъ ихъ біеніемъ своей внутренней жизни. Цвѣты арктической поэзіи, рожденные вдохновеніемъ великихъ поэтовъ сѣвера, не менѣе ярки и художественны, чѣмъ волшебныя фантазіи сказокъ Шехеразады. Кнутъ Гамсунъ, Георгъ Ибсенъ, Бьернстернъ-Бьернсонъ обогатили художественную сокровищницу поэтической роскошью алмазныхъ льдовъ, серебромъ дѣвственно бѣлыхъ снѣговъ, золотымъ блескомъ полуночно-феерическаго свѣта.

Граждане свободной страны, носители свободнаго творчества, они съумѣли передъ человѣчествомъ воспѣть въ дивныхъ картинахъ и образахъ ландшафты своей родины. Свобода духа и мысли совершила чудеса, превративъ скалы синяго льда и тяжелаго гранита въ хрустальные дворцы и причудливыя цѣпи горъ, населенные гномами человѣческой фантазіи. Да, свобода—это неисчерпаемый свѣтъ и источникъ жизни. Тамъ, гдѣ она подавлена, гдѣ ее вытѣсняетъ насиліе, гдѣ мѣсто свободнаго творчества мысли заступаетъ измученный, подавленный грубымъ произволомъ умъ пытаемаго человѣка—тамъ трудно ожидать нарожденія яркаго таланта.

Только этимъ можно объяснить себѣ, почему для норвежскихъ поэтовъ дикія горы, льды и ландшафты сѣвера были объектомъ художественнаго творчества, для русскихъ же революціонеровъ—проклятіемъ и пыткой.

Русскаго революціонера, прикованнаго къ гранитнымъ скаламъ Лапландіи всевластной рукой самодержавія, пытала природа, пытали радѣтели абсолютизма.

Мало всѣхъ тѣхъ лишеній, которыми связали его по рукамъ и ногамъ холодъ и голодъ сѣверныхъ пустынь, мало тѣхъ мученій, которыя онъ испытывалъ въ своемъ тяжеломъ одиночествѣ: его окружали помимо того сыскомъ, клеветой, полицейскимъ надзоромъ, его держали въ тискахъ личной неволи. Заботились только объ одномъ: заботились, какъ бы не запротестовалъ, какъ бы не ушелъ изъ ихъ рукъ заточенный ссыльный. Голодъ, страданія отъ всевозможныхъ лишеній—все это въ порядкѣ вещей: вѣдь „онъ пріѣхалъ сюда не устраиваться“!

Когда администрація слышитъ, „что одинъ ссыльный спитъ на навозѣ, другой не въ состояніи достать брюкъ, третій,—пропагандистъ Чикондзе питается мясомъ дохлыхъ собакъ“ *), она потираетъ себѣ отъ удовольствія руки. Но если ей удается узнать, что ссыльный нашелъ себѣ хоть какой либо заработокъ, она немедленно лишаетъ его казенной субсидіи, или, терроризируя преслѣдованіемъ работодателя, заставляетъ его отказать отъ мѣста политическому. §§ 25, 27 и 28 положенія оправдывали насилія этихъ законниковъ.

Высылая политическихъ ссыльныхъ этапомъ въ отдаленнѣйшія мѣста Лапландскаго края, губернская администрація считала исчерпанными свои обязанности. Она не находила нужнымъ справляться, были ли на мѣстахъ поселенія квартиры, возможны ли были общія условія существованія для ссылаемаго. Лишь бы съ глазъ долой! А тамъ, выживетъ—хорошо; не выживетъ,—того лучше.

И вотъ каковы бывали слѣдствія такого отношенія къ этапникамъ. Ранней весной въ портъ Александровскъ, самый крайній пунктъ на сѣверномъ побережьѣ Архан-

*) Это мѣсто взято изъ писемъ сибирскихъ политическихъ ссыльныхъ, упоминаемыхъ въ книгѣ А. Туна: „Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи“.

гельской губерніи, лежащій уже за 69° широты, прибыла партія этапныхъ политиковъ. Разбитые, измученные долгой и тяжелой дорогой, голодные и грязные добрались они до этой ямы. Уже вечерѣло. Надо было найти хоть какой либо кровъ на ночь. Стали ходить по избамъ,—проситься на ночлегъ; обыватели къ себѣ не пускали; полицейскій же, на требованіе ссыльныхъ отвести имъ квартиру, показалъ свое помѣщеніе, въ которомъ и ему самому было тѣсно.

Пришлось ночевать на голыхъ камняхъ, подъ от-

Видъ г. Александровска.

крытымъ небомъ—заканчивалъ свой разсказъ александровскій товарищъ.

Это въ Александровскѣ, за 69° сѣверной широты, въ пору, когда въ тѣхъ мѣстахъ стоятъ жестокіе морозы!

Уже къ началу лѣта 1903 г. отовсюду сообщали, что за наплывомъ ссыльныхъ въ уѣздныхъ городахъ, селахъ и деревняхъ не оказывается квартиръ. „Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ не хватаетъ квартиръ. Число ссыльныхъ въ губерніи достигло уже почти

600 человѣкъ“, писалъ отъ 4 мая уѣздный товарищъ. Но администрація не обращала на это ни малѣйшаго вниманія, или пользовалась фактомъ по своему, высылая подъ этимъ предлогомъ политическихъ въ наиболѣе отдаленныя и глухія деревни западнаго и восточнаго уѣздовъ. Помѣстная же, уѣздная полиція доводила дѣло, начатое губернской, до конца.

Агитируя во многихъ мѣстахъ въ средѣ обывателей противъ политическихъ, она угрозами заставляла хозяевъ отказывать ссыльнымъ квартирантамъ отъ квартиры. Особенно замѣтной стала эта травля послѣ объявленія войны и первыхъ неудачъ русскихъ флота и арміи. Темный народъ охотно вѣрилъ разсказамъ полицейскихъ и жандармовъ, будто всѣ пораженія вызваны предательствомъ внутреннихъ враговъ, къ которымъ, конечно, причислялись всѣ мѣстные политическіе.

Въ Пинегѣ, Холмогорахъ, Шенкурскѣ положеніе политическихъ колоній благодаря такой агитаціи стало критическимъ. Пинежскіе хозяева отказали жившимъ у нихъ ссыльнымъ въ квартирахъ: въ Холмогорахъ населеніе, въ частности воинская команда, грозили не разъ побить политиковъ, немилосердно ругая всякаго изъ нихъ, при встрѣчѣ на улицахъ. Въ Шенкурскѣ избіеніе политическихъ запасными, къ сожалѣнію, стало совершившимся фактомъ.

Ссылка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ Пинегѣ, отвѣчала на эти печальные факты выпускомъ листковъ на тему: „кто такіе „политики“ и за что ихъ гонятъ въ ссылку“? Это было единственнымъ средствомъ, способнымъ помимо личнаго воздѣйствія на знакомыхъ односельчанъ предупредить взрывъ дикихъ страстей среди темнаго населенія. Полиція конечно не оставалась въ долгу, производила повальные обыски, арестовывала по одному подозрѣнію, держала въ мѣстныхъ тюрьмахъ или отвозила въ Архангельскъ.

Въ Кеми, напр., долго сидѣли въ одиночномъ за

ключеніи политическіе Фогельманъ и Кочетковъ, обвинявшіеся, первый въ составленіи протеста на царскій манифесть о „милости“, второй въ полученіи и распространеніи по колоніямъ прокламацій. Въ Пинегѣ былъ схваченъ, избитъ и увезенъ въ архангельскую тюрьму политическій Кокъ. Губернаторъ конечно не могъ отнести выпускъ прокламацій къ числу вещественныхъ доказательствъ исправленія ссылки; на ея живучесть онъ отвѣчалъ распоряженіемъ о выселеніи ссыльныхъ изъ уѣздныхъ городовъ въ глушь Кореліи, Мезенскаго и Печорскаго уѣздовъ.

ГЛАВА XIII.

Разселенія политическихъ по глухимъ селеніямъ Кореліи и Кемскаго уѣзда.—Тяжелыя условія жизни политическихъ.—Кола и ея политическая колонія.—Первые ссыльные въ Колѣ.—Лишенія политическихъ ссыльныхъ: суровость природы отсутствіе заработковъ преслѣдованіе полиціей.—Отношеніе обывателей къ политическимъ

Съ этого времени изъ глухихъ западныхъ раіоновъ ссылки начинаютъ получаться тяжелыя письма отъ высланныхъ туда товарищей, рисующія весь ужасъ ихъ положенія.

Вотъ, напр., одно изъ нихъ, посланное въ концѣ лѣта 1903 г. изъ западнаго раіона Кемскаго уѣзда: „Условія жизни тяжелыя, ни заработковъ, ни врачебной помощи; населеніе (корелы) не понимаютъ русскаго языка; мѣстность болотистая, нездоровая. Со времени моего пріѣзда (за одну недѣлю) я заболѣвалъ четыре раза лихорадкой, и эта болѣзнь страшно обезсилила меня. Вотъ и сейчасъ я едва могъ подняться съ постели. Въ настоящій моментъ съ товарищами происходитъ нѣчто подобное. Опасность заболѣванія въ виду сырой болотистой мѣстности и плохого питанія — ни мяса, ни яицъ, ни порядочной рыбы, ни даже бѣлаго

хлѣба — громадная, а между тѣмъ здѣсь не можетъ быть никакого медицинскаго пособія. 3 дня тому назадъ я и товарищъ потребовали немедленно урядника, чтобы онъ вытребовалъ сюда хоть фельдшера; онъ согласился, но такъ какъ почта уходила черезъ шесть дней, то и посылку отношенія приходилось отложить до того времени, ибо въ селѣ не оставалось ни одного десятскаго. Положимъ, выручилъ случай: одинъ мужикъ плелся въ N. и согласился снести туда бумагу.

Здѣсь показываютъ могилу какого то ссыльнаго (не знаю, политическаго или уголовнаго), который прожилъ здѣсь всего 3 мѣсяца, заболѣлъ, да такъ до самой смерти и не дождался врачебной помощи"...

Въ заключеніе авторъ письма проситъ прислать самолѣчебникъ, касторовaго масла, хинина и скипидара; „денегъ не высылаемъ: у насъ всего 70 коп." — это на четырехъ-то!

Изъ села Ухты того же раіона Кемскаго уѣзда другой товарищъ рабочій сообщалъ: „... почта приходитъ сюда только два раза въ мѣсяцъ, а потому приходится быть всегда на 3 недѣли позади курса. Дистанція громадная. Ну, да и то сказать нужно, что бываетъ и хуже. Теперь надвигается весеннее распутье, придется посидѣть мѣсяца 1½ отрѣзаннымъ отъ внѣшняго міра. Особенно это чувствительно въ настоящее время, когда въ Россіи идетъ такая катавасія!"

Изъ села Керети, лежащаго на сѣверѣ отъ Кеми въ разстояніи полутора-суточной ѣзды, ссыльный рабочій писалъ, что всѣхъ политиковъ насчитывается у нихъ 11 человѣкъ, — большинство рабочіе.

„Жизнь здѣсь очень скучная и однообразная, — разсказываетъ онъ въ своемъ письмѣ, — мѣстность кругомъ гористая; небольшое населеніе. Живемъ по два человѣка на квартирѣ, платимъ 4 рубля въ мѣсяцъ безъ варки и безъ стирки бѣлья. Только два раза въ день самоваръ. Обѣдаемъ всѣ вмѣстѣ въ общей столовой,

плата по 3 р. 50 коп. въ мѣсяцъ. До послѣдняго времени мы ѣли очень хорошо; обѣдъ нашъ состоялъ изъ 2-хъ блюдъ: супа съ мясомъ и каши съ масломъ. Но при такихъ тратахъ на обѣдъ оказалось, что расходъ превышаетъ приходъ для каждаго на 2 рубля въ мѣсяцъ. Надо было сократить: теперь обѣдъ нашъ состоитъ изъ одного блюда и то ограниченнаго по размѣрамъ. Варимъ 5 фунтовъ мяса на 11 человѣкъ, изъ нихъ 3 фун. приходится на кости. Что жъ подѣлаешь! — восклицаетъ авторъ корреспонденціи, — терпи казакъ, атаманомъ будешь".

Лѣтомъ 1904 г. было получено подробное письмо отъ одного изъ политическихъ ссыльныхъ, жившаго за полярнымъ кругомъ, сперва въ Александровскѣ, а затѣмъ въ Колѣ. Вотъ какъ онъ характеризуетъ тамошнюю природу и жизнь.

„Кола, заштатный городъ Александровскаго уѣзда, находится въ 42 верстахъ отъ своего уѣзднаго города Александровска, на югъ отъ него. Расположенъ городокъ на концѣ Кольской губы, въ томъ мѣстѣ ея, гдѣ впадаютъ въ нее, сливаясь, двѣ рѣки: Тулома и Кола. Спереди отъ города (съ сѣвера) -губа, сзади гора Соловаровка; справа шумитъ по порогамъ рѣка Кола, слѣва -Тулома. Кругомъ горы, покрытыя мелкимъ кустарникомъ вереска, мелкимъ чахлымъ березнякомъ и замухрышками сосенками. Мѣстами скалистыя горы, ничѣмъ не покрытыя вершины которыхъ напоминаютъ большія лысины.

„Есть и цвѣты у насъ! Нѣкоторые знаю по имени: это—фіолетовые колокольчики, тысячелистники, полевая ромашка. Въ іюлѣ собираютъ морошку и голубику, въ августѣ—чернику и грибы. Но главное богатство Колы—рыба: весной и осенью ловятъ семгу. Два мѣсяца зимой не показывается солнышко совсѣмъ: два мѣсяца оно не сходитъ съ горизонта. Два мѣсяца весной почта не ходитъ отъ распутья, два мѣсяца осенью

Кольская колонія политическихъ ссыльныхъ 1904 г.

творится тоже самое. Вотъ главное, чѣмъ славна Кола по природѣ.

Первое впечатлѣніе я вынесъ отъ Колы дурное. Мнѣ показалось, что я попалъ въ погребъ; было холодно, сыро; тогда еще былъ май и соотвѣтствовалъ концу марта тамбовскаго края. Все было голо. На землѣ и на скалахъ виднѣлся только верескъ, мелкій рѣдкій и голый лѣсокъ, да бѣлый олений мохъ-ягель. Частенько принимался моросить мелкій-премелкій дождикъ, словно черезъ сито. Поморосить немножко, — перестанетъ; потомъ опять примется моросить. Характерны были тогда дожди: пройдетъ низко надъ землею не то туманъ, не то облако, поморосить немного и скроется. Затѣмъ еще и еще: такіе дожди стоятъ въ началѣ лѣта. Осенью были дожди и покрупнѣе, съ сильнымъ вѣтромъ, по нѣскольку дней подрядъ. Почва каменистая, покрыта мѣстами пескомъ, мѣстами дерномъ изъ мятляка или мха. Южнѣе природа начинаетъ роскошничать сравнительно съ Колой. Встрѣчается часто рябина, попадаются болѣе крупныя березки, ива. Еще дальше къ югу рубится строевой лѣсъ и спускается плотами по Туломѣ въ Колу и Александровскъ. Нельзя сказать, однако, чтобы лѣсъ былъ здѣсь дешевъ.

Верстахъ въ 4-хъ отъ Колы къ сѣверу, на кольской губѣ, стоитъ лѣсопильный заводъ.

Когда я пріѣхалъ въ Колу,—разсказываетъ авторъ письма,—въ ней уже было 5 человѣкъ политическихъ, и ни одинъ изъ нихъ не прожилъ тогда еще и года. Ранѣе правительство почему-то избѣгало высылать политиковъ въ Колу, опасаясь вѣроятно близости норвежской границы. Впрочемъ, лѣтъ 26 тому назадъ, по словамъ мѣстной лавочницы Чертовой, въ Колѣ была политическая изъ Архангельска, полька Ефросинія Сушинская. Ей было 18 лѣтъ, попала она во время безпорядковъ въ какомъ то училищѣ. Когда другія ея подруги подписывали какую то бумагу, то и она свою фамилію

шутя, булавкой протыкала въ числѣ подписей. За эту шутку прожила 3 года въ Колѣ, вышла замужъ за какого то нѣмца изъ Стокгольма и во время тяжелыхъ родовъ скончалась“.

Таково преданіе, оставленное обывателямъ первой невольницей кольской ссылки.

„Затѣмъ лѣтъ 10—12 тому назадъ, по разсказамъ полицейскаго городового Плотникова, въ Колѣ жилъ „политичный“ Веригинъ,—богатый человѣкъ, пытавшійся обратить его, полицейскаго (!), „въ свою вѣру и предлагавшій ему даже денегъ (!)“.

Справедливость этого разсказа остается на отвѣтственности городового. По его же словамъ:

„Веригинъ былъ человѣкъ хорошій, много помогалъ бѣднякамъ; жилъ богато, имѣлъ три прислуги, повара съ родины, лошадь рублей въ 200—300 и кучера; снималъ для лошади покосъ и ѣздилъ туда съ рабочими. Многіе около него кормились. Присланъ былъ на 5 лѣтъ, но проживши 2 года въ Колѣ, перевелся въ Шенкурскъ. Веригинъ былъ духоборомъ, и его товарищи сектанты доставляли ему положительно все, начиная съ денегъ и кончая дѣвушкой, которую они прислали ему съ родины“.

Супинская и Веригинъ были такимъ образомъ родоначальниками кольской ссылки новѣйшаго времени. Само собой разумѣется, что они во многомъ рѣзко отличались отъ послѣдней. Уже изъ краткихъ разсказовъ, переданныхъ здѣсь, можно видѣть, что Супинская попала въ ссылку „шутя“, за чисто дѣтскую выходку, Веригинъ же, какъ сектантъ — духоборъ, не былъ „политическимъ“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ считаются ссыльные революціонеры послѣдняго времени. Собственно политическая колонія въ Колѣ образовалась въ 1903 г., въ министерство фонъ-Плеве.

„Первый прибылъ въ Колу изъ Вятской губерніи учитель церковно-приходской школы З. Ему было не

болѣе 23 лѣтъ, онъ былъ холостъ. Какъ піонеру ему было очень тяжело. Жители относились къ нему недовѣрчиво, пугливо. На 2-мъ мѣсяцѣ онъ всетаки нашелъ себѣ заработокъ: скупщикъ семгой, пріѣхавшій изъ Петербурга, взялъ его къ себѣ надсмотрщикомъ на мѣсяцъ, давъ 30 рублей жалованья. Потомъ работы настоящей не было. З. хлопоталъ, чтобы разрѣшили ему давать уроки, заниматься съ дѣтьми обученіемъ ихъ грамотѣ. Отказали. А благонамѣренная мѣстная „интеллигенція“ не рѣшалась безъ этого разрѣшенія пригласить политика къ своимъ дѣтямъ. З. сталъ корреспондировать въ „Вятскую газету“ и тѣмъ нѣсколько облегчилъ свое матеріальное положеніе; кромѣ того онъ писалъ прошенія мѣстнымъ обывателямъ, получая отъ нихъ за это кое-какое вознагражденіе. За квартиру, столъ и еженедѣльную баню платилъ 9 рублей, но такъ какъ казеннаго пособія онъ получалъ всего 8 рублей, то недостающій рубль доплачивалъ хозяйкѣ, обучая грамотѣ ея сынишку.

Пріѣхалъ въ Колу З. уже нездоровымъ, надорваннымъ: двухмѣсячная кольская „ночь“, длинная зима со всѣми особенно чувствительными для новичка-одиночки условіями жизни отразилась на немъ тяжело. На почвѣ нервнаго разстройства и подъ вліяніемъ всего пережитого въ немъ развились непонятное упорство, щепетильность и трусость. Эти стороны его характера вызывали частыя размолвки между нимъ и товарищами. Къ попыткамъ архангельской колоніи, завязать сношенія съ Колой, З относился подозрительно: отъ денежной помощи со стороны архангельской колоніи отказался; отказался и отъ дачи отвѣтовъ на опросный листъ, присланный архангельскими товарищами. Точно также подозрительно относился онъ и къ каждому прибывавшему члену колоніи,—все мерещился ему шпіонъ. Не могъ выносить присутствія нелегальной литературы у хозяйки его квартиры и по-

этому настойчиво требовалъ, чтобы его хозяйкѣ не давали ничего недозволеннаго. Его страшила мысль, что въ этомъ могутъ обвинить его. Будучи индифферентнымъ къ религіи самъ, онъ ежедневно передъ урокомъ заставлялъ мальчика читать молитву передъ ученіемъ а послѣ урока — молитву послѣ ученія. Заставлялъ истово креститься, правильно слагать персты. Каждый день училъ съ нимъ молитвы, выучилъ мальчика молитвѣ за царя, святому духу и т. п. Послѣднее, что было выучено 8-лѣтнимъ ребенкомъ былъ символъ вѣры по членамъ. По праздникамъ заставлялъ его ходить въ церковь, хотя самъ и не ходилъ.

Нервами онъ былъ сильно разстроенъ. Какъ то мы оба остались въ нашей общей комнатѣ. Я писалъ, З. лежалъ. Вдругъ онъ вскочилъ, какъ сумасшедшій, красный, взволнованный, съ сильно раскрытыми глазами, и остановилъ свой взглядъ на мнѣ. Я испуганно и вопросительно взглянулъ на него. Немного спустя онъ заговорилъ: „прошу васъ, ходите тише“! Меня это сначала удивило, потомъ чуть не взорвало, такъ какъ нервы и у меня шалили въ то время. Но я во время удержался и только отвѣтилъ: „я не хожу“.

— Не могу заснуть, голова адски болитъ... Меня какъ обухомъ въ голову ударило, когда вы двинули стуломъ.

Я тутъ только догадался, что, очевидно, я, желая достать съ другого конца стола промокательный листъ всталъ и нечаянно сдвинулъ свой стулъ съ мѣста.

Подъ конецъ своего пребыванія въ Колѣ, З. занимался съ двумя дѣтьми своего товарища по ссылкѣ обученіемъ ихъ грамотѣ. Житейскія дрязги окончательно разстроили ему нервы; полгода ждалъ онъ отвѣта на поданное имъ прошеніе о переводѣ въ Шенкурскъ по болѣзни, но отвѣта такъ и не получилъ. Когда же снова было подано прошеніе о томъ же, съ приложеніемъ медицинскаго свидѣтельства о состояніи

его здоровья, то въ отвѣтъ на 2-е прошеніе пришло предписаніе освидѣтельствовать его въ присутствіи полиціи. Освидѣтельствовали еще разъ, въ присутствіи полиціи, отослали бумагу въ Архангельскъ. Черезъ нѣкоторое время (около 13 августа) З. отправили въ Архангельскъ и, больного, помѣстили въ тюрьму. Оттуда подъ конвоемъ препроводили въ Кемь.

„Тюрьма произвела удручающе-убійственное впечатлѣніе“ – писалъ онъ въ августѣ изъ Кеми, на другой день послѣ прибытія туда — „какой то у меня теперь хаосъ въ головѣ“...

Въ сентябрѣ писалъ: „..настроеніе мрачное, работы частной нѣтъ... Бѣденъ. За послѣднее время часто у меня стало повторяться головокруженіе... затменіе... хаосъ“...

Изъ Кеми онъ вскорѣ былъ переведенъ въ Архангельскъ, а въ ноябрѣ уѣхалъ на родину,—„переведенъ въ виду болѣзненнаго состоянія“—писалъ онъ оттуда самъ *).

Трагическій эпилогъ ссылки З., разсказанный здѣсь его товарищемъ въ такихъ простыхъ выраженіяхъ, не былъ единственнымъ въ анналахъ ссылки. Случаи постепенной гибели отдѣльныхъ единицъ въ многочисленной ссыльной семьѣ повторялись то здѣсь, то тамъ. И здѣсь, какъ и всюду, дѣйствовалъ все тотъ же естественный подборъ, являвшійся наглядной формой проявленія борьбы за существованіе. Люди съ сильнымъ характеромъ и организмомъ, съ большей приспособляемостью и меньшими запросами къ жизни выдерживали легче исключительно тяжелыя условія ссыльной жизни, нежели противоположныя имъ натуры. Уѣздная ссылка и особенно ссылка отдаленныхъ западнаго и восточнаго районовъ проводила эту сортировку особенно рѣзко: здѣсь всѣ специфическія черты исключительнаго по-

*) Изъ письма кольскаго товарища.

ложенія выступали гораздо рѣзче, нежели въ Архангельскѣ, его уѣздѣ и смежныхъ съ нимъ холмогорскомъ, онежскомъ и шенкурскомъ. Жизнь ссыльнаго становилась объектомъ непрерывныхъ воздѣйствій съ одной стороны суровой и дикой природы, съ другой не менѣе дикаго административнаго насилія. Одно дополняло другое. Если природа арктическихъ широтъ не позволяла ссыльному ввести его существованіе въ норму, если необходимѣйшіе предметы потребленія, какъ хлѣбъ, мясо, картофель, приходилось доставать изъ другихъ мѣстъ, то мѣстная администрація старалась еще болѣе обострить своими мѣропріятіями бытовыя условія политическихъ поселенцевъ.

Формы такихъ мѣропріятій были самыя разнообразныя; ихъ вліяніе сказывалось рѣшительно на всѣхъ сторонахъ жизни политическихъ колоній. Свобода самодѣятельности ссыльнаго, трудно осуществимая въ Архангельскѣ, здѣсь сводилась на нѣтъ. Бдительность полицейскаго надсмотра, проникавшаго во всѣ поры его существованія, облегчалась въ уѣздахъ незначительностью, малочисленностью тѣхъ пунктовъ, гдѣ ссыльные должны были коротать годы своего изгнанія.

Я уже упоминалъ о результатахъ той агитаціи, которую вела въ средѣ обывателей уѣздная полиція. Разумѣется, что найти какую-либо работу среди враждебно настроеннаго къ ссылкѣ населенія не было никакой возможности. Да и могла ли, вообще, существовать такая возможность для интеллигентнаго работника въ глуши дикихъ окраинъ Архангельской губерніи? Общественная дѣятельность ссыльнымъ воспрещалась: на врачебную практику, школьное дѣло, даже частное репетированіе §§ 24 и 27 „положенія о поднадзорныхъ" налагали полный запретъ. Обойти постановленія этихъ драконовскихъ правилъ ссыльному тоже не удавалось, такъ какъ, въ случаѣ нахожденія какихъ либо занятій у частнаго лица, послѣднее подвергалось гоненіямъ за

облегченіе участи ссыльнаго, за простое знакомство съ нимъ. Понятно послѣ этого, если мы въ дневникѣ одного изъ кольскихъ ссыльныхъ, находимъ слѣдующую замѣтку: „...на рождествѣ у моего квартирохозяина былъ священникъ съ молебномъ. Уходя отъ него, протоіерей выразился псаломщику про меня мимоходомъ: „вотъ и хорошій человѣкъ, и пригласилъ бы его къ себѣ да... полиція есть въ Колѣ“.

Читатель не забудетъ здѣсь вспомнить и про циркуляръ къ учителямъ народныхъ училищъ, который приведенъ мною въ одной изъ предыдущихъ главъ.

Но если подобное отношеніе къ политическимъ ссыльнымъ наблюдается со стороны болѣе или менѣе развитыхъ людей, изъ такъ называемой „помѣстной интеллигенціи“, то ждать отъ массы невѣжественнаго населенія сознательнаго отношенія къ присутствію въ его средѣ политиковъ и пониманія послѣдняго совершенно невозможно. Торговое мѣщанство уѣздныхъ городовъ еще кое какъ разбирается въ вопросѣ, что за люди эти таинственные политики.

„Въ Колѣ, напримѣръ—по наблюденіямъ одного товарища—обыватели раздѣляли политиковъ на двѣ категоріи или сорта. Къ однимъ обыватели питали уваженіе и считали ихъ за дѣйствительныхъ, „настоящихъ“ политиковъ; характерной ихъ чертой они выставляли начитанность, разсудительность, корректное серьезное поведеніе, самостоятельность, твердость воли, опредѣленность рѣшеній, трезвость въ отношеніи водки, сдержанность въ сферѣ половыхъ отношеній, и главное, честность во всемъ.

Къ другимъ обыватели относились нѣсколько иначе. Они уже не выдѣляли ихъ изъ своей среды, не видѣли почти никакой разницы между собой и ими“.

Вотъ еще отрывокъ изъ наблюденій того же товарища, характеризующихъ отношенія обывательскаго міра къ политическимъ ссыльнымъ.

„Осипъ Агіевъ, кольскій мѣщанинъ, хозяйственный человѣкъ, любившій выпить, говорилъ разъ про N:— хорошій былъ человѣкъ—мы не разъ выпивали вмѣстѣ".

Въ N онъ цѣнилъ хозяйственнаго человѣка, при томъ общительнаго, веселаго, любившаго, какъ и онъ, выпить; въ немъ онъ видѣлъ „своего" человѣка, на убѣжденія же его не обращалъ вниманія. Да и вообще, прибавляетъ авторъ, — жители не обращали вниманія на политическія убѣжденія и оцѣнивали политиковъ по ихъ отношеніямъ къ жителямъ".

Какъ иллюстрація послѣдняго обобщенія рисуется такая картина.

„Городовой Плотниковъ разсказывалъ, что N. какія то книги читаетъ, каждый вечеръ огонь до 3 часовъ утра горитъ.

— Что же онъ разсказываетъ, что читаетъ?—спрашивалъ я городового.

— „Разсказываетъ"...

— Что же разсказываетъ?

— „Такое разсказываетъ, что будь тутъ жандармы?...

— Что же именно?

— „Такъ"...

— О крестьянахъ, что-ли?

— „Говоритъ и о крестьянахъ"...

— А о начальствѣ?

— „И о начальствѣ тожъ; о царѣ... о Богѣ, напр.: несетъ такую... мы думали, что онъ того... въ головѣ у него неладно"...

За то каждая осязательная для населенія помощь, оказанная политиками, высоко цѣнилась имъ и поднимала въ его глазахъ ихъ престижъ, заставляла относиться къ нимъ съ уваженіемъ.

На кольскомъ полуостровѣ, напр., лопари издавна вели тяжбу съ колонистами изъ за исключительнаго права на рыбные промыслы въ рѣкахъ. До сихъ поръ интересы лопарей поддерживали повѣренные изъ

кольскихъ обывателей - мѣщанъ. По какъ то они обратились за совѣтомъ къ политическому Безмѣнову, — тотъ заинтересовался ихъ дѣломъ и взялся самъ хлопотать о немъ въ Питерѣ. Это вызвало особенное отношеніе къ Безмѣнову въ отдѣльности, и къ его товарищамъ вообще. Репутація политиковъ особенно поднялась послѣ одного удачнаго юридическаго совѣта, оказаннаго товарищемъ Безмѣновымъ одному изъ обывателей въ трудную для него минуту, и еще къ тому же безвозмездно.

Магическое дѣйствіе на обывателей производилъ фактъ переписки товарища Безмѣнова съ княземъ N. и еще какимъ то тайнымъ совѣтникомъ въ Питерѣ“.

Послѣдній фактъ, приводимый мною изъ дневника кольскаго товарища, безусловно вѣрно освѣщаетъ взаимоотношеніе обывателей и политическихъ ссыльныхъ.

Тамъ, гдѣ послѣдніе не жили замкнуто отъ населенія, не изолировали себя отъ него узкимъ кругомъ собственныхъ своихъ интересомъ, а пытались завязать связи на почвѣ его насущныхъ интересовъ, тамъ и отношенія устанавливались вполнѣ порядочныя, исключающія возможность всякихъ полицейскихъ подвоховъ и вытекавшихъ отсюда, какъ слѣдствіе,—погромовъ политическихъ колоній.

Въ свою поѣздку по побережью Бѣлаго моря я самъ могъ убѣдиться въ справедливости этого положенія. Кемцы, напр., жили въ лучшихъ отношеніяхъ съ городскими обывателями; на лѣсопилкахъ у нихъ были довольно большія связи, и рабочій людъ относился къ нимъ отзывчиво и съ уваженіемъ. Въ Кандалакшѣ, гдѣ въ ту пору жилъ товарищъ одиночка Андреевъ, меня радостно поразила его популярность среди кандалакшскаго населенія.

Когда пароходъ остановился въ бухтѣ невдалекѣ отъ самого поселка, къ намъ подошли десятка два кар-

басовъ *) съ рыбаками, выѣхавшими за получкой груза. Я не зналъ опредѣленно, гдѣ жилъ Андреевъ, и потому на-авось обратился съ разспросами о немъ къ крестьянамъ. Съ десятокъ голосовъ дружно отозвались на мой вопросъ.

— Григорій Павлычъ-то? какъ же, какъ же не знать: хорошій человѣкъ, какъ не уважать. Вы что же знакомый ему будете?"

Я отвѣтилъ утвердительно. Рыбаки предложили мнѣ провѣдать товарища.

Колонія политическихъ ссыльныхъ въ Сумскомъ посадѣ, Кемскаго уѣзда въ мартѣ 1904 г.

— Григорій Павлычъ радъ то какъ вамъ будетъ,— говорили они и хотѣли во что бы то ни стало довезти на своихъ лодкахъ до берега.

Но я ограничился тѣмъ, что просилъ передать товарищу имѣвшіяся у меня для него вещи, а самъ остался на палубѣ парохода.

Позднѣе я раскаивался, что не навѣстилъ Андреева.

*) „Карбасомъ" называются у туземцевъ-сѣверянъ большія ладьи, человѣкъ на 20—30 гребцовъ и пассажировъ.

Въ Кандалакшу онъ попалъ за сопротивленіе властямъ въ Архангельскѣ. Губернаторъ назначилъ его сперва на Печору, но, послѣ скандала при отправкѣ изъ тюрьмы *), онъ, какъ зачинщикъ и руководитель, былъ изолированъ отъ товарищей и сосланъ въ Кандалакшу. Здѣсь Андреевъ прожилъ въ одиночествѣ болѣе чѣмъ годъ, пока къ нему не былъ присланъ другой политическій Черненковъ. Любопытно между прочимъ то, что Андреевъ стоялъ на квартирѣ у волостного старшины. Андреевъ получалъ казеннаго пособія 6 р. 70 к., а волостной старшина жалованіе по должности въ 2 р. съ чѣмъ-то. Только потомъ уже сельчанамъ стыдно что ли стало, и они прибавили жалованіе старшинѣ до 4 р. Андреевъ высланъ былъ на 8 лѣтъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что просьба моя была исполнена населеніемъ Кандалакши самымъ аккуратнымъ образомъ, и что Григорій Павловичъ пользовался у крестьянъ дѣйствительно завидной репутаціей уважаемаго человѣка.

Обратное отношеніе наблюдалось въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ политическому ссыльному одиночкѣ приходилось быть піонеромъ дѣла, или гдѣ населеніе деревень состояло преимуществено изъ инородцевъ-лопарей, чуди, кореловъ.

Такъ, напримѣръ, товарищъ изъ Ухты передавалъ невеселыя свѣдѣнія о своихъ отношеніяхъ съ коренными обывателями.

„Населеніе здѣшнее боится насъ, какъ огня, и никакъ намъ не удается приручить (!) его; послѣднее время, впрочемъ, стали какъ будто немного привыкать и при встрѣчахъ на дорогахъ не бросаются по крайней мѣрѣ въ сторону; а то раньше, бывало, идешь, попадается навстрѣчу баба, и сейчасъ же стороной обходитъ; а если болѣе смѣлые ребятки къ намъ подой-

*) Объ этомъ см. главу VIII.

дутъ, такъ бабы имъ кричатъ: „не подходите къ нимъ, они убьютъ васъ".

„Если идешь по улицѣ, то встрѣчные говорятъ про себя: „ворошта, *) ворошта идутъ".

„При такомъ отношеніи весьма трудно найти квартиру, такъ какъ всякій тебя боится: „пустишь его, а онъ убьетъ тебя или въ лучшемъ случаѣ обокрадетъ" — думаетъ про себя корелъ-домохозяинъ,

„Это критическое положеніе пришлось испытать и мнѣ, когда я искалъ себѣ квартиру. Подходишь къ иному дому, а тамъ ужъ конечно видятъ, что за гусь идетъ, и сейчасъ же передъ самымъ носомъ дверь на крючокъ; такъ и уходишь дальше не солоно хлебавши. А если кто и согласится пустить къ себѣ въ избу, то заломятъ такую плату, что ее не покроешь и всѣмъ нашимъ пособіемъ.

„Не больше пониманія политическихъ высказалъ и тотъ лопарь, который счелъ ихъ, по крайней мѣрѣ, за царскихъ намѣстниковъ, облеченныхъ неограниченными полномочіями. Сцена эта такъ характерна, въ ней такъ рельефно обрисовывается вся дикость инородцевъ-туземцевъ, въ средѣ которыхъ приходилось жить политическимъ, что я приведу ее полностью.

„Подвыпившій лопарь, совершенно мнѣ незнакомый и пріѣхавшій откуда то изъ подъ Печеньги,—говоритъ кольскій товарищъ,—разъ 15 бросался мнѣ въ ноги, кланялся и говорилъ:

„Можетъ быть ты близокъ государю, можетъ быть ты посланъ отъ него,—кто тебя знаетъ".

„Его поражало очевидно то обстоятельство, что по слухамъ политики въ Колѣ ни за что, ни про что получали изъ казны пособіе, жили господами, все книжки читали, все знали, чиновники ихъ остерегались и даже боялись".

---

*) „Ворошта" по-корельски — воры.

— „Ты что тутъ дѣлаешь“,—спрашивалъ лопарь меня лукаво.

— Ничего,—отвѣтилъ я.

— „Зачѣмъ пріѣхалъ“?

— Я не пріѣхалъ, меня привезли.

— „Зачѣмъ“?

— Въ наказаніе; за грѣхи мои жить здѣсь буду,— пытался я объяснить безтолковому собесѣднику.

— „А можетъ ты близокъ государю и все можешь сдѣлать для насъ“?

— Нѣтъ, Афанасій Терентьевичъ, ничего не могу; меня не любитъ государь.

— „Ты скрываешь... А почему ты знаешь, какъ меня зовутъ“—поймалъ онъ меня на словѣ.

— Я слыхалъ, какъ Осипъ тебя давеча называлъ.

Тогда лопарь сталъ просить себѣ лично взаймы 100 руб., но когда это не подѣйствовало, началъ жаловаться на плохое житье, на тяжелыя времена, говорилъ про какую то субсидію отъ казны для ихъ погоста или поселка.

— „Дай мнѣ 1001 рубль“ почему тысяча *одинъ* рубль это оставалось и остается для меня и по сію пору непонятнымъ. Но когда и тутъ ничего не вышло онъ спросилъ меня неожиданно:

— „Сколько возьмешь, чтобы намъ на войну не идти?,—а чрезъ нѣкоторое время, не добившись отъ меня желаемаго для себя,—онъ уже говорилъ:

— „Бери насъ всѣхъ! Всѣ пойдемъ, всѣ послужимъ!..“

Вотъ образецъ того пониманія, какое складывается о положеніи политическаго ссыльнаго поселенца въ головахъ полудикаго инородческаго населенія. Въ представленіи лопаря смертельный врагъ абсолютизма превратился въ всемогущаго агента правительственной власти!

Тяжело приходилось поэтому тѣмъ политикамъ, ко-

торые, живя въ одиночку по инородческимъ поселкамъ, были окружены его темнымъ и невѣжественнымъ населеніемъ. Словомъ не съ кѣмъ перекинуться, не съ кѣмъ обмѣняться живою мыслью, нѣтъ ни заработка, ни достаточнаго питанія, ни матеріальной, а тѣмъ болѣе медицинской помощи! Мракъ полярной ночи, мракъ населенія, мракъ въ самомъ себѣ отъ всей этой жестокой обстановки, въ которой едва теплилась собственная твоя жизнь, — начинали немилосердно угнетать душу и умъ человѣка.

Малѣйшаго повода со стороны администраціи достаточно бывало въ такихъ случаяхъ, чтобы вылилась наружу ярость протеста, накоплявшагося мѣсяцами и годами въ душѣ изстрадавшагося ссыльнаго. Тогда начиналась борьба между ссылкой и ея угнетателями: не всегда она оканчивалась успѣхомъ для протестантовъ и—vae victis!—ихъ ждали новыя репрессіи въ видѣ выселеній, тюрьмы, а то и увеличенія срока ссылки. Узелъ еще туже затягивался въ такихъ случаяхъ на шеѣ взывавшаго о помощи...

ГЛАВА XV.

Попытки правительства урѣзать пособіе политическихъ.— Борьба ссылки противъ правительственныхъ прижимокъ. — Бѣгство керельской колоніи отъ голодной смерти.—Денежная помощь уѣздной ссылкѣ изъ кассы архангельской колоніи.—Опросные листки.— Организація кольской кассы взаимопомощи и ея функціи.

Нѣтъ возможности перечислить здѣсь всѣхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о неутомимыхъ заботахъ правительства по отношенію къ опекаемой имъ ссылкѣ. Я остановлюсь лишь на нѣкоторыхъ совсѣмъ еще недавнихъ событіяхъ въ хроникѣ борьбы ссылки съ администраціей.

Правительству показалось излишней расточитель-

ностью отпускать на пособіе ссыльнымъ денежныя суммы въ прежнихъ размѣрахъ. Правительству, милліонныя хищенія котораго изъ народнаго кармана издавна извѣстны всему міру, правительству, безконтрольное хозяйство котораго породило невѣроятную систему взяточничества, тунеядства, а то и просто казнокрадства,—этому правительству вдругъ стало до очевидности ясно, что оно съумѣетъ поднять свои финансы и улучшить общее положеніе своихъ финансовыхъ операцій, съэкономивъ нѣсколько сотенъ рублей въ ассигновкахъ на пособіе полуголодной ссылкѣ. Но то, что для экономныхъ бюрократовъ было лишь пустой формальностью, сводившейся къ сочиненію лишняго циркуляра, для недоѣдавшей, измученной ссылки имѣло значеніе новыхъ лишеній и репрессій.

Итакъ, начались вычеты изъ пособій.

Въ Керети, гдѣ политическій рабочій получалъ ежемѣсячно 6 р. 75 к., ему скидываютъ 30 коп. Въ Кеми, въ Сорокахъ продѣлывается то же самое. Циркуляръ не обошелъ, конечно, и другихъ политическихъ колоній, выжавъ отовсюду гроши и сколотивъ ихъ въ сотни рублей.

30 копеекъ—велики ли деньги! Вѣдь это выходитъ по копейкѣ въ день,—стоитъ ли изъ-за грошей поднимать исторію,—подумаетъ вѣроятно иной читатель. Но такому читателю не слѣдуетъ забывать, что для людей у которыхъ не хватало хлѣба и картофеля, которымъ предоставлено,—какъ это было въ Колѣ,—питаться кислой рыбой и небольшими порціями риса, и 30 коп. представляли собой огромную цѣнность. Ему не слѣдуетъ также забывать, какое значеніе имѣлъ для ссыльнаго во время поднятый протестъ, во время начатая борьба съ административной тактикой постепеннаго закабаленія ссылки. Да, наконецъ, всякому будетъ понятно то чувствительное реагированіе, которое острой болью сказывается въ организмѣ зажатаго въ тискахъ

человѣка съ каждымъ новымъ поворотомъ винта. Наоборотъ, надо лишь удивляться тому чудовищному терпѣнію нѣкоторыхъ изъ политическихъ колоній, которыя при отстаиваніи своихъ пособій прибѣгали къ лояльнѣйшимъ формамъ борьбы вродѣ телеграммъ, посылавшихся администраціи. Керетяне, напр., послѣ уменьшенія пособія, отправили губернатору слѣдующую телеграмму: „мы не имѣемъ болѣе силъ голодать. Просимъ перевода Шенкурскъ, Онегу, Архангельскъ, Холмогоры. Если не будетъ отвѣта черезъ недѣлю, слагаемъ съ себя всякую отвѣтственность.

Люди тратили послѣднія сбереженія, чтобы снестись съ губернаторомъ; мало того, они оплачивали для него даже отвѣтъ въ 20 словъ. Губернаторъ, какъ и слѣдовало ожидать, воспользовался любезно предоставленнымъ ему отвѣтомъ, чтобы отказать политическимъ въ переводѣ. Тогда керетяне рѣшаются идти пѣшкомъ изъ Керети въ Архангельскъ. Въ письмѣ отъ 7 марта 1905 г. одинъ изъ товарищей рабочихъ пишетъ:

„Мы приняли слѣдующее рѣшеніе: вещи свои оставимъ у кого-либо здѣсь, а возьмемъ по 2 пары бѣлья и хлѣбъ въ мѣшкахъ и отправимся въ Архангельскъ. Насъ 10 человѣкъ. Если насъ остановятъ на дорогѣ, мы не пойдемъ обратно добровольно. Если насъ станутъ бить, то мы рѣшили защищаться до послѣдней капли крови; если же насъ приведутъ связанными, обратно, мы уйдемъ завтра снова. Въ случаѣ, если намъ удастся добраться до Кеми, то прихватимъ и оттуда товарищей.

„Здѣсь, понимаете, не важны эти 30 коп., а важно то, что сегодня 30 коп., завтра 30 коп., а послѣ завтра они и совсѣмъ могутъ не выдать. Правительство хочетъ, чтобы мы не могли совсѣмъ дышать, но это ему не удастся. Теперь мы распродаемъ все свое, готовясь въ дорогу. Наше время еще впереди“.

Другой товарищъ изъ Керети же разсказываетъ по

дробно о самомъ путешествіи. Вотъ выдержка изъ его письма:

„Полиція, узнавъ о нашихъ намѣреніяхъ, стала дѣйствовать на всѣхъ парахъ и принимать энергичныя мѣры къ ихъ пресѣченію. Она созвала сельскій сходъ, гдѣ говорила о нашихъ намѣреніяхъ и обязала всѣхъ не давать намъ лошадей. Квартирохозяева обязаны, въ случаѣ нашего исчезновенія, доносить немедленно о томъ полиціи. Всѣмъ, вообще, рекомендуется слѣдить за нами. Одновременно съ этимъ приставъ мобилизировалъ всѣ имѣвшіяся у него силы: 10 десятскихъ, 2 городовыхъ и одного урядника, которые стерегли насъ днемъ и ночью. По деревнѣ разнесся даже слухъ, что мы хотимъ убѣжать „убить царя“, и потому каждый долженъ насъ стеречь. Не смотря однако на всѣ эти мѣры, въ назначенный день ночью намъ всѣмъ за исключеніемъ одного товарища, оставшагося по нашему рѣшенію въ Керети, удалось благополучно выбраться изъ села и направиться въ Кемь. За ночь до 9 часовъ утра мы прошли двѣ станціи—40 верстъ, безъ особыхъ приключеній, если не считать того, что всякій разъ, услыша звонокъ ѣхавшихъ позади или впереди насъ подводъ, намъ приходилось ползти по глубокому снѣгу, прячась въ немъ.

„На второй станціи мы неожиданно наткнулись на урядника, встрѣчавшаго и провожавшаго здѣсь архангельскій Красный Крестъ. Увидя насъ, онъ остановилъ Красный Крестъ и заявилъ, что не дастъ намъ идти дальше. Скоро затѣмъ прибыла за нами и погоня.

„Какъ оказалось, въ Керети рано утромъ узнали, что насъ нѣтъ въ поселкѣ. Приставъ сейчасъ же послалъ телеграмму губернатору о нашемъ общемъ побѣгѣ и разослалъ изъ Керети по всѣмъ дорогамъ погони. До первой станціи за нами гнались всѣ десятскіе и городовые, думая вѣроятно, что мы окажемъ активное сопротивленіе.

„Черезъ сутки мы были снова на прежнемъ мѣстѣ, и приставъ составилъ протоколъ объ общемъ побѣгѣ.

„Наша охрана еще болѣе усилила свою бдительность... Однако черезъ 2 дня трое изъ насъ опять ушли. Снова вся деревня на ногахъ, снова погоня по всѣмъ дорогамъ, и снова телеграмма губернатору. Черезъ два дня послѣ ухода троихъ ушли еще трое: общій переполохъ и телеграмма повторяются, но черезъ 3 дня всѣ шестеро бѣглецовъ сами возвращаются обратно въ деревню въ то время, когда послѣдняя погоня находилась еще въ дорогѣ. Составляется опять протоколъ на временно скрывавшихся товарищей. По возвращеніи, приставъ просилъ насъ прекратить побѣги, такъ какъ онъ ждетъ телеграмму отъ губернатора, мы же настаивали, чтобы онъ отправилъ телеграмму губернатору объ удовлетвореніи нашихъ требованій до распутья и дали ему 2 дня сроку.

„19 марта онъ телеграфировалъ. Телеграмма подѣйствовала, и утромъ на слѣдующій день губернаторъ извѣстилъ насъ, что впредь, по распоряженію департамента полиціи, мы будемъ по прежнему получать 6 р. 75 к. ежемѣсячнаго пособія. Этимъ нашъ протестъ и окончился“.

Борьба изъ за 30 коп. кончилась въ Керети уступкой ссылкѣ. Керетяне съумѣли упорствомъ отстоять свое требованіе: 6 р. 75 к. по прежнему выдавались каждому изъ нихъ. Но вопросъ въ томъ, можно ли было, вообще, существовать на эти деньги въ теченіе цѣлаго мѣсяца. По разсчету одного изъ ссыльныхъ, оказывается, что „если высчитать минимальную плату за квартиру въ 2 рубля, то остается на всѣ наши потребности по 4 р. 75 к. На вопросъ: можно ли прожить на эти средства,—отвѣчу, что можно лишь не умереть съ голоду. Заработковъ же у насъ никакихъ нѣтъ, если не считать 2—3 товарищей, которые иногда зарабатываютъ понемногу. Наша колонія рѣшила, что съ по

мощью полученныхъ отъ васъ *) 15 руб., мы сможемъ прожить *нѣсколько мѣсяцевъ*" **).

Упоминаемые здѣсь 15 руб. были высланы на помощь керетской колоніи отъ архангельскихъ политическихъ. Какъ болѣе многочисленной и состоятельной, архангельской колоніи не разъ приходилось поддерживать своей кассой уѣздную ссылку. Ссуды, выдававшіяся ею въ такихъ случаяхъ, бывали заимообразными или безвозвратными, смотря по обезпеченности обращавшихся за ними. Чаще онѣ носили характеръ экстренныхъ, неотложныхъ пособій, и тогда бравшіе не были обязываемы возвращать ихъ обратно; экстренность же вызывалась чаще всего острымъ недоѣданіемъ, общимъ обѣдненіемъ отдѣльныхъ ссыльныхъ колонистовъ или цѣлыхъ колоній.

Кризисы въ бытѣ уѣздной ссылки отчасти предотвращались ея мѣстной организаціей. Создавалась, съ общаго согласія и при общемъ содѣйствіи, касса взаимопомощи, иногда устраивались общія столовыя и библіотека. Кассы существовали почти повсюду, гдѣ число политическихъ ссыльныхъ приближалось къ десятку, и гдѣ на ряду съ, такъ называемыми, привиллегированными жили рабочіе и крестьяне. Съ той же цѣлью выясненія положенія уѣздныхъ политическихъ, архангельскіе товарищи обратились къ нимъ съ опроснымъ листкомъ, гдѣ были перечислены всѣ вопросы, необходимые для ознакомленія съ ихъ жизнью.

Листки содержали въ себѣ 6 рубрикъ, болѣе или менѣе охватывавшихъ собою существенныя стороны быта политической ссылки. Привожу его здѣсь дословно, какъ документъ, свидѣтельствующій о попыткахъ объединить архангельскую ссылку столь насущной организаціей взаимопомощи.

*) Т. е. отъ архангельской колоніи.

**) Курсивъ автора.

1) Сколько членовъ у васъ въ колоніи въ настоящее время? Сколько изъ нихъ получаетъ казеннаго пособія 7 рублей и сколько 15 р.? Сколько не получаетъ совсѣмъ?

2) Имѣется ли у васъ какая либо организація самопомощи, и если имѣется, то какая именно? Касса или уравнительное распредѣленіе казенныхъ пособій?

3) На какихъ началахъ дѣйствуетъ касса? Есть ли опредѣленный взносъ и какой именно: процентное обложеніе въ формѣ прогрессивнаго подоходнаго налога или простое обложеніе?

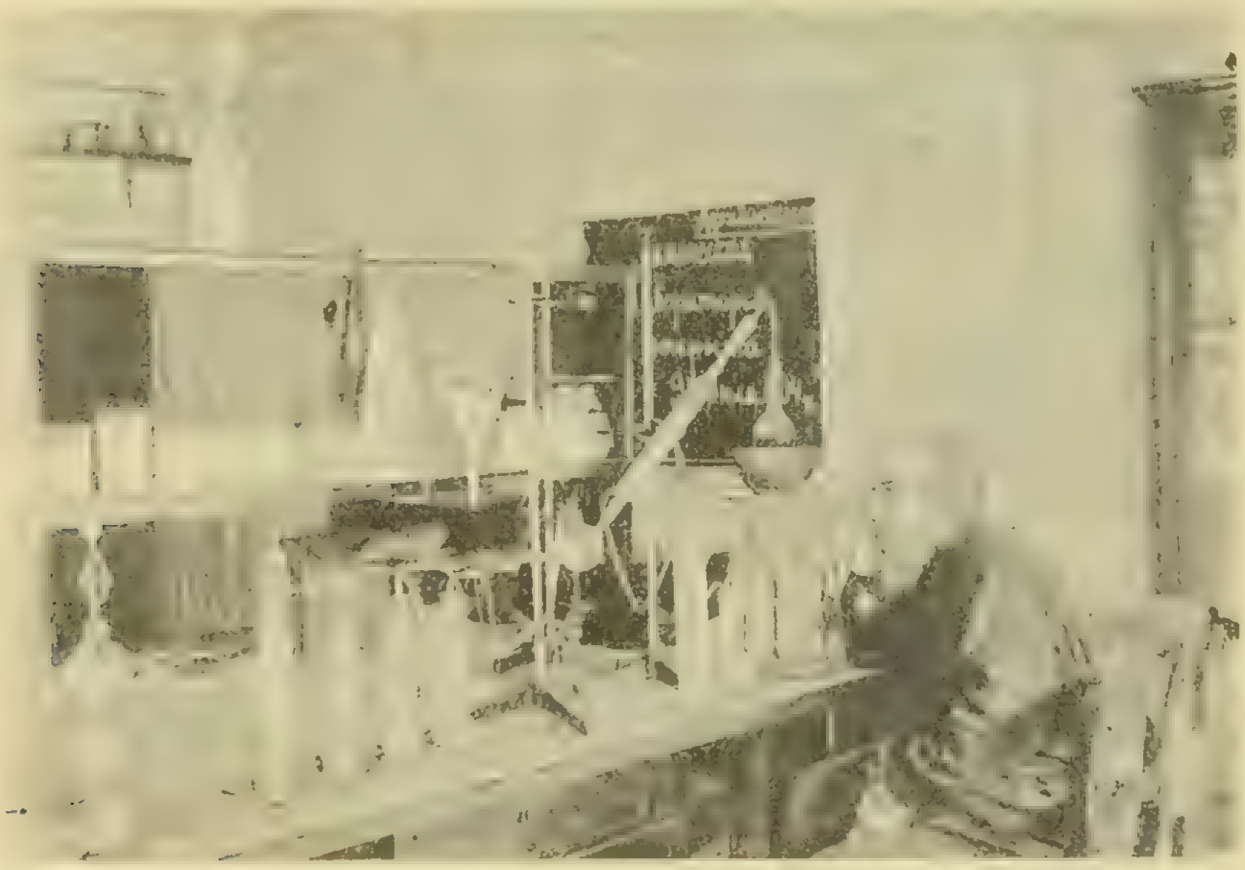
4) Какою мѣстною суммой располагаетъ обычно касса, и какъ обычно распредѣляются деньги (на какія нужды)? Есть ли правленіе кассы, или вопросы каждый разъ рѣшаются на общемъ собраніи?

5) Какую сумму въ мѣсяцъ необходимо имѣть въ кассѣ, чтобы устранить общую нужду въ кояолоніи?

6) Нужна ли помощь со стороны, и если нужна, то въ какой формѣ: единовременная или регулярная? Если регулярная, то въ какомъ размѣрѣ въ мѣсяцъ?

Кольская колонія была одна изъ тѣхъ, которыя живо и сочувственно отнеслись къ иниціативѣ архангельцевъ. Не ограничиваясь своей внутренней организаціей взаимопомощи, они успѣшно вели сношенія съ удаленнымъ на сотни верстъ губернскимъ городомъ. Предложеніе кольскаго ссыльнаго Пулавскаго основать кассу нашло у остальныхъ дружную поддержку. Правда, операціи ея сводились къ копѣечнымъ оборотамъ, особенно первое время; въ моментъ своего основанія, въ кружкѣ кольской коммуны насчитывалось всего 2 р. 32 коп. Но это не мѣшало коммунистамъ надѣяться на лучшія времена.

...„Хорошій былъ тогда день“, —товарищъ говоритъ здѣсь о днѣ основанія кассы -„хоть на дворѣ въ то время дулъ NNW, и то снѣгъ шелъ (22-го мая), то дождь, то крупа; хоть термометръ Цельзія показывалъ не больше 4,7°, а минимальный—даже 0,4°, какъ будто стараясь охладить нашъ пылъ, стараясь вернуть къ суровой дѣйствительности; тѣмъ не менѣе, намъ было хорошо. Всѣ мы тогда вѣрили другъ въ друга, мечтали о хорошемъ, лучшемъ будущемъ, легкомъ будущемъ, благодаря товарищеской взаимности въ помощи. Считая прошлое за прошлое, за минувшій кошмаръ, мы бодро и смѣло, даже дерзко смотрѣли впередъ“.



М. Ю. Гольштейнъ въ своей архангельской лабораторіи.

И основанная касса „оправдала возлагавшіяся на нее надежды“.

„Въ теченіе 6 мѣсяцевъ,—говорится въ отчетѣ объ ея дѣятельности,—она служила тѣмъ источникомъ, откуда каждый членъ колоніи въ минуту острой нужды могъ достать нужную ему сумму денегъ. Это была первая и главнѣйшая цѣль кассы. Смыслъ и значеніе ея

легко можно себѣ представить, если принять во вниманіе, что въ Колѣ намъ негдѣ было достать средствъ на немедленное удовлетвореніе потребностей. Хоть ложись да умирай или бѣсись въ безсильной тоскѣ и злобѣ.

„Чтобы получить ссуду изъ кассы, нужно было получить согласіе колоніи или большинства ея. Въ первый періодъ существованія кассы для полученія ссуды, не превышавшей 2 рублей, не требовалось созыва и согласія общаго собранія колоніи. Кассиръ могъ каждому члену колоніи выдать 2 р., безъ всякихъ формальностей, если только въ кассѣ были деньги. Но впослѣдствіи это право кассира было отмѣнено, въ виду невозможности для колоніи имѣть во всякое время точныя свѣдѣнія о состояніи кассы. Но было неудобно для выросшей количественно колоніи собираться немедленно всякій разъ, какъ только кому нибудь понадобилась экстренно небольшая сумма денегъ. Чтобы не созывать изъ-за одного этого собраній, кассиръ, въ случаѣ экстренной нужды просителя, или самъ обѣгалъ товарищей, или просителя посылалъ опросить членовъ колоніи о согласіи ихъ на выдачу изъ кассы потребной ссуды.

„Немножко рискованъ былъ этотъ обычай, но, къ счастью, ни одного недоразумѣнія не возникло на этой почвѣ, никто не возражалъ противъ примѣненія въ нѣкоторыхъ случаяхъ именно такого способа полученія согласія колоніи. Впослѣдствіи, чтобы избавить просителя отъ нравственной пытки, которую онъ долженъ былъ испытывать въ присутствіи другихъ, обращаясь къ нимъ за ихъ согласіемъ на выдачу ссуды, и чтобы дать членамъ колоніи возможность быть болѣе свободными въ дачѣ или недачѣ согласія на выдачу ссуды, принято было за правило: заявлять о своей нуждѣ кассиру и указывать размѣръ желаемой ссуды, а на общемъ собраніи колоніи, въ отсутствіи проси-

теля, обсуждать вопросъ—въ состояніи ли касса выдать просимую сумму, и какъ она можетъ облегчить просителю возвратъ ссуды.

„Размѣры выдаваемой каждому члену ссуды не были ограничены заранѣе. Размѣръ ссуды опредѣлялся каждый разъ общимъ собраніемъ колоніи. Равнымъ образомъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣлялись и условія ссуды. Принято было только за правило выдавать ссуды съ возвратомъ. Если въ кассѣ оказывалось достаточно средствъ, она должна была покрывать расходы по общеколоніальнымъ предпріятіямъ и, такимъ образомъ, служить источникомъ средствъ на удовлетвореніе общеколоніальныхъ потребностей. Нужно было, напр., послать письмо отъ имени колоніи въ другую колонію, касса должна была оплатить почтовые расходы. Нужно было пріобрѣсти переплетные матеріалы для колоніальной библіотеки, касса должна была дать средства на ихъ покупку. Нужно было послать телеграмму губернатору съ жалобой отъ имени колоніи на задержку исправникомъ мѣсячнаго казеннаго пособія, телеграмма оплачивалась кассой. Въ счетъ кассы предполагалось выписывать журналы и газеты для колоніи. Выписывалась оптомъ провизія для колоніи; касса, временно, до составленія расчетной по этой операціи таблицы, оплачивала расходы по этой операціи.

„Затѣмъ на обязанности колоніальной кассы лежала выдача пособія тѣмъ нуждающимся политическимъ ссыльнымъ, которые проѣзжали черезъ Колу. Размѣръ пособія былъ опредѣленъ въ 40 коп. суточныхъ, которыя должны были выдаваться проѣзжающему на содержаніе во время пути по расчету до ближайшей колоніи политическихъ ссыльныхъ. На практикѣ это правило не пришлось примѣнить ни разу.

„Откуда же брала средства касса на удовлетвореніе нуждъ колоніи? Основной капиталъ въ 2 р. 32 к.

образовался изъ остатковъ отъ присланныхъ изъ Архангельска денегъ на нужды товарищей и изъ добровольныхъ пожертвованій нѣкоторыхъ членовъ колоніи. Основывая кассу, колонія разсчитывала, что изъ Архангельска ей будутъ временами помогать деньгами. Заранѣе рѣшено было, что деньги эти не будутъ раздаваться по рукамъ, какъ это ранѣе практиковалось, а будутъ вноситься въ кассу, откуда каждый нуждающійся будетъ брать, сколько ему нужно, съ возвратомъ. Предполагалось, что такимъ образомъ касса не исчезнетъ совсѣмъ съ лица земли. А чтобы придать кассѣ болѣе прочности въ существованіи, чтобы обезпечить ей постоянный источникъ средствъ къ существованію, рѣшено было, что каждый членъ, колоніи, какъ только получитъ, откуда-бы то ни было, какую нибудь сумму денегъ, отъ родныхъ ли, отъ знакомыхъ или незнакомыхъ, или отъ казны, все равно, долженъ внести въ кассу по пятачку съ рубля. Такъ какъ каждый изъ членовъ колоніи, помимо всего прочаго, ежемѣсячно получалъ отъ казны по 8 руб., а привиллегированные даже по 13 р. 25 к., то каждый изъ членовъ такимъ образомъ обезпечивалъ кассѣ регулярный источникъ по меньшей мѣрѣ въ 40 коп. ежемѣсячно. Освобождены были отъ всякихъ взносовъ въ кассу лица, добровольно послѣдовавшія за своими ссыльными членами семьи въ Колу; но и имъ предоставлялось право дѣлать, наравнѣ съ другими, взносы въ кассу, если, конечно, они того пожелали бы.

„Такимъ образомъ существованіе кассы обезпечивалось возвратомъ ссудъ, а ростъ ея обезпечивался постояннымъ и регулярнымъ источникомъ: 5% сборомъ, съ одной стороны, и случайными поступленіями въ видѣ пожертвованій и пособій,—съ другой.

„Возвращались ссуды въ общемъ аккуратно, точно также и 5% сборъ поступалъ почти безъ задержекъ. Въ этомъ отношеніи іюнь мѣсяцъ былъ медовымъ мѣ-

сяцемъ колоніальной кассы, какъ, впрочемъ, и въ другихъ отношеніяхъ его можно было назвать медовымъ мѣсяцемъ всей нашей колоніи. Всѣ члены колоніи вѣрили тогда въ себя и другихъ, и всѣ честно относились къ своимъ обязанностямъ по колоніи. По этому на взносъ процентовъ въ этомъ мѣсяцѣ можно смотрѣть, какъ на дѣйствительный показатель заработка товарищей, чего нельзя сказать про послѣдніе мѣсяцы существованія колоніи и кассы.

„Храненіе кассы было поручено колоніей одному изъ членовъ, который обязанъ былъ давать ежемѣсячно предъ общимъ собраніемъ отчетъ о приходѣ, расходѣ и состояніи кассы. Для этого онъ могъ вести запись, но, по возможности, конспиративную, такъ, чтобы въ случаѣ преслѣдованія со стороны полиціи не могли пострадать ни касса, ни ея участники.

„Съ помощью кассы мы произвели три коммерческія операціи: 1) выписали изъ порта Владиміра (изъ Еретиковъ, по прежнему названію) чаю, сахару и кофе: 2) получили изъ Архангельска провіантъ на зиму въ кредитъ; 3) повторена была первая операція.

„Заказъ въ портѣ Владиміра произведенъ сперва въ видѣ опыта. Собраны были деньги, по мѣрѣ силъ, и сверхъ того взяты изъ кассы колоніальной 5 р. съ возвратомъ. Дѣло было въ іюнѣ или іюлѣ, теперь точно не помню. Черезъ нѣкоторое время намъ прислали оттуда: 5 ф. чаю по 70 к. (вмѣсто 1 р. въ Колѣ, тотъ самый сортъ, что Перловъ продаетъ по 1 р. 80 к. въ Россіи), около 4 пудовъ сахару по 3 р. пудъ (вмѣсто 3 р. 20 к., а потомъ вмѣсто 3 р. 60 к., 4 р. и 4 р. 80 к. за пудъ въ Колѣ) и 1 пудъ кофе 8 р. (вмѣсто 12 р. въ Колѣ). Получили и разверстали все благополучно, безъ нареканій. Пересылка обошлась въ 33 коп. за все. Вторая партія была по своему характеру болѣе сложной.

„Въ Колѣ собралось нашего брата много: зима длин

ная, холодная, темная грозила намъ дороговизной продуктовъ и невозможностью достать ихъ гдѣ либо, помимо Колы, болѣе, чѣмъ въ теченіе полугода, а нѣкоторыхъ предметовъ, какъ картофель, капуста совсѣмъ нельзя было купить и въ Колѣ. Средства у товарищей, особенно у семейныхъ, были мизерныя, а цѣны на продукты стояли въ Колѣ не малыя.Судите сами: черный хлѣбъ продавался по 3 коп. за фунтъ, бѣлый хлѣбъ по 7 коп., а крендели 10 коп. фунтъ Мука ржаная лѣтомъ продавалась по 1 р. 40 к. за пудъ, а зимой minimum 5 р. 20 к. и 4 р. 50 к. мѣшокъ (меньше мѣшка не продаютъ). Мясо коровье въ Колѣ, вообще, трудно достать, а лѣтомъ его прямо выписываютъ изъ Архангельска. Даже оленье мясо лѣтомъ не всегда можно достать, а лишь по счастливой случайности или по заказу убьютъ оленя. Оленина-солонина продавалась лѣтомъ по 7 коп., а свѣжая оленина только осенью и зимой по 6 коп. Баранъ живой лѣтомъ стоилъ 3 р. 80 к. (шкуру обратно). Медвѣжатину лѣтомъ, когда бывала, покупали по 13 коп. фунтъ. Однимъ словомъ, мясо въ Колѣ лѣтомъ рѣдкость. А оленину не всякій выноситъ. Рыбный столъ богатъ и не дорогъ, но къ нему надо привыкнуть. Молока зимой въ продажѣ тоже не бываетъ.

„Въ Архангельскѣ цѣны на продукты были ниже кольскихъ цѣнъ. Поэтому невольно возникала у нѣкоторыхъ изъ насъ мысль достать провизію прямо изъ Архангельска. Началась агитація среди товарищей, созывались нѣсколько разъ колоніальныя собранія, нѣсколько разъ они кончались ровно ничѣмъ. Въ концѣ концовъ рѣшили позондировать въ архангельской колоніи почву на счетъ кредита въ сто рублей на провизію. Отвѣтъ изъ Архангельска привелъ всѣхъ въ восторгъ.

„Кредитъ на просимую вами сумму (100 р.)—писали архангельцы—мы можемъ устроить для васъ въ одномъ

изъ здѣшнихъ магазиновъ, при одномъ однако условіи, а именно: вы и N. должны поручиться, что кольская колонія будетъ дѣйствительно высылать ежемѣсячно не меньше 10 р. Магазинъ согласенъ сдѣлать разсрочку на 5 мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ ему должна быть уплачена сполна вся сумма. Если вы ручаетесь, что уплатите хоть половину т. е. 50 р., то мы постараемся уплатить остальные во время, присылать же вамъ деньги въ Колу (какъ раньше) не будемъ. Отвѣтьте же точно, можете ли поручиться за аккуратную высылку 10 р. въ мѣсяцъ, и если—да, то пришлите списокъ нужныхъ вамъ припасовъ. Кромѣ муки черной и бѣлой, картофеля и керосина, могутъ выслать зелень и уксусъ, который вамъ въ Колѣ, какъ говорятъ, необходимъ въ качествѣ предохранительнаго вещества".

„Долго мы не могли сговориться, что же собственно выписать изъ провизіи. Что выписать намъ было необходимо, это было несомнѣнно для всѣхъ насъ. Мы всѣ единогласно рѣшили согласиться на условія кредита. Но бѣда была въ томъ, что намъ нужно было и то, и другое, и третье,—и все чуть не въ равной степени. Требовалось, напр., на нашу колонію одной муки черной 100 пуд., что по меньшей мѣрѣ должно было стоить 100 р. Для другихъ предметовъ денегъ не оставалось. Если же потребовать одной бѣлой муки, то ея тоже нужно было намъ не мало, по меньшей мѣрѣ пудовъ 50, что составило бы около 100 р. Тоже самое и съ картофелемъ, потребное количество котораго мы опредѣлили въ 200 пудовъ. Тоже и съ керосиномъ, котораго въ „нашей" странѣ „2-хъ мѣсячной ночи", намъ, книжникамъ, по нашему исчисленію необходимо было имѣть въ количествѣ, по меньшей мѣрѣ, 45 пудовъ. А тамъ нужно было и пшена выписать, не для роскоши, конечно, а для каши. А въ видѣ роскоши, спеціально для каши, вмѣсто масла пуда три сала. Согласны были и капусту получить, и лукъ и эссенцію, если только

отъ кредита будетъ остатокъ. Такъ мы и написали въ Архангельскъ товарищамъ, что вотъ, молъ, каковы наши потребности, которыя мы должны покрыть кредитомъ въ сто рублей. Во всякомъ случаѣ мы просили выслать намъ черной муки 25 пуд., крупчатки 3 мѣшка, картофеля 50 пуд. и керосина пудовъ 15".

„16 августа была получена изъ Архангельска первая партія товара. А въ началѣ октября вторая и послѣдняя. Такимъ образомъ кольская колонія получила изъ Архангельска:

Муки ржаной 10 мѣшковъ на сумму . .	45 р.	40 к.
Крупчатки (1-й сортъ) 4 мѣшка	32 „	—
„ „ 2 сортъ, 2 мѣшка	20 „	—
Пшена 1 мѣшокъ въ 5 пудовъ.	8 „	—
12 мѣшковъ картофеля въ 50 пудовъ . .	20 „	—
Сушеной зелени 20 фунтовъ	6 „	—
2 ящика капусты съ 340 кочнями . . .	5 „	78 к.
1 мѣшокъ луку въ 2 пуда	1 „	80 „
Уксусной эссенціи 20 бутылокъ	2 „	50 „
2 бочки керосину съ 17 пуд. 22 ф. . . .	28 „	08 „
Стоимость мѣшковъ изъ подъ овощей . .	1 „	95 „
„ „ ящиковъ „ „ капусты. .	0,	60 „
Итого . . .	172 р.	11 к.

„Надо было расплачиваться. Оставалось опредѣлить, кто и сколько изъ членовъ колоніи долженъ былъ внести въ кассу въ уплату долга.

„Подвели итоги полученной провизіи, оказалось, что отпущено намъ было на 172 р. 11 к. но такъ какъ 50 руб. уплачивала за насъ Архангельская колонія, то на нашей обязанности было собрать и переслать остальные 122 р. 11 к.: чтобы никому не было обидно, рѣшили, что, кто больше возьметъ провизіи, тотъ больше и заплатитъ".

Съ теченіемъ времени, долгъ былъ погашенъ, и

кредитныя операціи кольской колоніи благополучно доведены до конца.

По образцу кольской колоніи, дѣйствовала касса кемскихъ политическихъ ссыльныхъ, съ той лишь разницей, что операціи ея, въ виду болѣе сносныхъ условій жизни, не отличались той широтой, какая охарактеризована выдержками изъ отчета кольской организаціи взаимопомощи.

Такъ боролась ссылка съ одолѣвавшей ее нуждой въ этомъ глухомъ районѣ Архангельской губерніи. Необходимо было затратить массу энергіи, терпѣнія, быть готовымъ къ всевозможнымъ лишеніямъ, прежде чѣмъ путемъ крайняго напряженія силъ можно было добиться извѣстныхъ облегченій въ условіяхъ физическаго существованія. Но и здѣсь, какъ всюду, это было только одной стороной жизни политическихъ колоній. Другая, болѣе постоянная въ своемъ воздѣйствіи и труднѣе поддававшаяся ограничительнымъ стремленіямъ и сопротивленію ссыльныхъ революціонеровъ, заключалась въ тяжести нравственныхъ страданій, вызывавшихся полицейскимъ надзоромъ, его конкретнымъ выраженіемъ въ формѣ „положенія“ и исключительными требованіями, періодически врывавшимися въ жизнь ссылки въ видѣ произвольныхъ административныхъ распоряженій. Борьба съ послѣдними требовала отъ политической ссылки несравненно большей подготовки и организованности, вслѣдствіе чего отсутствіе послѣдней приводило, за рѣдкими исключеніями, какъ я это всюду старался показать, не къ удовлетворенію требованій протестовавшихъ, а къ новымъ правительственнымъ репрессіямъ. Почннъ въ смыслѣ общей организаціи, которая охватила бы собой не только отдѣльныя села и города, но и цѣлый районъ, былъ сдѣланъ колонистами Печорскаго уѣзда. Чтобы читателю яснѣе было, на основѣ какихъ навыковъ къ жизни пришлось созидать ее товарищамъ, мнѣ необходимо

остановиться на изложенiи тѣхъ особенностей восточныхъ районовъ, архангельскаго края, въ отдѣльныхъ пунктахъ которыхъ жили политическiе ссыльные.

В. Ссылка Онежскаго и Шенкурскаго уѣздовъ.

ГЛАВА XV.

Географическое положенiе уѣзда. — Онежская колонiя политическихъ ссыльныхъ, ея численность и кружки самообразованiя. «1-ое Мая» въ Онегѣ.— Высылка Шуланкина и д-ра Савина. «Бѣломорскiй союзъ социаль-демократовъ». — Полицiя искореняетъ крамолу. — Ворзогорская ссылка.

Три уѣзда Архангельской губернiи: Холмогорскiй, Онежскiй и южный Шенкурскiй считались въ средѣ ссыльныхъ наиболѣе благопрiятными мѣстами политической ссылки.

О положенiи въ первомъ я уже говорилъ въ главахъ III—VII своихъ очерковъ. Упомяну лишь еще, что въ Холмогорскомъ уѣздѣ было всего 5 пунктовъ, гдѣ имѣлись политическiя колонiи ссыльныхъ; въ самихъ Холмогорахъ считалось 15—17 человѣкъ, въ остальныхъ же селенiяхъ: Копачевѣ, Сiѣ и Обозерской жили товарищи одиночки; въ Емецкѣ, богатомъ селѣ, число политическихъ не поднималось выше 5. По разсказамъ емецкихъ ссыльныхъ, прiѣзжавшихъ на короткую побывку въ Архангельскъ, Емецкъ былъ однимъ изъ тѣхъ рѣдкихъ селъ, гдѣ политическимъ ссыльнымъ жилось сравнительно легко, и гдѣ отношенiя съ населенiемъ не оставляли желать ничего лучшаго. Даже внѣшнiй видъ этого села говорилъ объ его исключительномъ положенiи. Солидно выстроенные двухъэтажные дома, чистые и помѣстительные, придавали ему видъ уѣзднаго зажиточнаго городка, и Емецкъ могъ дѣйствительно поспорить съ Холмогорами за первенство въ уѣздѣ. Въ селѣ получался рядъ луч-

Онежская колонія политическихъ ссыльныхъ.

шихъ газетъ и журналовъ, которые обыватели предоставляли въ пользованіе политическимъ ссыльнымъ. Квартирный вопросъ, за малочисленностью политическихъ квартирантовъ, не обострялся здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, и холмогорцамъ оставалось констатировать, что жизнь емецкихъ товарищей не требовала съ ихъ стороны заботъ и вмѣшательства.

Сосѣдями холмогорцевъ были онежцы и шенкурцы.

Онежскій уѣздъ занимаетъ довольно узкую полосу на западъ отъ Архангельска вдоль глубоко вдавшейся въ материкъ онежской губы. Единственнымъ его преимуществомъ, которымъ дорожила ссылка, было сосѣдство съ Архангельскимъ уѣздомъ и близость къ самому Архангельску. Почта, которою жили ссыльные, приходила сюда чаще, нежели въ болѣе отдаленные уѣзды, да, сверхъ того, и распутье не было здѣсь такимъ длительнымъ и тяжелымъ, какъ въ восточныхъ и западныхъ районахъ губерніи. До уѣзднаго города шелъ постоянный трактъ, по которому велись оживленныя сношенія съ Архангельскомъ, а лѣтомъ сюда заходили пароходы и шхуны поморъ. Сравнительная нормальность въ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ отражалась и на населеніи Онеги; жители ея не были такими дикарями, какъ туземцы Колы и Печоры, и являли собой типъ болѣе культурнаго человѣка. Во всемъ остальномъ Онега и Онежскій уѣздъ носили на себѣ общія черты суроваго архангельскаго края: нездоровый климатъ, болотистая низинная мѣстность, рѣдкость населенія—82,0 на квадратную милю,—отсутствіе заработковъ и интереса къ мѣстной жизни и здѣсь были большимъ мѣстомъ въ жизни политическихъ ссыльныхъ.

Въ Онегѣ, въ началѣ 1903 года, собралась значительная колонія, увеличившаяся въ 1904 г. до 30 человѣкъ. Небольшія группы политическихъ жили помимо того въ селахъ: Варзогорахъ и Посадскомъ. Бытъ онеж-

цевъ, сравнительно съ бытомъ сосѣднихъ колоній отличался большимъ разнообразіемъ. Среди политическихъ нашлись люди, съумѣвшіе своей энергіей и бодростью духа скрасить незавидное положеніе товарищей, внести въ ихъ среду интересъ и осмысленность существованія. Къ нимъ надо прежде всего отнести д-ра Н. Н. Савина и мельника Шуланкина. Оба были сосланы по дѣлу соціаль-демократическихъ организацій. На § 27 положенія, воспрещавшій ссыльнымъ врачебную дѣятельность, Савинъ обращалъ мало вниманія. Въ короткое время онъ составилъ себѣ во мнѣніи обывателей репутацію знающаго врача, всегда отзывчиваго къ нуждамъ населенія, помогавшаго каждому совѣтомъ и дѣломъ. Въ товарищескомъ кругу, по иниціативѣ тѣхъ же лицъ, велись занятія, устраивались литературные вечера. Полиція замѣчала ту роль, которую играли оба товарища въ онежской колоніи, и искала лишь случая, чтобы создать „законное основаніе“ для ареста и высылки ихъ въ болѣе безопасныя мѣста.

Въ маѣ 1904 года онежцы, на ряду съ другими колоніями, демонстративно отпраздновали рабочій праздникъ 1-ое мая. *) Колонія собралась на общей квар-

---

*) Первомайскій праздникъ ежегодно отмѣчался архангельской ссылкой. Помимо Архангельска и уѣздныхъ городовъ, гдѣ въ день 1-го мая устраивались товарищескія собранія съ пѣніемъ, рѣчами и общимъ чаепитіемъ или обѣдомъ, даже такіе глухіе поселки Печорскаго уѣзда, какъ с. Ижма, не забывали о международномъ праздникѣ труда. Въ Сумскомъ посадѣ Кемскаго уѣзда мѣстная полиція внесла въ праздничную программу не мало неожиданнаго оживленія и смѣха. Колонисты рѣшили отправиться на маевку въ окрестности села; размѣстились по карбасамъ, но не успѣли выѣхать на взморье, какъ на берегу показалась встревоженная фигура урядника. Онъ неистово махалъ руками и требовалъ немедленнаго возвращенія. Оказалось, что приставъ посада замѣтилъ отъѣздъ политическихъ и распорядился черезъ урядника вернуть ихъ, во что бы то ни стало. Урядникъ бросился со всѣхъ ногъ въ погоню, но, будучи отдѣленъ отъ соціалистической флотиліи воднымъ пространствомъ, безпомощно жестикулировалъ ру-

тирѣ и провела въ дружеской бесѣдѣ весь этотъ день. Въ окна дома выставили красные флаги, говорили рѣчи, пѣли революціонныя пѣсни. Полиція знала о перво-майскихъ безчинствахъ, но предпочла на этотъ разъ активному вмѣшательству пассивное любопытство и наблюденіе со стороны. Вскорѣ однако сказались результаты этого наблюденія. Для разслѣдованія дѣла, въ Онегу прибыли изъ Архангельска жандармы. Послѣ обыска въ квартирѣ, Савина и Шуланкина вызвали въ полицейское управленіе и объявили здѣсь о выселеніи ихъ въ глухія села Кольскаго полуострова. Первому назначили Кузомень,—небольшое селеньице на Бѣломорскомъ побережьѣ, а второй долженъ былъ отправиться въ Колу. Шуланкинъ выѣхалъ изъ Онеги безъ всякихъ столкновеній съ полиціей. Отъѣздъ же д-ра Савина сопровождался нѣкоторыми осложненіями. Когда за нимъ прибыла подвода, онъ отказался добровольно оставить Онегу. Полиція примѣнила силу: Савинъ былъ вынесенъ изъ квартиры и увезенъ подъ прикрытіемъ полицейскихъ. У крыльца, ко времени его отъѣзда, собрались не только ссыльные, но и многіе изъ онежскихъ обывателей. Напутствуемый революціоннымъ пѣніемъ и добрыми пожеланіями провожавшихъ товарищей и обывателей, Савинъ оставилъ онежскую колонію.

Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ выселенія Шуланкина и Савина въ Онегѣ много говорили о внезапномъ появленіи „синихъ листковъ“ среди населенія. Это были первыя прокламаціи „*Бѣломорскаго Союза соціаль-демократовъ*“, написанныя популярнымъ языкомъ на темы: „что такое соціаль-демократія“ и „какую задачу ставитъ себѣ возникшій „союзъ“. Существованіе „*Бѣломорскаго союза*“ было очень кратковременно, но

ками, взывая къ совѣсти и чести демонстрантовъ. Вечеромъ того же дня приставъ приглашалъ на собесѣдованіе политическихъ, но никто изъ нихъ не послѣдовалъ его приглашенію.

за мѣсяцъ—полтора своей дѣятельности онъ не мало испортилъ крови полиціи. Въ поискахъ за конспиративными дѣятелями „союза“, полиція разыграла, помимо своей воли, веселый водевиль съ одной изъ онежскихъ обывательницъ.

Дѣло было въ воскресный день. Къ заутрени въ мѣстную церковь явилась престарѣлая онежская богомолка; поставила, какъ подобало набожной христіанкѣ, свѣчи угодникамъ и купила просфору для поминовенія. Когда пришелъ часъ поминать усопшихъ, священ-

Общій видъ г. Шенкурска.

никъ вышелъ на амвонъ, раскрылъ бумажку, на которой были написаны „покойнички“ старухи, да взглянувъ на нее, такъ и обмеръ... Въ его рукахъ былъ „синій листокъ“ „Бѣломорскаго союза“... Произошелъ переполохъ. Литургія была прервана; въ церковь явилась полиція, и несчастную старуху, буквально трясшуюся отъ страха и ничего не соображавшую, немедленно вывели изъ храма.

Власти открыли наконецъ таинственныхъ дѣятелей преступнаго сообщества; старуху подвергли допросу,

считая ее за одну изъ конспиративныхъ соучастницъ. Долго бился исправникъ надъ разоблаченіемъ этого дѣла, едва не вогналъ въ гробъ свою заложницу, но толку отъ нея всетаки не добился; мало-по-малу для него становилось ясно, что произошло какое то глупое недоразумѣніе. Сладкія мечты о раскрытіи *«Бѣломорскаго союза»* исчезли, какъ туманъ, и слѣдствіе, нашумѣвшее на всю Онегу, было прекращено.

Черезъ непродолжительное время *«Бѣломорскій союзъ»* самъ собою распался. Его исчезновенію содѣйствовало полицейское предписаніе о выселеніи многихъ политическихъ. Не зная опредѣленно, въ чьихъ рукахъ было дѣло организаціи, полиція пустила въ ходъ свое испытанное оружіе: выселила наиболѣе подозрительныхъ въ другіе уѣзды и перетасовала такимъ образомъ сызнова ссылку зараженнаго района. За оставленными же на мѣстахъ былъ усиленъ надзоръ. Выбылъ за это время кое-кто и изъ обывателей Онеги. Было предложено оставить мѣсто онежской учительницѣ А. М. Покотиловой за ея знакомство съ политическими. Стали придираться и къ посѣщеніямъ ворзогорскими политическими Онеги.

Скажу нѣсколько словъ о жизни этой маленькой группы политическихъ ссыльныхъ.

Ворзогоры, лежавшіе всего въ 20 верстахъ отъ Онеги, ютили у себя лѣтомъ 1904 года до 15 человѣкъ ссыльныхъ. Большинство изъ нихъ были рабочіе. Съ Онегой ворзогорская колонія поддерживала самыя тѣсныя дружескія отношенія. Не рѣдко партіи ворзогорцевъ устраивали „прогулки" въ Онегу, посѣщали знакомыхъ, брали у нихъ книги, газеты и, прогостивъ нѣсколько дней, возвращались обратно. По отзывамъ ворзогорскихъ товарищей, въ ихъ колоніальной жизни не было, какъ въ другихъ мѣстахъ, внутреннихъ распрей и счетовъ, всѣ жили дружно, помогали взаимно другъ другу устраиваться и находить кое-какую плат-

ную работу. Этимъ онежская колонія и ея уѣздныя поселенія выгодно отличались отъ политическихъ „дачниковъ“ Шенкурскаго уѣзда.

ГЛАВА XVI.

Шенкурскій уѣздъ: благопріятныя условія климата и мѣстности.—Колоніи политическихъ въ селахъ: Семеновскомъ, Благовѣщенскомъ и Усть-Вагѣ.—Колонія ссыльныхъ въ г. Шенкурскѣ.—Заработки и кухня въ колоніи.—Занятія въ колоніи.—Инцидентъ 19—20 августа 1904 г.—Алкоголизмъ въ ссылкѣ.—Попеченія жандармеріи о ссылкѣ Шенкурскаго уѣзда.—Отъѣздъ ссыльныхъ.

Въ Шенкурскомъ уѣздѣ было всего 4 мѣста, гдѣ жили политическіе ссыльные,—самъ г. Шенкурскъ и села: Усть-Вага, Семеновское и Благовѣщенское. Общія условія жизни этого уѣзда казались губернской администраціи слишкомъ благопріятными для ссыльныхъ поселенцевъ, слишкомъ мягкими для людей, которыхъ должны были „исправить“ голодъ, холодъ и дикость прочихъ архангельскихъ уѣздовъ. Отсюда вытекало стремленіе, по возможности, исключить Шенкурскій уѣздъ изъ списка мѣстъ, занятыхъ политической ссылкой, и та неохота, съ которой губернаторъ лишь въ крайнихъ случаяхъ удовлетворялъ прошенія ссыльныхъ о переводѣ въ предѣлы Шенкурскаго уѣзда.

Разница въ жизни этого уѣзда и восточныхъ или западныхъ областей Архангельской губерніи была дѣйствительно очень замѣтная. Въ то время, какъ Кольскій полуостровъ или сѣверная зона Печорскаго и Мезенскаго уѣздовъ лежали между 67—68° сѣверной широты, южный Шенкурскій уѣздъ глубоко врѣзался въ смежную съ нимъ Вологодскую губернію: г. Шенкурскъ былъ удаленъ къ югу отъ Колы, Александровска или Пустозерска на цѣлыхъ 6° сѣверной широты. Сообразно такому положенію, уѣздъ выдѣлялся болѣе

мягкимъ климатомъ, болѣе разнообразной флорой и фауной. Въ уѣздѣ сѣялись рожь, овесъ и даже пшеница, разводились сады, на бахчахъ успѣвали созрѣвать овощи, вродѣ капусты, огурцовъ, картофеля, тыквы;—лиственныя породы лѣса разнообразили сплошную хвою елей сосѣднихъ уѣздовъ. Береза, осина, ольха, и даже орѣшникъ не представляютъ рѣдкости въ шенкурскихъ лѣсахъ. Самъ Шенкурскъ стоитъ на высокомъ правомъ берегу судоходной рѣки Ваги, въ „кругломъ" сосновомъ бору, скрывающемъ его отъ глазъ прибывающаго пароходомъ путешественника. Населеніе Шенкурска не велико: по переписи 1903 г. въ немъ насчитывалось 1554 души населенія обоего пола. За то плотность населенія въ уѣздѣ гораздо выше чѣмъ гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ губерніи, достигая 187,3 на квадратную милю. Въ лѣтнюю пору Шенкурскъ и окрестныя села считаются дачными мѣстами для архангельцевъ; для слабогрудыхъ и чахоточныхъ шенкурскіе сосновые лѣса служатъ курортнымъ мѣстомъ.

Собственно ссылка Шенкурскаго уѣзда ведетъ свои лѣтописи съ давнихъ временъ; этапамъ девятисотыхъ годовъ предшествовала ссылка болѣе раннихъ періодовъ. Послѣ польскаго возстанія 60 годовъ и присоединенія Кавказа, Шенкурскій уѣздъ былъ мѣстомъ заточенія польскихъ повстанцевъ и инородцевъ съ южныхъ окраинъ. На смѣну имъ, явились затѣмъ революціонные дѣятели „Народной Воли", народническаго движенія, среди послѣднихъ жили одно время Левитовъ и писатель Мачтетъ. Двукратный побѣгъ Мачтета до сихъ поръ сохраняется въ памяти шенкурскихъ обывателей. Первый разъ онъ былъ задержанъ полиціей, второй благополучно скрылся, но не съумѣлъ выбраться изъ уѣзда и вернулся добровольно послѣ долгихъ скитаній.

Съ 1903 г. этапный путь на Шенкурскъ снова оживляется. Пожаръ, вспыхнувшій яркимъ пламенемъ во

внутренней Россіи, выбросилъ и на далекій сѣверъ снопъ искръ и разметалъ ихъ по городамъ и весямъ непріютной окраины. Въ городѣ и по уѣзду, въ селахъ съ этого времени начинаютъ появляться отдѣльные ссыльные; а уже черезъ годъ въ с. Семеновскомъ ихъ жило 9, въ с. Благовѣщенскомъ 7 человѣкъ, и въ Усть-Вагѣ томился одиночка рабочій Айзенштадтъ. Въ самомъ Шенкурскѣ съѣхалось мало-по-малу 28 человѣкъ политическихъ ссыльныхъ. Рабочимъ, жившимъ по селамъ, приходилось несравненно труднѣе, нежели шенкурцамъ. Полиція съ ними не церемонилась, обращалась грубо и возбуждала нелѣпыми росказнями о политическихъ мѣстное населеніе. Въ с. Семеновскомъ не разъ бывали нападенія пьяныхъ крестьянъ на ссыльныхъ. Били на улицахъ, пытались врываться на квартиру. Урядникъ оставался все время глухъ къ жалобамъ и протестамъ политическихъ рабочихъ; на просьбы ихъ разрѣшить охоту или отлучку слѣдовалъ неизмѣнный отказъ; въ такомъ же, если не худшемъ, положеніи находились благовѣщенскіе ссыльные. Тутъ ко всему прочему присоединялась еще одна невыгодная сторона. Благовѣщенская группа состояла изъ рабочихъ грузинъ. Почти всѣ они носили кто папаху, кто черкеску, и это сразу же обратило на себя общее вниманіе. Крестьяне рѣшили, что къ нимъ привезли плѣнныхъ японцевъ и грозили вымѣстить на нихъ обиду за неудачи русскаго оружія на Дальнемъ Востокѣ. Впрочемъ до избіенія здѣсь дѣло не доходило.

Въ 10 верстахъ отъ с. Семеновскаго находилось глухое селенье Усть-Вага. Сюда зимой 1904 г., послѣ избіенія политическихъ ссыльныхъ воинской командой въ Шенкурскѣ, былъ высланъ рабочій Айзенштадтъ. Вся вина его заключалась въ томъ, что, во время дикой расправы съ политическими, онъ пытался защитить избиваемыхъ и выбѣжалъ на крики товарищей вмѣстѣ съ другимъ ссыльнымъ, Королевымъ, вооружившись

охотничьимъ ружьемъ. Въ этомъ губернаторъ усмотрѣлъ вооруженное сопротивленіе властямъ и выслалъ Айзенштадта въ Усть-Вагу, а Королева въ Новгородскую губернію.

Усть-Важская жизнь Айзенштадта представляла собой сплошную борьбу съ тяжелой нуждой. На его несчастье, хлѣбъ въ уѣздѣ родился въ тотъ годъ плохой, крестьяне въ селѣ болѣли и умирали отъ отравленнаго спорыньей хлѣба. О бѣломъ хлѣбѣ можно было только мечтать, ибо въ Усть-Вагѣ ни за какія деньги нельзя было достать этой роскоши. Чтобы избѣгнуть голодной смерти Айзенштадтъ съ большимъ трудомъ покупалъ ржаную муку въ сосѣднемъ с. Семеновскомъ и выпекалъ изъ нея для себя хлѣбъ на дому. Охота воспрещалась. Отлучки въ виду строгаго надзора были невозможны. Не мало приходилось терпѣть Айзенштадту и отъ постоянныхъ физическихъ недомоганій. Къ ревматизму и пороку сердца присоединилась все усиливавшаяся глухота. На всѣ прошенія о выѣздѣ въ Архангельскъ для леченія губернаторъ отвѣчалъ молчаніемъ. Что было дѣлать въ такомъ отчаянномъ положеніи? Айзенштадтъ рѣшилъ на собственный страхъ и рискъ предпринять рѣшительный шагъ и выѣхалъ изъ Усть-Ваги обратно въ Шенкурскъ: оттуда онъ перебрался въ Архангельскъ, но его выслали этапомъ въ Холмогоры; это не помѣшало ему снова явиться въ Архангельскъ. Ссылка превратилась въ непрерывныя скитанія: Архангельскъ—Шенкурскъ—Усть-Вага — Шенкурскъ—Архангельскъ — Холмогоры—Архангельскъ и снова Холмогоры—таковъ былъ маршрутъ этихъ двухлѣтнихъ передвиженій, пока, наконецъ, амнистія не освободила Айзенштадта отъ дальнѣйшихъ путешествій по этапнымъ хатамъ и уѣзднымъ поселкамъ Архангельской губерніи.

Въ нѣсколько иныхъ условіяхъ жили политическіе ссыльные г. Шенкурска. Первою сюда прибыла полька

Квятковская, высланная изъ Архангельска за непрерывныя столкновенія съ администраціей. Говорить по русски она не умѣла, а польскаго языка никто изъ окружавшихъ не понималъ. Выручилъ ее изъ бѣды уже второй товарищъ, высланный въ Шенкурскъ; онъ помогъ кое какъ устроиться и служилъ ей въ необходимыхъ случаяхъ переводчикомъ. Такъ прожили они вдвоемъ до августа 1903 г.; съ этого времени почти каждый мѣсяцъ пріѣзжалъ кто либо изъ новыхъ товарищей, и въ декабрѣ слѣдующаго года шенкурская

Шенкурская колонія политическихъ ссыльныхъ.

колонія считалась одной изъ многолюдныхъ въ губерніи, насчитывая 28 политическихъ ссыльныхъ. Въ ея составъ входило 11 человѣкъ рабочихъ, 16 интеллигентовъ и одинъ крестьянинъ изъ Балашовскаго уѣзда, Саратовской губ. Всѣ рабочіе были квалифицированные: слесаря, столяры, токари по металлу, одинъ кожевникъ. Среди нихъ было 4 семейныхъ, пріѣхавшихъ въ ссылку съ женами и дѣтьми. Нужда обнаружилась съ первыхъ же мѣсяцевъ: казенная субсидія выдавалась рабочимъ въ размѣрѣ 7 руб. 20 к., привиллегированнымъ—12 р. Вся-

кіе заработки отсутствовали. При такихъ условіяхъ, естественно, долженъ былъ самъ собой возникнуть вопросъ объ организаціи колоніальной кассы. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что въ колоніи, на ряду съ бѣдствовавшими ея членами, жили люди, матеріально вполнѣ обезпеченные; чтобы устранить эту несообразность въ товарищескихъ отношеніяхъ, былъ созванъ рядъ колоніальныхъ собраній. На первомъ изъ нихъ колонія рѣшила настаивать на увеличеніи казеннаго пайка. Выработали письменное заявленіе и отправили губернатору въ Архангельскъ. Ждать отвѣта пришлось недолго: губернаторъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ и шенкурцамъ надо было теперь подумать объ устраненіи нужды путемъ организаціи внутренней взаимопомощи.

Но на чемъ слѣдовало остановиться? Какой способъ долженъ былъ быть положенъ въ основу созданія кассы? Такъ называемый у насъ „прогрессивный налогъ“ на денежныя получки былъ признанъ недостаточно справедливымъ. Гораздо послѣдовательнѣе казался принципъ уравнительнаго распредѣленія пособій. Суть его сводилась вкратцѣ къ устройству общей колоніальной кассы, куда каждый ссыльный, безъ различія положенія, долженъ былъ отдавать всѣ свои денежныя получки: казенное пособіе, случайный заработокъ, денежную поддержку съ родины. Собиравшіяся такимъ образомъ суммы распредѣлялись затѣмъ въ установленное время поровну между всѣми 28 членами шенкурской политической колоніи. Теоретически кассовый порядокъ, основанный на принципѣ равномѣрнаго распредѣленія пособій былъ наиболѣе выдержаннымъ и справедливымъ. Въ ссылкѣ не могло быть рѣчи о дѣленіи на сытыхъ и голодныхъ, на аристократовъ и демократовъ своего положенія: всѣ одинаково должны были дѣлить радости и лишенія, всѣхъ окружали одинаково тяжелыя условія ссыльной неволи.

Эту простую истину не всѣ, къ сожалѣнію, раздѣляли въ колоніи: когда разработка кассовой организаціи была передана выбранной на общемъ собраніи комиссіи, она претерпѣла здѣсь существенныя измѣненія. Большинство комиссіи состояло изъ интеллигентовъ; среди нихъ нашелся студентъ Клячинъ, который, не смутившись, заявилъ, что потребности въ жизни интеллигента и рабочаго не могутъ быть уравнены, и что онъ поэтому не стоитъ на сторонѣ защитниковъ равномѣрнаго распредѣленія. Его поддерживало еще нѣсколько человѣкъ. Рабочій Бѣлый протестовалъ противъ мнѣнія Клячина и его сторонниковъ: онъ заявилъ, что Клячинъ поднялъ вопросъ о „черной и бѣлой кости“, здѣсь совершенно неумѣстный и оскорбительный для товарищей рабочихъ. Конецъ совѣщанія принялъ рѣзкій характеръ. Клячинъ et consortes настаивали на своемъ, Бѣлый же отъ лица рабочихъ отказался „отъ подачки интеллигенціи“ и вышелъ изъ кассовой комиссіи.

Некрасивое столкновеніе на засѣданіи кассовой комиссіи дало поводъ къ дальнѣйшимъ разговорамъ на тему о „рабочихъ“ и „интеллигенціи“, и этому искусственному дробленію шенкурской ссылки предстояло бы большое и скандальное будущее, если бы всѣ или большинство изъ 16 шенкурскихъ ссыльныхъ интеллигентовъ признали въ Клячинѣ выразителя своихъ интересовъ. Къ счастью этого не случилось. Клячину было предоставлено рѣшать вопросъ объ удовлетвореніи его интеллигентскихъ запросовъ къ жизни единолично, кассовое же дѣло снова передали въ руки сторонниковъ уравнительнаго распредѣленія: изъ общаго правила сдѣлали лишь одно исключеніе: признаны были отдѣльные случаи,—какъ болѣзнь, отъѣздъ товарища,—когда на покрытіе расходовъ могъ каждый оставить себѣ извѣстную сумму денегъ, не передавая ея въ колоніальную кружку.

Но и здѣсь нашлись оппоненты и опять-таки изъ среды безпокойной интеллигенціи. Политическій В. Н. Кирилловъ съ женой поняли введенное исключеніе по своему и отказались отъ взносовъ въ колоніальную кассу. Ему, видите-ли, необходимымъ показалось изученіе въ ссылкѣ стенографіи, и когда иной товарищъ не имѣлъ денегъ, чтобы купить куска мяса, супруги Кирилловы изучали искусство стенографіи. Дальновидные люди! „Въ будущемъ (!) она намъ необходима"— такъ отвѣчали шенкурскіе стенографы на вопросы товарищей.

Пока Кирилловъ съ стенографіей радѣлъ о своемъ будущемъ обезпеченіи, остальныхъ шенкурскихъ ссыльныхъ нужда заставляла бороться съ необезпеченнымъ настоящимъ. Выяснилось, что въ Шенкурскѣ могла быть устроена переплетная мастерская. Инвентарь ея изготовили сами и стали принимать заказы. Работало нѣсколько человѣкъ подъ руководствомъ переплетчика, ссыльнаго Комарова. Другіе товарищи, рабочіе слесаря, брали у обывателей лудить самовары. Болѣе сложныхъ работъ они впрочемъ не выполняли за отсутствіемъ рабочихъ инструментовъ и необходимаго помѣщенія для мастерской. Заработки для нѣкоторыхъ ссыльныхъ изъ интеллигентовъ нашлись только съ теченіемъ времени. Политическіе Шкловскій и Квятковская играли, въ качествѣ таперовъ, на танцовальныхъ вечерахъ, устраивавшихся чиновничествомъ; кое у кого изъ обывателей похрабрѣй отыскалась репетиторская работа. То же стремленіе, облегчить по возможности свое физическое существованіе, заставляло иныхъ изъ шенкурскихъ политическихъ уходить на охоту. 2, 3 даже 4 дня продолжалась иногда охотничья экскурсія по лѣсамъ и болотамъ уѣзда. По возвращеніи домой, охотникъ никогда не приходилъ съ пустыми руками. Куропатки, глухари, тетерева, дикія утки бывали трофеями его охотничьей удачи.

Помимо мастерскихъ, въ Шенкурскѣ, какъ и въ другихъ, болѣе крупныхъ колоніяхъ, существовала своя столовая для политическихъ ссыльныхъ. Она возникла въ періодъ строительства внутренней организаціи. Цѣль столовой была понятна; она должна была одновременно оправдать свое двоякое назначеніе: удешевить столъ и улучшить питаніе обѣдавшихъ. Съ теченіемъ времени, финансовая сторона этого предпріятія выяснилась достаточно опредѣленно. Кухню помѣстили у политическаго рабочаго Власова; готовила его жена, за что семья пользовалась безплатными обѣдами. Обѣды состояли изъ двухъ блюдъ: супа и жаренаго мяса, хлѣбъ каждый имѣлъ право съѣдать въ неограниченномъ количествѣ. Мѣсячный абонементъ при такомъ составѣ блюдъ не превышалъ 4 р. 50 к. Въ кухнѣ столовалось большинство ссыльныхъ, готовили на дому лишь семейные, для которыхъ было болѣе выгодно кормиться семьей.

Одновременно съ облегченіемъ физическихъ условій въ бытѣ политическихъ ссыльныхъ, проэктировалось устроить нѣчто вродѣ школы, въ которой могли бы заниматься желающіе, подъ руководствомъ наиболѣе знающихъ и развитыхъ товарищей. Въ широкой формѣ проэктамъ не суждено было осуществиться. Ихъ замѣнили кружковое чтеніе или занятія отдѣльныхъ рабочихъ съ интеллигентами; нерѣдко, помимо недостатка книгъ и учебниковъ, правильность такихъ занятій нарушалась личными недоразумѣніями.

Лѣтомъ 1904 г. въ Шенкурскѣ произошло гнусное избіеніе политическихъ ссыльныхъ чинами мѣстной воинской команды. Исторія эта подготовлялась постепенно и, въ концѣ концовъ, разразилась погромомъ колоніи, благодаря той открытой проповѣди, которую начальникъ воинской команды велъ среди солдатъ мѣстнаго гарнизона. Прологомъ къ этой исторіи послужили листки, выпущенные шенкурскими политическими къ

запаснымъ и написанные на тему „о японской войнѣ". Прокламаціи были очень удачно распространены и заинтересовали своихъ читателей. Въ отвѣтъ на это начальникъ воинской команды созвалъ гарнизонныхъ солдатъ и держалъ передъ ними рѣчь, въ которой охарактеризовалъ шенкурскихъ политическихъ какъ „враговъ отечества" и явно призывалъ солдатъ къ искорененію крамолы. Слѣдствія агитаціи начали быстро сказываться. Солдаты, при встрѣчѣ на улицѣ съ политическими, ругали ихъ площадной бранью и грозили избить. Обыватели предупреждали ссыльныхъ, чтобы они были на готовѣ, такъ какъ мѣстная команда сильно возбуждена противъ нихъ рѣчами воинскаго начальника. Въ виду этого въ колоніи рѣшено было вооружиться, чтобы въ крайнемъ случаѣ не быть вполнѣ беззащитными. 19-го августа запасные покинули Шенкурскъ. Но на проводахъ ихъ начальникъ гарнизона еще разъ блеснулъ своимъ краснорѣчіемъ, при чемъ центральное мѣсто отвелъ по прежнему шенкурскимъ политическимъ. Колонія знала объ этомъ и жила тревожной жизнью. Вечеромъ слѣдующаго дня на квартирѣ политическаго К—ва была устроена попойка: въ ней участвовало всего четверо: 3 ссыльныхъ и обыватель Тарутинъ. Хозяинъ дома, чиновникъ изъ полицейскаго управленія, былъ тоже не прочь принять участіе въ вечерѣ, но ему дали понять, что его присутствіе среди политическихъ нежелательно. Онъ удалился, но узнавъ, что квартиранты во время возни по неосторожности сломали кровать, явился на верхъ и потребовалъ прекратить борьбу и заплатить за сломанную кровать. Ни то, ни другое не было исполнено. Тогда домохозяинъ идетъ въ полицію и приводитъ оттуда нѣсколько городовыхъ. Городовые взбираются наверхъ по узкой лѣстницѣ, но въ это время дверь сверху отворяется и въ полицію летитъ бутылка. Городовые отступаютъ. Къ нимъ на помощь являются человѣкъ 15 солдатъ, воору-

женныхъ винтовками, и съ дикими воплями вся эта компанія врывается въ домъ и лѣзетъ по лѣстницѣ на вышку. На встрѣчу имъ выскакиваетъ сверху политическій К—й, схватываетъ руками направленные противъ него штыки, сбрасываетъ солдатъ съ лѣстницы, но, теряя равновѣсіе, падаетъ вмѣстѣ съ ними самъ. Его вытаскиваютъ на улицу и немилосердно избиваютъ прикладами, кулаками, ногами. На помощь къ избиваемому спѣшитъ политическій К—въ, но его встрѣчаетъ городовой Федоръ Волосатый и оглушаетъ ударомъ шашки по головѣ. К—въ, окровавленный падаетъ, его бьютъ, топчутъ ногами, волочатъ по землѣ. Вслѣдъ затѣмъ, съ вышки вытаскиваютъ остальныхъ и точно также избиваютъ на улицѣ. Это звѣрское жестокое насиліе надъ безоружными людьми происходитъ на глазахъ начальника воинской команды и акцизнаго чиновника. Оба стоятъ тутъ же и поощряютъ разгулявшихся громилъ своимъ невмѣшательствомъ.

Пока идетъ расправа у квартиры К—ва, остальные шенкурскіе ссыльные спѣшатъ, кто на квартиры политическихъ женщинъ, чтобы въ случаѣ необходимости защитить ихъ отъ избіенія, кто на мѣсто побоища. Дальнѣйшее развитіе этого дѣла политическій Айзенштадтъ такимъ образомъ изображаетъ въ своемъ поданномъ исправнику показаніи:

„20-го августа, около 10 часовъ вечера, я вышелъ на улицу прогуляться. По дорогѣ, недалеко отъ дома встрѣтилъ В. А. Погодицкаго, который сообщилъ мнѣ, что А. А. Левинзонъ ранена въ голову камнемъ, брошеннымъ кѣмъ то черезъ окно. Это извѣстіе меня очень взволновало, такъ какъ за послѣдніе дни по городу ходили упорные слухи о намѣреніи запасныхъ избить „политическихъ“, чему подтвержденіемъ дѣйствительно были: 1) нападеніе нѣсколькихъ запасныхъ на квартиру Кечекмадзе и 2) угрозы, направленныя по моему адресу и по адресу другихъ политическихъ ссыльныхъ

г. Шенкурска: мнѣ пришло въ голову, что нападеніе на Левинзонъ является началомъ готовившагося избіенія со стороны запасныхъ. Я тотчасъ вернулся въ свою квартиру и, взявъ ружье, поспѣшилъ въ квартиру Левинзонъ и Паттеръ, чтобы защитить ихъ въ случаѣ надобности. Здѣсь я убѣдился, что въ окно дѣйствительно была брошена кость, но что Левинзонъ при этомъ получила лишь легкую царапину. Пробывъ здѣсь нѣсколько минутъ для того, чтобы придти немного въ себя, и услышавъ черезъ окно свистъ и крики въ направленіи квартиры В—ва и К—ва, я снова вышелъ на улицу и направился туда. Немного не доходя до квартиры К—ва, я остановился около группы солдатъ, человѣкъ въ 6—7, которые били прикладами И. М. Калиновскаго и Тарутина. На вопросъ мой о причинѣ задержанія и избіенія ихъ мнѣ ничего не отвѣтили. Тутъ же къ нимъ откуда то присоединились еще нѣсколько солдатъ и двое городовыхъ, изъ которыхъ одинъ, Федоръ Волосатый, увидавъ меня, указалъ солдатамъ: „вотъ политикъ, бейте его!“ На вопросъ моей о причинѣ побоевъ, тотъ же Федоръ Волосатый вновь повторилъ: „бейте его, начальство приказываетъ“. Солдаты отняли у меня ружье и стали бить прикладами, а городовые кулаками; при этомъ мнѣ былъ разбитъ носъ, подбитъ правый глазъ, и я получилъ нѣсколько ушибовъ въ разныхъ частяхъ тѣла. Черезъ нѣкоторое время избіеніе прекратилось, и меня куда то повели; потомъ зачѣмъ то остановились: въ это время подошелъ полицейскій чиновникъ, живущій рядомъ съ квартирой В—ва и, спросивъ меня: „что вамъ здѣсь нужно?—сказалъ: „можете идти“. Послѣ этого я зашелъ во дворъ квартиры Левинзонъ: вскорѣ туда же пришли Погодицкій, Архангельскій и Заложина, а позднѣе Паттеръ и Левинзонъ, и мы всѣ вмѣстѣ пошли къ исправнику: получивъ отъ него письменное предписаніе освободить арестованныхъ, на-

правились всѣ вмѣстѣ въ полицейское управленіе, гдѣ я былъ освидѣтельствованъ фельдшеромъ.

Исаакъ Михилевъ Айзенштадтъ".

Всю ночь съ 20-го на 21-е колонія провела безъ сна, на ногахъ. Опасались дальнѣйшихъ столкновеній, нервы у всѣхъ были страшно натянуты. Раненыхъ увезли въ больницу, гдѣ заставили доктора наложить повязки и осмотрѣть избитыхъ. У Комарова оказалась большая сѣченая рана на головѣ, ссадины и кровоподтеки на всемъ тѣлѣ. То же самое было констатировано и у остальныхъ избитыхъ: Королева, Айзенштадта, Калиновскаго и Тарутина. Исправникъ былъ возмущенъ происшедшимъ: онъ не отрицалъ, съ своей стороны, что отвѣтственнымъ лицомъ въ этомъ преступленіи является начальникъ воинской команды и предложилъ политическимъ дать письменныя показанія.

На слѣдующій день, 21-го шенкурская колонія собралась для выясненія инцидента и выработки своего къ нему отношенія. Было установлено, что поведеніе компаніи, кутившей на квартирѣ К—ва, заслуживало рѣзкаго порицанія колоніи. Съ другой стороны, съ несомнѣнной очевидностью выяснилось, что, не случись погрома на квартирѣ К—ва, воинская команда рано или поздно выказала бы свое возмущеніе на шенкурскихъ политическихъ. Такъ, пораненіе Левинзонъ не стояло въ связи съ нападеніемъ на вышку и могло само по себѣ послужить сигналомъ къ столкновенію съ воинской командой; кромѣ того на собраніи передавали, что вечеромъ 20 августа на квартиры къ нѣкоторымъ ссыльнымъ приходили обыватели и предупреждали, что „нынче ночью солдаты хотѣли всѣхъ васъ перерѣзать". Когда поэтому команда узнала черезъ городовыхъ о сопротивленіи политическихъ на квартирѣ К—ва, часть ея, захвативъ винтовки, тотчасъ же присоединилась къ полиціи; гнусная роль начальника гар-

низона не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію: солдаты въ „бой“ съ политическими шли, какъ на дѣло, имъ заранѣе растолкованное, колотили ихъ съ наслажденіемъ и оправдывали вслухъ свою жестокость по отношенію къ избиваемымъ приказомъ начальника „бить политиковъ“.

Финаломъ августовскаго избіенія было приглашеніе губернатора исправнику явиться съ докладомъ въ Архангельскъ. Правдивый докладъ исправника едва не повлекъ за собой его отставки. Губернаторъ заявилъ, что онъ потакаетъ политическимъ и положилъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій свою резолюцію: выслать изъ Шенкурска Королева и Айзенштадта. Это было новымъ проявленіемъ насилія со стороны губернской администраціи, но исправнику приходилось выбирать что либо одно: либо отставку, либо исполненіе губернаторскаго постановленія. Когда онъ сообщилъ намѣченнымъ къ высылкѣ кандидатамъ о рѣшеніи губернатора, Королевъ и Айзенштадтъ, желая оттянуть моментъ высылки, легли въ больницу. Губернаторъ однако настаивалъ на ихъ выселеніи, пригрозивъ исправнику въ противномъ случаѣ отставкой. Тогда между послѣднимъ и высылаемыми произошло полюбовное соглашеніе. Исправникъ явился къ Айзенштадту и Королеву и заявилъ имъ, что есть два выхода изъ ихъ положенія: либо выѣхать изъ Шенкурска добровольно, либо пусть они остаются, и тогда онъ уйдетъ въ отставку. Выбрали первое,—ибо не хотѣли нарушать добрыхъ отношеній съ исправникомъ, очень порядочнымъ человѣкомъ по общему признанію шенкурской колоніи.

Другимъ результатомъ августовской исторіи было распаденіе колоніи на двѣ части; собраніе 21 августа, на которомъ товарищамъ, кутившимъ на вышкѣ, было вынесено колоніальное порицаніе, послужило тому поводомъ. Нѣкоторые сочли себя оскорбленными рѣзкостью рѣчей и осужденій и порвали связь съ колоніей.

Начались личныя столкновенія, въ которыхъ желаніе отомстить за прошлую резолюцію, играло руководящую роль.

Личнымъ же несогласіямъ и распрямъ много способствовали еще спиртные напитки, къ которымъ стала съ тѣхъ поръ прибѣгать отколовшаяся часть политическихъ. Иной разъ скандалы колоніальной жизни распространялись до такой степени, что, при всемъ желаніи сознательныхъ товарищей локализовать ихъ въ своей средѣ, не было возможности скрыть отъ оглашенія въ обывательскомъ мірѣ. Тяжело было жить въ такой атмосферѣ постоянныхъ обидъ и взаимныхъ недоброжелательствъ. Пьянство и слѣдовавшія за нимъ буйства были многимъ не по сердцу. Но ни бороться съ нимъ увѣщаніями и убѣжденіями, ни надѣяться на успѣхъ вліянія остальныхъ товарищей было невозможно. Одни пили, какъ форменные алкоголики, другіе, что называется „съ горя, съ тоски". Только алкоголизмомъ и можно было объяснить себѣ дикіе эксцессы нѣкоторыхъ ссыльныхъ по отношенію къ своимъ же товарищамъ. Избить до полусмерти, выругать нехорошимъ словомъ, если кто попадался подъ руку разгулявшейся компаніи, было дѣломъ зауряднымъ.

Жандармская власть пріѣзжала для ревизіи шенкурской колоніи обыкновенно въ періодъ навигаціи; проѣхаться въ южный уѣздъ Архангельской губерніи на дачныя мѣста въ лѣтнюю пору для летучихъ отрядовъ архангельской жандармеріи представляло своего рода partie de plaisir; къ тому же она была сопряжена съ расчетомъ выручить за поѣздку рублей 60 прогонныхъ. Расчетъ—дѣло простое; онъ объяснялся однимъ изъ тѣхъ потаканій, которыя охотно допускаются во взаимныхъ отношеніяхъ начальствующихъ лицъ. Въ нашемъ случаѣ жандармскій полковникъ Петровскій не отказывался во время своихъ разъѣздовъ въ лѣтнее время отъ выдачи обычныхъ казенныхъ

подорожныхъ. До Шенкурска считалось 400 верстъ на лошадяхъ, при чемъ на версту полагалось 9 коп., такимъ образомъ стоимость проѣзда равнялась туда и обратно 72 руб., въ то время какъ въ періодъ навигаціи поѣздка до Шенкурска пароходомъ въ каютѣ I класса обходилась, туда и обратно, всего лишь въ 10 рублей. И вотъ по ничтожному поводу изъ за какого либо клочка нелегальнаго листка, найденнаго при внезапномъ обыскѣ у политическаго, дѣйствительно „создавались и множились дѣла, а рядомъ съ ними открывались и множились подъ видомъ „прогонныхъ" суммъ „побочные доходы"; за короткій срокъ г. Петровскій „создалъ" такимъ образомъ 3 дѣла въ Шенкурскѣ: 1) дѣло политическаго Герасимовичъ, 2) политической Квятковской и 3) обывателя Бѣляева. Всѣ они сводились къ мелочному кляузничеству, долженствовавшему оправдать собой законныя дѣйствія властей.

Болѣе солидныхъ дѣлъ, на бѣду полковника, въ Шенкурскѣ не открывалось, быть можетъ это отчасти объяснялось мѣропріятіями архангельской колоніи. Въ Архангельскѣ мы умѣли проникать въ ту конспиративность, которой г. Петровскій пытался обставить свои налеты въ уѣзды. Мы узнавали о нихъ за 3—4 дня и немедленно давали знать уѣзднымъ товарищамъ, что архангельская жандармерія „идетъ на нихъ". Въ свою очередь, политическіе въ уѣздныхъ городахъ успѣвали предупреждать одиночекъ, жившихъ по деревнямъ и селамъ. Помимо этихъ мѣръ использовывали каждый случай: въ Шенкурскъ почти всегда ѣхалъ кто либо изъ знакомыхъ обывателей, политическихъ этапниковъ или временно переводившихся на побывку архангельскихъ товарищей. Прибывая на мѣсто, они успѣвали, по нашему порученію, сообщать шенкурцамъ о синихъ пассажирахъ, и тѣ тотчасъ же „чистились и приводили себя въ порядокъ". „Накрыть" кого либо изъ шенкурскихъ политическихъ въ виду этого не удавалось.

Такъ велась эта игра въ кошки и мышки, пока существовала шенкурская политическая ссылка. Послѣ перваго манифеста, выбравшаго изъ ссылки несовершеннолѣтнихъ, и въ министерство Святополкъ-Мирскаго она стала замѣтно таять. Какъ всюду, такъ и здѣсь время это было поворотнымъ пунктомъ въ исторіи общей ссылки Архангельской губерніи. Курортныя шенкурскія мѣста мало-по-малу очищались отъ политическихъ поселенцевъ. Безъ чувства сожалѣнія покидались насиженныя гнѣзда, и бывшіе невольники тянулись теперь черезъ Архангельскъ снова въ глубину Россіи.

На лошадяхъ и на пароходахъ освобожденные прибывали въ Архангельскъ и, по ихъ разсказамъ о пережитомъ прошломъ, можно было опредѣленно судить, что „въ Шенкурскѣ жить было всетаки можно".

— Такъ говорили шенкурцы.

Но то, что на языкѣ русскаго политическаго ссыльнаго слыло за „легкую" жизнь, имѣло лишь относительное значеніе. Для свободнаго человѣка, упрятаннаго насиліемъ хотя бы и въ шенкурскія „дачныя" мѣста, они были и будутъ мѣстомъ проклятія и скорбныхъ воспоминаній...

С.-Восточный районъ ссылки Архангельской губерніи: Печорскій, Мезенскій и Пинежскій уѣзды.

Печорскій уѣздъ.

„...Въ Печорскомъ краѣ есть такія мѣста, куда еще не ступала нога человѣка..."
С. В. Мартыновъ: Печорскій край.

ГЛАВА XVII.

Что такое „Печорскій край"?—Чердынскіе купцы на Печорѣ.—Село Балабанъ, Печорскаго уѣзда.—Село Усть-Цыльма, быть и занятія его населенія.—Встрѣча инженера А. Г. Гансберга съ однимъ изъ политическихъ ссыльныхъ на Печорѣ.

Были когда то лучшія времена въ исторіи архангельской ссылки... Въ ту пору политическіе ссыльные знали лишь по наслышкѣ да по разсказамъ, что такое Мезенскій и Печорскій уѣзды. Но золотая пора первыхъ поселеній политическихъ конца 90-хъ годовъ прошла для нихъ безвозвратно. Напряженіе революціонной борьбы во внутренней Россіи росло изъ года въ годъ, изъ года въ годъ она охватывала все новыя области, новые слои населенія. И однимъ изъ безошибочныхъ показателей этого роста являлась ссылка, отражавшая въ своемъ мартирологѣ параллельный ростъ освободительнаго движенія. Статистика заключенныхъ, административно и по суду высланныхъ, казненныхъ по приговорамъ, не говоря уже о поднадзорныхъ, показываетъ чуть не геометрическую прогрессію въ движеніи, такъ называемой, „политической преступности". Весь сѣверъ Европейской Россіи, съ губерніями Олонецкой, Вологодской, Вятской, Архангельской и отчасти Пермской, сталъ мѣстомъ, куда высылались правительствомъ люди со всѣхъ концовъ Россіи. Для Архангельской губ. періодъ времени 1900—04 г. г. былъ періодомъ

непрерывнаго увеличенія политической ссылки. Администрація этой губерніи, заселивъ постепенно ссыльными отдѣльные пункты въ близъ лежащихъ къ губернскому городу уѣздахъ, начала расширять мало по малу область этихъ заселеній, и уже съ весны 1903 г. въ проскрипціонныхъ листахъ стали мелькать названія отдаленнѣйшихъ поселковъ восточнаго и западнаго районовъ архангельскаго края. Между тѣмъ прибывали новые и новые политическіе; этапы дошли по численности до 20—30 человѣкъ. И вотъ тогда то разверзлись пустыни Печорскаго и Мезенскаго уѣздовъ, и въ ихъ безлюдныя глубины потянулись одна партія за другой. Съ этого времени собственно и начинается лѣтопись ссылки Печорскаго и частью Мезенскаго уѣздовъ.

Что же такое представляетъ собою „Печорскій край“? Чѣмъ страшенъ былъ онъ для ссылавшихся въ него революціонеровъ?

Дать полный обзоръ, который могъ бы служить исчерпывающимъ на этотъ вопросъ отвѣтомъ, при всемъ желаніи — невозможно. Невозможно это сдѣлать уже по той одной причинѣ, что ни въ географическомъ, ни въ топографическомъ, ни тѣмъ болѣе въ культурно-бытовомъ отношеніяхъ край этотъ до сихъ поръ совсѣмъ почти не обслѣдованъ. Это — русская terra incognita,—пустыня въ 250,000 кв. верстъ протяженіемъ, въ которой изрѣдка попадаются человѣческія селенія съ полудикимъ народомъ, не пережившимъ въ иныхъ мѣстахъ стадіи натуральнаго хозяйства. Лѣтъ 15 тому назадъ и этихъ свѣдѣній не было. Тогда извѣстно было лишь, что „Печора“ входитъ въ составъ Россійскаго государства, но проѣхать въ край не только простому смертному, но даже и грозному начальству не было возможности: ни дорогъ, ни мало-мальски опредѣленныхъ тропъ на Печору не было. Единственными знатоками и благодѣтелями печорскаго на-

селенія были въ ту пору, да и теперь еще остаются, чердынскіе купцы. Политическимъ ссыльнымъ, жившимъ здѣсь, не разъ приходилось имѣть дѣло съ ними, какъ съ хищниками-эксплоататорами. Населеніе Печоры говоритъ, что чердынцы у нихъ „испоконъ вѣковъ“ слывутъ за дорогихъ гостей; это обаятельное renomé стало, собственно говоря, достояніемъ прошлаго времени. Прежде, когда вся Печора была цѣликомъ отдана на милость и немилость чердынцевъ, когда единственными коммерсантами, проникавшими въ область Печоры и снабжавшими всѣмъ необходимымъ туземное населеніе, были чердынскіе купцы, ихъ дѣйствительно ждали съ нетерпѣніемъ, ихъ встрѣчали съ радостью, съ почетомъ, въ нихъ видѣли своихъ благодѣтелей. Путешествіе чердынцевъ совпадало съ весеннимъ разливомъ рѣкъ. Въ полую воду въ Чердыни *) грузились каюки хлѣбомъ, мануфактурнымъ товаромъ, водкой, освѣтительными маслами и всякаго рода желѣзодѣлательными издѣліями и, не дожидаясь спаденія воды, отплывали вверхъ по р. Колвѣ къ ея притоку Березовкѣ. Здѣсь, у водораздѣла рѣкъ Печоры и Вишеры шли волокомъ и затѣмъ спускались по Печорѣ до села Усть-Цыльмы. Вѣсть о прибытіи чердынцевъ на Печору быстро разносилась по ея берегамъ и въ Усть-Цыльму съѣзжались со всѣхъ концовъ покупатели. Торгъ производился прямо съ судовъ, и всѣ торговые обороты велись мѣновымъ путемъ, безъ помощи денегъ. Печорцы брали хлѣбъ, овощи, фабричныя издѣлія и взамѣнъ того отдавали шкуры звѣрей, рыбу, оленье мясо и мѣхъ. Эксплоатація при этомъ со стороны чердынскихъ гостей не знала предѣловъ; вѣдь печорскіе дикари не были освѣдомлены ни о биржевыхъ сдѣлкахъ, ни о рыночныхъ цѣнахъ,—мѣриломъ мѣновыхъ опе-

---

*) Чердынь—уѣздный городъ Пермской губ., лежащій въ ея восточной части на р. Вишерѣ.

рацій въ болѣе культурныхъ мѣстахъ. Такъ велись изъ года въ годъ эти торговыя сношенія, пока не вошелъ въ устье Печоры первый пароходъ изъ Архангельска; съ нимъ открылась новая эра,—эра торговой конкурренціи и административнаго управленія краемъ. Въ селахъ водворились урядники, въ Усть-Цыльму прибыли исправникъ, чиновничество, духовенство и архангельскіе купцы. Основана была постоянная торговля, но мирная борьба съ чердынской эксплуатаціей затруднялась отчасти невѣжественностью населенія, а отчасти тѣмъ кредитомъ, которымъ благодѣтели успѣли опутать чуть не поголовно населеніе печорскихъ селъ.

Есть однако въ печорскомъ краѣ и понынѣ мѣста, куда даже у отважныхъ чердынцевъ не хватаетъ рѣшимости пробраться. Они лежатъ еще дальше на востокъ, къ горнымъ отрогамъ сѣвернаго Урала; среди нихъ наиболѣе извѣстнымъ пунктомъ считается с. Балабанъ, на р.Уссѣ. Куда ни отмѣрь, отъ него сотни и сотни верстъ: отъ Усть-Цыльмы—600, отъ Архангельска болѣе 1500. Населенія въ Балабанѣ немного; все оно ютится въ 10—15 хатахъ, живетъ исключительно звѣроловствомъ и звѣробойствомъ. Проѣзда съ Печоры въ Балабанъ нѣтъ; сношенія съ міромъ поддерживаются черезъ обдорскихъ самоѣдовъ; зимой изъ с. Обдорска, Тобольской губ., лежащаго по ту сторону Урала въ устьѣ Оби, они пріѣзжаютъ на нартахъ, прокладывая себѣ путь по безлюдной, скованной льдомъ обдорской тундрѣ. Обдорскъ,—и тотъ въ глазахъ обитателей Балабана надѣленъ своимъ преимуществомъ!

Въ это ужасное село архангельская администрація отправила ссыльнаго Подзельвера. Въ с. Балабанъ не было дорогъ, не было проѣзда, но для политическаго ссыльнаго онъ долженъ былъ найтись, во что бы то ни стало. Когда Подзельверъ добрался съ большими трудностями до Усть-Цыльмы и вручилъ бумаги исправнику, то даже онъ, исправникъ, не рѣшился от-

правлять прибывшаго ссыльнаго дальше, въ с. Балабанъ; въ отвѣтъ на распоряженіе губернатора была послана бумага, въ которой исправникъ увѣрялъ его превосходительство, что въ с. Балабанъ ни пѣшкомъ, ни верхомъ проникнуть нѣтъ возможности, и что Подзельверъ оставленъ имъ поэтому въ с. Усть-Цыльмѣ.

Въ Усть-Цыльмѣ въ это время было уже нѣсколько человѣкъ политическихъ ссыльныхъ. Въ іюлѣ 1903 г. съ пароходомъ изъ Архангельска сюда прибыли Ю. Кокъ и М. Кухрановъ. Оба были выселены изъ губернскаго города и наказаны ссылкой на Печору за неодобрительное поведеніе. Не малыхъ трудовъ стоило первымъ усть-цыльмскимъ ссыльнымъ найти комнаты у запуганныхъ ихъ прибытіемъ домохозяевъ: долго и упорно ходили про нихъ слухи, какъ о „грабителяхъ, поджигателяхъ, убійцахъ". Кому же была охота „спознаться" и пріютить у себя такихъ лиходѣевъ? Наконецъ, преодолѣвъ затрудненія съ квартирой, усть-цыльмскіе піонеры зажили тревожной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, однообразной до унынія жизнью. Село Усть-Цыльма оказалось большимъ, прекрасно обстроеннымъ мѣстечкомъ. Нѣсколько улицъ съ двухъ-этажными деревянными домами, выкрашенными въ яркую краску, производили благопріятное впечатлѣніе; во всемъ замѣтны были зажиточность, домовитость, опрятность. Но съ внѣшностью поселка далеко не гармонировало впечатлѣніе отъ его обитателей. Темный, отсталый народъ. Его мысль едва работаетъ, его уму нѣтъ примѣненія, нѣтъ простора: занятія, формы труда и быта настолько еще несложны, запросы къ жизни такъ еще ограничены, что духовная жизнь печорскаго населенія не выходитъ изъ круга первоначальной грамотности, съ трудомъ находящей здѣсь себѣ примѣненіе. Промысловая дѣятельность, всецѣло занимающая собой туземцевъ, не требуетъ отъ нихъ ничего, помимо энергіи, упорства въ трудѣ и подвижности. Лѣтомъ и весной рыболовство, звѣробой-

ство, сплавъ лѣса на устье Печоры; зимой извозъ,—вотъ и все содержаніе жизни обитателя Усть-Цыльмы. Ни оживленной лѣсной торговли, ни тѣмъ болѣе промышленности, способныхъ внести въ этотъ мертвый уголъ архангельскаго края подъемъ и разнообразіе жизни, нѣтъ да и не можетъ быть. Удаленность отъ фабричныхъ центровъ, отсутствіе не только желѣзныхъ, но и самыхъ обыденныхъ колесныхъ дорогъ, суровость природныхъ условій держатъ подъ спудомъ, въ нѣдрахъ земли богатства печорскихъ пустынь. Съ давнихъ временъ, съ

Новоземельскій ландшафтъ.

XVIII вѣка, на Печорѣ были извѣстны нефтяные источники и серебряная руда, но правильной эксплоатаціи ихъ не было. Руду разграбили, а нефть и до сихъ поръ не привлекаетъ къ себѣ промышленниковъ-капиталистовъ. Только въ южной части уѣзда, въ захудаломъ поселкѣ Усть-Ухтѣ, состоящемъ всего изъ какихъ-нибудь 20 ничтожныхъ строеньицъ, живетъ въ настоящее время инженеръ А. Г. Гансбергъ, занятый изслѣдованіемъ печорскихъ нефтехранилищъ. Да и его пребываніе въ средѣ усть-ухтскаго населенія надо отнести

къ числу любительскихъ недоразумѣній. То, что разсказывалъ Гансбергъ политическимъ о печорскихъ нефтеразвѣдкахъ, мало интересно для читателя, но одинъ изъ этихъ разсказовъ, въ которомъ попутно освѣщена участь политическаго ссыльнаго на Печорѣ, заслуживаетъ упоминанія. Во время одной изъ своихъ экспедицій Гансбергъ случайно достигъ небольшого инородческаго селенія; надо было справиться, жилъ ли въ немъ кто-либо изъ русскихъ, чтобы съ его помощью проѣхать дальше.

— Я сошелъ съ лошади,—разсказывалъ Гансбергъ,— и направился къ виднѣвшимся постройкамъ. Кругомъ— никого; мѣстность пустынная, дикая... Чахлый лѣсокъ раскинулся кругомъ по мшистому болоту въ перемежку съ кустистымъ тальникомъ. Сталъ подходить къ деревнѣ. Ея разоренный видъ производилъ впечатлѣніе заброшеннаго погоста. Хатки, что называется, на курьихъ ножкахъ. Вошелъ въ поселокъ; тамъ—никого, точно нежилой: ни звука, ни голоса человѣческаго не слышно, хоть бы дверь гдѣ скрипнула. Оглядѣлся кругомъ... Смотрю, въ сторонѣ, на берегу у ручья, сидитъ человѣкъ и пристально смотритъ на меня; видно, мое появленіе въ этихъ мѣстахъ было для него дѣломъ необыкновеннымъ. По внѣшности и по всему облику можно было сейчасъ же догадаться, что онъ не изъ туземцевъ. Я рѣшилъ объясниться и первымъ окрикнулъ его по-русски.

— Вы-не русскій-ли?

— Да, онъ самый,—отвѣчалъ незнакомецъ и быстро подошелъ ко мнѣ. Мы поздоровались. Я поинтересовался узнать, откуда онъ.

— Здѣшній-ли, или со стороны?

— Да я здѣсь въ ссылкѣ,—былъ отвѣтъ,—политическій я; живу одинъ, безъ товарищей: скоро ужъ лѣтъ пять будетъ, какъ сижу въ этой норѣ.

— Да неужели?—изумился я, не ожидая подобнаго

отвѣта. Какъ же вы существуете, чѣмъ занимаетесь здѣсь?

— Какъ, чѣмъ занимаюсь? Вотъ живу изо дня въ день, ѣмъ, пью, хожу на охоту... Чѣмъ же мнѣ еще заниматься?

— И не скучаете? Есть ли у васъ, по крайней мѣрѣ, книги, газеты?

— Книгъ немного, да и тѣ давно перечитаны. Газеты... давно ихъ уже не получаю: раньше бывали, теперь нѣтъ.

Его односложные отвѣты давили меня своей безпомощностью, безжизненностью. Да какъ же можно было такъ жить?—невольно вставалъ вопросъ, на который ни я, ни мой собесѣдникъ не находили отвѣта. Стоя передъ нимъ и видя его одинокаго, отрѣзаннаго отъ всего живого, затертаго въ глуши печорскихъ лѣсовъ, я самъ, признаюсь, растерялся, не зная, что спросить, чѣмъ заинтересовать его. Разговоръ не клеился. Къ тому, что дѣлалось въ Россіи, онъ относился равнодушно, безучастно: нѣсколько больше оживленія вносили мои разспросы о мѣстныхъ условіяхъ жизни, природѣ, людяхъ; видно было, что они интересуютъ его больше, чѣмъ та политическая дѣятельность, за которую онъ попалъ сюда, и которой отдавалъ когда то весь смыслъ, всѣ силы своей жизни. Съ часъ я провелъ въ разговорѣ съ нимъ. И когда черезъ часъ выѣзжалъ изъ поселка, мнѣ было и тяжело, и грустно за „приконченнаго“ политическаго. До околицы онъ проводилъ меня, здѣсь мы простились, и каждый пошелъ своей дорогой: онъ обратно въ поселокъ, а я исчезъ въ дикой тайгѣ, направляясь дальше на западъ“...

ГЛАВА XIX.

Въ печорской глуши. Печорскій дьяконъ А. Колчинъ открываетъ село въ перепись 1897 г.—Какъ жила усть-цыльмская колонія политическихъ ссыльныхъ?—усть-цыльмская „коммуна". Печорскіе ссыльные въ представленіи мѣстнаго населенія.—Усть-Цыльмскій обыватель въ гостяхъ у политическаго.—Старообрядческая депутація ищетъ защиты у ссыльнаго, д-ра Мартынова.

Страшны заповѣдные печорскіе лѣса своей неприступностью, своей безлюдностью и непроходимостью. Что передъ ихъ жуткимъ молчаніемъ, передъ ихъ первобытнымъ тяжелымъ сномъ стоны и муки заживо погребаемаго въ ихъ дебряхъ человѣка! Здѣсь царь—еще природа, здѣсь она не признаетъ надъ собой верховнымъ главой человѣка, здѣсь она заставляетъ его смириться передъ своими безконечно великими силами. Борись, если можешь, за свои культурные навыки, поддерживай, если съумѣешь, свои духовные запросы, или смирись, снизойди до уровня туземца—зырянина, откажись отъ прошлаго,—такова альтернатива, диктуемая политическому ссыльному мертвящими силами сѣверныхъ тайги и болота. И ссыльный ѣхалъ сюда, хорошо зная, что ждетъ его впереди; ссыльный задавался вопросомъ: выживу-ли я, выдержу-ли напоръ всѣхъ лишеній, всѣхъ бѣдствій, физическихъ и духовныхъ, въ этой пустынѣ? Вѣдь только здѣсь, въ печорскомъ краѣ, возможны до сихъ поръ такіе поразительные факты, какъ открытіе новыхъ поселеній. Какъ ни странно можетъ показаться читателю, но въ концѣ XIX вѣка въ Печорскомъ уѣздѣ было открыто селеніе, до того времени совершенно неизвѣстное уѣздной администраціи. Политическій ссыльный В. И. Литовъ такъ разсказывалъ объ этомъ, въ свое время много нашумѣвшемъ, инцидентѣ:

„Печорскій дьяконъ А. Колчинъ, занятый въ перепись 1897 г. сборомъ матеріаловъ въ Пустозерскѣ и

окрестныхъ съ нимъ деревняхъ, совершенно случайно натолкнулся въ своихъ развѣдкахъ на небольшую тропу, убѣгавшую въ тундру. Онъ полюбопытствовалъ, куда ведетъ дорога: ему отвѣчали, что ею можно дойти до „жилыхъ мѣстъ". Дѣйствительно „мѣста" въ указанномъ направленіи были обнаружены, и маленькій Колумбъ занесъ невѣдомую дотолѣ общину въ списки населенныхъ мѣстъ Печорскаго уѣзда. Жители ея не тяготились своей изолированностью, управлялись сами собой и не скучали по налогамъ и полицейскимъ властямъ. Только съ момента возсоединенія вольностямъ поселка пришелъ конецъ: введено было общепринятое на Руси полицейское управленіе, и духовнымъ пастыремъ новоявленной паствы поставленъ за заслуги отецъ діаконъ".

Уже по этимъ отдѣльнымъ картинкамъ, иллюстрирующимъ печорскій край, можно составить себѣ безошибочное представленіе объ его привлекательности. Къ безотрадности природы, къ полной заброшенности присоединялись и тяжелыя бытовыя условія въ жизни ссылавшихся сюда политическихъ.

Въ Усть-Цыльмѣ ссыльные жили вначалѣ „коммуной". Трудно было найти для каждаго помѣщеніе; на квартирантовъ „арестантовъ" не находилось любителей домохозяевъ. Рѣшили поэтому снять цѣлый домъ и зажить сообща. Первый годъ, до весны 1904 г., въ коммунѣ жило шестеро политическихъ; коммунары не признавали частной собственности: инвентаремъ, обстановкой и даже гардеробомъ пользовались сообща; каждый, нуждавшійся въ платьѣ или бѣльѣ, бралъ подходящее ему изъ общаго склада; точно также и изъ кассовыхъ сбереженій всякій имѣлъ право взять необходимое ему количество денегъ. Столъ и занятія не были исключеніемъ изъ общаго правила. Готовили по очереди, ѣли за однимъ столомъ: къ обѣду доставали говяжье мясо, хлѣбъ, картофель. Лѣтомъ и весной, когда начи-

нался сезонъ рыболовства и охоты, за столомъ у коммунаровъ появлялись семга, куропатки, зайцы и прочая дичь; на Печорѣ, гдѣ пара куропатокъ оцѣнивалась въ 3 коп., фунтъ семги въ 20 к., заяцъ въ 5 к.,—это было общедоступно. Недостатка въ мясѣ не чувствовалось круглый годъ, но овощи, фрукты и, вообще, всякая зелень отсутствовали совершенно. На средней Печорѣ—отъ Харинской до Усть-Ижмы—нѣтъ, вообще, ни огородовъ, ни какихъ либо значительныхъ посѣвовъ; жестокіе 40° морозы въ январѣ и короткое прохладное лѣто не даютъ возможности сѣять озимые хлѣба и культивировать корнеплоды. Кое-гдѣ лишь засѣиваются небольшія, расчищенныя изъ-подъ лѣса, поляны „житомъ", и изъ „житной" же муки выпекается житный хлѣбъ; картофель не успѣваетъ иной разъ вызрѣвать. Чтобы спасти себя отъ цынги, ссыльнымъ приходилось за 1000 верстъ изъ Архангельска выписывать консервы. Не всегда эта операція удавалась. Ссылка спорадически страдала отъ отсутствія свободныхъ денегъ, а на Печорѣ, гдѣ политическіе получали 8 руб. мѣсячнаго пособія, этихъ денегъ только-только хватало на проживанье.

Особенно тяжело пришлось коммунарамъ послѣ того, какъ изъ Усть-Цыльмы, съ общаго рѣшенія колоніи, бѣжалъ товарищъ Челашвили. Чтобы осуществить этотъ побѣгъ, потребовалась значительная сумма денегъ; коммунары безропотно передали бѣгуну изъ кассы всѣ свои сбереженія, въ количествѣ 50 рублей, и, освободивъ такимъ образомъ товарища, остались сами безъ всякихъ средствъ къ существованію. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ коммуна питалась хлѣбомъ и чаемъ, черезъ день готовила кашу, считавшуюся роскошью въ эти черные дни. На бѣду бѣглецъ былъ пойманъ въ пути, привезенъ въ пинежскую тюрьму, и планъ бѣгства, стоившій усть-цыльмскимъ политическимъ столькихъ усилій, былъ разбитъ. Стойкость ихъ не поколе-

балась однако отъ неудачи, и, когда потребовались экстраординарные расходы, кассовыя деньги были единодушно предоставлены въ распоряженіе нуждавшемуся товарищу.

Не хлѣбъ и не деньги, или вѣрнѣе, не отсутствіе того и другого тяготило коммуну. Гораздо болѣзненнѣе ощущалось отсутствіе книгъ, журналовъ, новостей съ родины, изъ далекой Россіи, съ поля революціонной брани. Архангельская колонія высылала въ Усть-Цыльму „Русскія Вѣдомости“, но пока газета доходила по назначенію, интересъ ея содержанія утрачивался: лѣтомъ доставка почты шла и быстрѣе, и аккуратнѣе; письма и грузъ изъ Архангельска прибывали въ Усть-Цыльму пароходомъ черезъ недѣлю. Съ большимъ нетерпѣніемъ и радостью ждали начала навигаціи, ибо она избавляла ссылку отъ полной изоляціи въ весеннее и осеннее распутье. Съ іюля и до начала сентября рейсы съ Архангельскомъ поддерживались безпрепятственно: два раза въ каждые 10 дней отъ усть-цыльмской гавани отваливалъ пароходъ, уходя къ Куѣ, и два раза привозилась оттуда перегружавшаяся съ океанскаго парохода архангельская корреспонденція. Въ августѣ устанавливались первые заморозки, предвѣстники надвигавшейся зимы. Жизнь на Печорѣ мало-по-малу затихала и усть-цыльмскіе обыватели готовились къ долгой, длившейся мѣсяцами, спячкѣ. Для политическихъ, жившихъ по прибрежнымъ печорскимъ селамъ и деревнямъ, это время было временемъ тяжелыхъ испытаній. Съ каждымъ днемъ, неуклонно и медленно приближалась арктическая зима съ ея ужасными пургой и сорокаградусными морозами, съ ея еще болѣе ужасными ледяными вѣтрами; вмѣстѣ съ ними близилась блокада печорскихъ мѣстъ: пароходные рейсы прекращались: послѣдняя соломина, за которую хватался усть-цыльмскій ссыльный, ускользала изъ его рукъ, и начинался мертвый періодъ унылаго, томительнаго времяпрепровож-

денія. Ни газетъ, ни писемъ не получалось въ теченіе трехъ и болѣе мѣсяцевъ; снѣжными сугробами заметались до крышъ дома и улицы уснувшей Усть-Цыльмы. Наступала длительная, мучительная полярная ночь: къ 11 часамъ утра забрезжитъ еле-еле дневной свѣтъ, разольетъ часа на три сѣрую муть и къ двумъ часамъ смѣшается съ сумеречной тьмою. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ съ конца ноября, весь декабрь и первую половину января, длится мракъ убійственно холодныхъ ночей. Люди забиваются въ теплые углы, птицы мерзнутъ въ воздухѣ, животные съ трудомъ выдерживаютъ губительную температуру непомѣрныхъ морозовъ. Только самоѣдамъ она по душѣ. Закутавшись въ малицу и савикъ, и заложивъ оленя въ легкія нарты, они мчатся по льдамъ застывшей Печоры и дикихъ равнинъ сѣверной тундры, точно не замѣчая шалостей свирѣпой зимы: ихъ выносливость поразительна: въ январскіе холода, когда ртуть стыла, и печорцы кряхтѣли отъ трескучихъ морозовъ, самоѣдъ выѣзжалъ съ непокрытой головой, накинувъ на себя лишь олечьи мѣха.

Усть-цыломъ не привыкъ къ такой безпечности: зимой и онъ не прочь отогрѣться въ теплѣ на широкихъ палатяхъ, въ своей просторной и отлично отстроенной избѣ; и если онъ отказывается отъ этого удовольствія, то только въ виду хорошихъ заработковъ, которые сулитъ зимній извозъ. На Никольскую ярмарку въ Пинегѣ выѣзжаетъ чуть ли не вся Усть-Цыльма поголовно. Подводы грузятъ мѣхами, дичью, олениной и, закутавшись съ головы до ногъ въ теплый олений мѣхъ, усть-цыломы отправляются въ долгую и тяжелую дорогу. Въ переѣздъ извозчикъ зарабатываетъ большія деньги: каждый изъ нихъ ведетъ обыкновенно 2—3 подводы, кладя на сани около 25 пудовъ груза. Владѣлецъ товара платитъ съ пуда отъ 1 р. 30 к. до 1 р. 50 к.,—что въ одинъ конецъ даетъ извозчику съ двухъ

подводъ приблизительно 70—75 рублей. На обратномъ пути обозы рѣдко идутъ порожнякомъ: чаще всего и въ обратный конецъ хозяину удается заработать нѣсколько десятковъ рублей.

Отъѣздъ въ Пинегу на ярмарку временно оживлялъ Печору. Каждый по своему пользовался въ эту пору поѣздкой обывателей: не дремали и политическіе ссыльные, передавая съ оказіей порученія и письма въ Пинегу и Архангельскъ. На мгновеніе въ жизнь узниковъ врывался лучъ свѣта, оживляя колонію нетерпѣливыми ожиданіями вѣстей изъ Россіи и сосѣднихъ уѣздовъ.

Такъ прожила „коммуна" осень и зиму 1903 г. Съ весны 1904 г. въ Усть-Цыльму стали прибывать, одинъ за другимъ, этапы, привозя новыхъ товарищей. Каждаго вновь прибывавшаго встрѣчали съ радостью, устраивали возможно удобнѣе и, какъ новичка, недавно выѣхавшаго изъ Россіи, подвергали самымъ тщательнымъ и подробнымъ разспросамъ. Къ этому времени усть-цыльмское населеніе успѣло уже освоиться съ политическими и разсмотрѣть въ нихъ людей, далекихъ отъ уголовныхъ поселенцевъ.

— Мы думали, вы изъ душегубовъ какихъ будете, чистосердечно заявляли они въ разговорахъ съ политическими,—теперь то видать стало, что народъ вы другой, зла намъ не желаете...

Высшей аттестаціей служило при этомъ уподобленіе политическихъ чиновникамъ.

— Живутъ, какъ чиновники: не безобразятъ, не пьютъ: люди, что говорить, спокойные; зла отъ нихъ не видимъ.

Этотъ взглядъ на ссыльныхъ и связанное съ нимъ довѣріе устанавливались крайне медленно: мало по малу, съ населеніемъ завязывались не только знакомства, но нѣкоторые изъ колонистовъ, пользовавшіеся особымъ расположеніемъ обывателей, были удостоены

высокой чести, попавъ въ „кумовья“. Былъ даже единичный случай женитьбы политическаго на усть-цыльмской самоѣдкѣ.

Курьезную форму носили на себѣ всѣ эти знакомства и посѣщенія усть-цыломами политиковъ. Войдетъ въ комнату, станетъ у двери и стоитъ безмолвно часъ, два, а то и больше. Самымъ тяжелымъ оскорбленіемъ для такого невзыскательнаго гостя былъ вопросъ о цѣли его прихода: вопросъ „что надо?“ или „зачѣмъ пришелъ?“—усть-цыломъ понималъ по-своему; для него это было равносильно желанію хозяина отвадить посѣтителя, отдѣлаться отъ него. Ужъ лучше было ни единымъ словомъ не нарушать обоюднаго молчанія: оно считалось болѣе гостепріимнымъ, нежели дѣловой вопросъ. Ни гость, ни хозяинъ не занимали другъ друга; хозяинъ продолжалъ свою работу, читалъ, писалъ: а гость либо простаивалъ часами у входной двери, либо набирался смѣлости и съ любопытствомъ обходилъ комнату ссыльнаго, разсматривая по стѣнамъ „картинки“. Особое недоумѣніе возбуждала у усть-цылома страсть политическихъ къ чтенію, письму. Просидѣть за книгой вечеръ ему казалось чѣмъ-то неестественнымъ, мучительнымъ, тяжелымъ.

— Пишешь?—спрашивалъ усть-цыломъ гость у политическаго.

— Пишу,—отвѣчалъ тотъ.

— Что пишешь?

— А вотъ работа у меня есть... работу пишу.

— Работу?—съ недоумѣніемъ переспрашивалъ гость, и въ голосѣ его слышалась насмѣшливая нотка. Какая-де можетъ быть это „работа“—перомъ писать. Самъ онъ зналъ только одну работу,—работу мускульную, физическую, работу топоромъ, сѣтями, гарпугой. Изъ книгъ его пониманію была доступна единственная—евангеліе. Къ неразвитости присоединялись обрядность и предразсудокъ. Дѣло въ томъ, что населеніе Усть-

Цыльмы и вообще средней Печоры—почти сплошь старообрядческое. Суевѣріе, обычай играютъ въ его жизни огромную роль; не рѣдко, даже и въ болѣе позднее время, старообрядцы отказывались пускать къ себѣ на квартиры политическихъ изъ-за табака, чая, водки; впрочемъ, глазъ хозяина гораздо строже слѣдилъ за квартирантомъ, чѣмъ за самимъ собой. Теоретически трубка, чайникъ и полуштофъ были изгнаны изъ употребленія, но практически допускались послабленія,—особенно для искусителя—полуштофа. За религіозные обряды печорскіе старообрядцы держатся не менѣе упорно, чѣмъ за бытовые; православныхъ церквей не посѣщаютъ, духовенства не признаютъ; въ иныхъ приходахъ весь церковный доходъ за годъ сводился къ 2—5 рублямъ. На почвѣ бойкота православнаго духовенства возникли полицейскія гоненія; полиція отбирала и жгла старообрядческія книги, разгоняла молитвенныя собранія, преслѣдовала выборныхъ старообрядцами лицъ. Старообрядцы долго искали защиты и правды и, услыхавши, наконецъ, что на Печору ѣдетъ изъ Архангельска какая-то комиссія, рѣшили что у нея то они и найдутъ себѣ избавленіе отъ всѣхъ притѣсненій. Выбрали депутатовъ и отправили съ челобитной. Увы! То была комиссія санитаровъ, состоявшая на бѣду сплошь изъ политическихъ ссыльныхъ. Тѣмъ не менѣе старообрядческая депутація добилась аудіенціи у руководителя экспедиціи д-ра С. В. Мартынова. Произошла комичная сцена. Отъ старообрядцевъ, съ низкимъ поклономъ, явилось трое депутатовъ: степенный, пожилой начетчикъ, молодой парень, сообразительный и начитанный въ священныхъ книгахъ, и подростокъ, мальчикъ лѣтъ 15, не принимавшій активнаго участія въ торжественно происходившихъ переговорахъ. Д-ру Мартынову была приписана высокая роль царскаго посланца, облеченнаго неограниченными полномочіями карать и миловать.

Не по душѣ было санитарамъ это свиданіе; старикъ-депутатъ настаивалъ на просьбѣ „разувѣрить государя“ въ преданности печорскихъ старообрядцевъ, и никакія обратныя разувѣренія ссыльныхъ въ ихъ безсиліи не могли пошатнуть вѣры въ мнимое могущество ссыльнаго Мартынова. Такъ и уѣхалъ онъ съ Печоры, напутствуемый горячими просьбами и надеждами сбитыхъ съ толку ревнителей старообрядческой вѣры. Волей-неволей, а пришлось побывать въ шкурѣ гоголевскаго Хлестакова.

ГЛАВА XIX.

Усть-Цыльмская ссылка въ 1904 г. — Настроеніе среди ссыльныхъ.—Попытка бѣгства съ Печоры.—Печорская организація наканунѣ амнистіи —Пустозерскъ и пустозерская ссылка.—Ижемскія мѣста и ижемскіе политическіе ссыльные. -Самоубійство Крапивникова.—Отъѣздъ ижемскихъ политическихъ изъ ссылки.

Экспедиціи, подобныя упомянутой въ предыдущей главѣ, имѣли большое значеніе не только по тѣмъ матеріаламъ, которые добывались отъ обслѣдованія печорскаго края въ его бытовомъ, этнографическомъ и географическомъ отношеніяхъ, но и по вліянію на жизнь архангельскихъ,—въ частности усть-цыльмскихъ политическихъ ссыльныхъ. Санитарныя, статистическія или этнографическія экскурсіи на Печору и ея притоки организовывались почти ежегодно: ссыльные принимали въ нихъ живѣйшее участіе не только въ виду того интереса, который предоставляло само по себѣ ознакомленіе съ печорскими мѣстами, но еще и по тому, что экспедиція давала возможность временно освободиться и отдохнуть отъ полицейскаго надзора; ко всѣмъ прочимъ выгодамъ присоединялся и заработокъ: обыкновенно рядовой участникъ получалъ 30—35 руб. въ мѣсяцъ, зарабатывая такимъ образомъ около 100 р.

за время научныхъ изслѣдованій. На Печорѣ, гдѣ на учетѣ была каждая копѣйка, сто рублей представлялись цѣлымъ капиталомъ, спасавшимъ многихъ отъ голоднаго существованія.

Лѣтомъ 1901 г. усть-цыльмская „коммуна" распалась. Прибыли новые ссыльные, въ большинствѣ рабочіе, и колонія увеличилась въ своемъ составѣ до 11 человѣкъ. Жизнь во многомъ измѣнилась; прежняго единодушія и идеальнаго согласія, царившихъ въ павшей „коммунѣ", болѣе не существовало. Начались личные нелады,—мелочные, нерѣдко безпричинные, вызывавшіеся нервностью, несдержанностью на слово или болѣзненнымъ самолюбіемъ отдѣльныхъ членовъ колоніи. Жизнь сообща стала при такихъ условіяхъ немыслимой; общая квартира была упразднена, и оставлена лишь колоніальная кухня, куда въ обѣденное время собирались почти всѣ усть-цыльмскіе ссыльные.

Готовилъ въ кухнѣ „за стаканъ пива"—такъ оно было рѣдкостно на этихъ мѣстахъ!—политическій: обѣдъ стоилъ 8—13 коп. Устраненъ былъ теперь и тотъ недостатокъ въ газетахъ и журналахъ, который раньше тяжело отзывался на жизни ссыльныхъ; въ Усть-Цыльму высылали безплатно 11 періодическихъ изданій, которыми она дѣлилась съ сосѣдними колоніями.

Но при всемъ томъ настроеніе временами переживалось отчаянное. Тоска грызла, люди варились въ своемъ собственномъ соку, глушь давила и мучила. Однообразіе жизни, повторявшееся изо дня въ день съ тюремной правильностью, отсутствіе живой работы, новыхъ людей доводили печорскихъ ссыльныхъ до крайней раздражительности, до безсильнаго бѣшенства и даже самоубійства. Нѣтъ силъ сидѣть въ четырехъ стѣнахъ надоѣвшей до-нельзя комнаты: выйдешь на пустынную улицу Усть-Цыльмы и сразу почувствуешь свое одиночество. Тяжелое уныніе охватываетъ при видѣ темныхъ, хвойныхъ лѣсовъ, закрывшихъ собой

горизонтъ; глазъ ищетъ простора и не находитъ: лѣсъ, лѣсъ и лѣсъ,—безконечный, нахмуренный охватилъ со всѣхъ сторонъ село и не избавиться отъ его сплошныхъ стѣнъ, отъ его вѣчно зеленой, утомительно однообразной хвои. Точно въ колодезь попалъ: сверху—небо; по сторонамъ—лѣсъ; ни выхода, ни выѣзда, ни свободы, ни свѣта! Сознаніе оторванности печорской глуши начинаетъ снова вливаться, помимо воли, въ больную душу и щемитъ, и надрываетъ безысходной скорбью измученное сердце.

Въ такія минуты, когда нервы особенно напрягались, и печорская тайга вызывала проклятія и ненависть, усть-цыльмскій ссыльный искалъ себѣ успокоенія въ полнѣйшей изоляціи отъ міра; клинъ клиномъ вышибаютъ,—говоритъ русская пословица; и если сама по себѣ жизнь на Печорѣ представляла тюремное заключеніе, то ссыльный увеличивалъ его жестокость новыми ограниченіями, запирался въ своей комнатѣ, не выходилъ изъ нея днями, не принималъ къ себѣ товарищей, чуждался вообще людей. Временное отшельничество затворника и его психическія страданія не вызывали ни въ комъ удивленія: каждому были знакомы моменты острой депрессіи въ настроеніи, попеременно овладѣвавшей то однимъ, то другимъ. Hodie tibi—cras mihi.

Иные, спасаясь отъ тоски, прибѣгали къ обратному средству: уединенію они предпочитали перемѣну обстановки и людей, сговаривались съ отъѣзжавшими изъ Усть-Цыльмы обывателями и отправлялись въ „гости“ за 100—200 верстъ въ сосѣднія колоніи политическихъ. Исправникъ не преслѣдовалъ за отлучки, требуя лишь заявленія о выѣздѣ. Да и могли-ли въ самомъ дѣлѣ возникуть у него какія либо подозрѣнія въ искренности намѣреній уѣзжавшаго на время политическаго, когда лучшимъ залогомъ его цѣлости были крѣпкія цѣпи, наложенныя самой печорской природой.

Мысль о побѣгѣ съ дороги могла существовать въ головѣ усть-цыльмскаго узника лишь теоретически; практическое же осуществленіе ея разбивалось о незыблемыя преграды непроходимой пустыни. Бывало, впрочемъ, и такъ, что отчаяніе брало верхъ надъ доводами разсудка, и ссыльный бѣжалъ съ Печоры, плуталъ по бездорожной тайгѣ и болотамъ, скрывался отъ людей, обходилъ ихъ селенія, но, въ концѣ концовъ, обезсиленный голодомъ и тяжелой ходьбой, приходилъ разбитый, истерзанный къ тѣмъ же людямъ и просилъ у нихъ помощи. Эмигрантъ зналъ, что съ этого момента его свобода, за которую онъ столько выстрадалъ, будетъ у него снова вырвана; онъ зналъ, что люди, къ которымъ онъ обратится за хлѣбомъ, спасутъ его отъ голодной смерти, но, возвративъ къ жизни, снова предадутъ въ руки полицейскаго насилія. И все-таки онъ шелъ къ нимъ и ѣлъ ихъ отравленный хлѣбъ. Дилемму—лучше ли выжить ссылку или сложить кости въ печорской тайгѣ,—онъ разрѣшалъ самою жизнью.

Въ исторію архангельской эмиграціи печорская ссылка не внесла поэтому ничего болѣе или менѣе крупнаго, если не считать отдѣльныхъ неудачныхъ попытокъ бѣгства. Энергія печорскихъ политическихъ обратилась въ другую сторону, въ сторону устроительства колоніальной жизни и объединенія колоній путемъ созданія представительнаго центра. Предполагалось выработать сперва форму и функціи такой организаціи лишь для одного печорскаго уѣзда, со временемъ же предложить остальнымъ уѣздногородскимъ колоніямъ ввести у себя въ уѣздахъ подобный же планъ. Иниціаторами въ дѣлѣ организаціи печорской ссылки явились усть-цыльмскіе товарищи. Работа закипѣла. Всѣ были проникнуты однимъ желаніемъ, однимъ стремленіемъ облегчить борьбу политическихъ съ администраціей, придать ей силу сплоченной солидарности и единообразія. Вопросъ ставился прямо: если не было

возможности освободить себя изъ района печорской ссылки путемъ эмиграціи, то необходимо было оградить себя на мѣстѣ отъ дальнѣйшихъ посягательствъ полиціи организаціей уѣздной круговой поруки. Центромъ крамольныхъ замысловъ стала Усть-Цыльма. Съ одной стороны роль эта выпала ей на долю какъ административному пункту, съ другой,—численный перевѣсъ усть-цыльмскихъ ссыльныхъ и ихъ инииціатива закрѣпили за Усть-Цыльмой значеніе руководящей базы.

Главными цѣлями начатаго дѣла активной обороны противъ голода и администраціи были:

1) взаимная помощь,—матеріальная и духовная, организуемая отдѣльными колоніями, сообразно ихъ составу, численности, нуждамъ и

2) представительное посредничество черезъ выборныхъ старостъ во всѣхъ сношеніяхъ уѣздной полиціи съ печорской ссылкой.

Второй пунктъ организаціи предполагалъ внести бо́льшую согласованность и стойкость при отстаиваніи какихъ-либо требованій или интересовъ, общихъ всѣмъ колоніямъ уѣзда. По всѣмъ дѣламъ и во всѣхъ случаяхъ полиція должна была вести переговоры черезъ выборныхъ старостъ; старосты же предъявляли ей общеколоніальныя требованія, рѣшенія и отвѣты на отдѣльные запросы; вмѣстѣ съ тѣмъ на обязанности старостъ лежало созывать собранія и доводить до ихъ свѣдѣнія новыя постановленія мѣстной или губернской полиціи.

Къ осени 1904 г. печорскій союзъ ссыльныхъ успѣлъ настолько окрѣпнуть, что полиція должна была признать за нимъ извѣстное значеніе и силу; но, сносясь въ силу необходимости на мѣстѣ съ его представителями, она одновременно довела до свѣдѣнія губернатора объ его существованіи. Бюнтингъ пригрозилъ политическому Бартольду высылкой изъ Усть-Цыльмы и, вѣроятно, привелъ бы эту угрозу въ исполненіе, если бы старый курсъ репрессій и преслѣдованій не былъ

подорванъ къ этому времени распоряженіемъ изъ Петербурга о частичной амнистіи.

Періодъ полицейскихъ подвоховъ и притѣсненій ссыльныхъ миновалъ: освобожденіе однихъ изъ нихъ и переводъ другихъ въ болѣе близкіе къ Архангельску села и города совпали съ моментомъ, когда надъ печорскимъ союзомъ политическихъ ссыльныхъ собирались грозовыя тучи административныхъ каръ. Но блеснулъ яркій лучъ занявшейся надъ Россіей свободы, и его животворящій свѣтъ дошелъ и сюда, на далекіе берега Печоры. Темныя тучи разсѣялись, какъ туманъ; исчезъ мракъ насилія и произвола, окутывавшій ссылку, а вмѣстѣ съ нимъ исчезли и рожденный имъ печорскій союзъ и сама печорская ссылка.

⁂

Вверхъ и внизъ отъ Усть-Цыльмы, по р. Печорѣ и ея южному притоку Ижмѣ, разбросаны села: Пустозерскъ. Красный Боръ, Усть-Ижма, Сизябскъ и Мохча. Далеко на востокъ, въ 600 верстахъ отъ Усть-Цыльмы, лежитъ среди дикой тайги на берегу р. Усы небольшое селеньице Балабанъ. Въ эти то отдаленнѣйшія села Печорскаго уѣзда начались съ весны 1904 г. административныя высылки прибывавшихъ въ Архангельскъ политическихъ этапниковъ. До Усть-Цыльмы ссыльныхъ доставляли пароходомъ, здѣсь они поступали „въ распоряженіе“ уѣзднаго исправника и вслѣдъ затѣмъ разселялись — кто по верхней, а кто по средней Печорѣ.

На крайнемъ сѣверѣ, въ Пустозерскѣ, коротали ссылку пятеро политическихъ: одна женщина, высланная сюда по дѣлу организаціи „Бунда“ и четверо рабочихъ мужчинъ. О нихъ въ нашу архангельскую колонію не поступало никакихъ извѣстій: только уже черезъ Усть-Цыльму, съ пріѣздомъ въ Архангельскъ

ссыльнаго Бартольда, получились кое-какія свѣдѣнія объ ихъ существованіи. Оно было по-истинѣ ужасно.

Пустозерскъ, — городокъ съ 26 дворами, лежитъ по ту сторону полярнаго круга. Отъ рыбачьяго поселка Харинской, расположеннаго какъ разъ на высотѣ полярнаго круга, надо подняться къ сѣверу еще на $1^1/_2{}^\circ$, чтобы достичь Пустозерска! Сомкнутое съ трехъ сторонъ болотами большеземельской тундры, село выходитъ четвертой своей стороной къ губѣ Печоры. Все населеніе Пустозерска состоитъ изъ полутораста душъ рыбаковъ.

Одинъ внѣшній видъ села вызывалъ у ссыльныхъ безотчетное чувство тоски. На лишенномъ всякой растительности, песчаномъ косогорѣ раскидано нѣсколько десятковъ бревенчатыхъ избъ; нѣтъ ни лавокъ, ни какихъ-либо промышленныхъ предпріятій; все привозится моремъ изъ Архангельска, за 1000 верстъ, или съ Печоры изъ Усть-Цыльмы. Пустозерская природа по своей бѣдности можетъ быть сравниваема развѣ только съ кольской или александровской. „Здѣсь ни лѣсъ, ни сама Печора не оживляютъ ландшафта: видны лишь безконечныя, унылыя болота и мхи, унылая рѣка, на которой посреди необозримыхъ пространствъ встрѣчаются маленькія незамѣтныя деревеньки“ *). Большеземельская тундра представляетъ ровную, отъ Урала до Печоры раскинувшуюся болотную топь, на которой кое-гдѣ торчитъ корявый стволъ приникшей къ землѣ полярной березы, да чернѣютъ прутья щетинистаго тальника. Мѣстами надъ поверхностью болотной зелени поднимаются песчаныя, холмообразныя косы, встрѣчаются истоки рѣкъ, небольшія озера. Угрюмые хвойные лѣса отошли отсюда къ югу и не закрываютъ болѣе далекаго, сливающагося съ тундрой горизонта. Все, что видитъ здѣсь глазъ, не радуетъ сердца человѣка, не возбу-

*) Мартыновъ, „Печорскій край“.

ждаетъ въ немъ ни мысли, ни желанія: точно смерть, холодная и нѣмая, витаетъ надъ этимъ краемъ, въ которомъ отъ ея ледяного дуновенія остались нетронутыми лишь земля и вода.

И жизнь человѣческая чуть замѣтна въ этихъ широтахъ. Полтораста душъ, постоянно живущихъ въ Пустозерскѣ, заняты рыболовствомъ въ устьяхъ р. Печоры. Ссыльные, прозябавшіе въ ихъ средѣ, чтобы хоть какъ-нибудь убить время и спасти себя отъ растлѣвавшаго душу и умъ бездѣлья, принимали участіе въ ихъ

Уборка карбаса на зиму въ затонъ.

промыслахъ. Ни работъ, ни библіотеки, ни общихъ чтеній или занятій у нихъ не было; казалось, самый смыслъ жизни утрачивался, и его мѣсто заступало полусонное физическое существованіе. Но и это послѣднее поддерживалось съ большимъ трудомъ въ борьбѣ съ всевозможными лишеніями; въ самомъ Пустозерскѣ съ увѣренностью можно было расчитывать лишь на воду и рыбу; поэтому, чтобы спасти себя отъ голода въ зимнюю пору, надо было озаботиться объ удовлетвореніи своихъ насущныхъ потребностей въ

періодъ навигаціи нужны были деньги, а ихъ у ссыльныхъ не находилось. Чтобы облегчить свое матеріальное положеніе, пустозерцы отправляли зимой кого-либо изъ товарищей въ Усть-Цыльму, за 250 верстъ, для закупки предметовъ первой необходимости.

Рискъ заболѣванія при полуголодной жизни былъ очень великъ, а въ Пустозерскѣ не было ни доктора, ни больницы. Единственный представитель медицины,— фельдшеръ утратилъ отъ непрерывнаго запоя всякія терапевтическія свѣдѣнія, и единственный медикаментъ, который онъ могъ предложить больному изъ своей запущенной аптечки, былъ все тотъ же цѣлитель алкоголь.

Пусть же читатель представитъ себѣ, что должны были выносить въ подобной обстановкѣ пустозерскіе политическіе, когда въ тундрѣ наступала арктическая зима, и вмѣстѣ съ нею на побережье Ледовитаго океана спускалась двухмѣсячная темь ужасной полярной ночи.

* *
*

По каменистымъ порогамъ шумными каскадами бѣгутъ и пѣнятся быстрыя ижемскія воды. Гребцы, спускающіе крытый карбасъ внизъ по теченію, перебѣгаютъ по его настилкѣ и длинными шестами толкаютъ впередъ. Мы — въ гостяхъ у ижемскихъ политическихъ ссыльныхъ, въ районѣ такъ называемыхъ „голодныхъ мѣстъ“. Часами длится путешествіе по извилистому руслу рѣки, часами сидишь въ карбасѣ и наблюдаешь своеобразную ижемскую природу. Ни признаковъ человѣческаго жилья, ни звука человѣческаго голоса. Вода и лѣсъ, лѣсъ и вода... Плывешь точно въ царствѣ спящей, заговоренной природы. Глубокая, затаенная тишина разлита въ ней, и лишь волна, однообразно плещущаяся у носа карбаса, нарушаетъ ея нѣмой покой. Поразительно и характерно для ижем-

скихъ мѣстъ именно это безстрастное спокойствіе прибрежныхъ лѣсовъ; въ ихъ мракомъ наполненной чащѣ точно притаилась, точно стережетъ каждый шорохъ чуткая, боязливая тишина. Берега Ижмы довольно живописны и разнообразны: то каменисты и возвышенны, то низменны и болотисты. Дикая сѣверная тайга бѣжитъ по ихъ гребнямъ, то надвигаясь къ самому лону водъ, то убѣгая вдаль къ горизонтамъ и окутываясь синей дымкой болотныхъ испареній. Мѣстами лѣсная глушь принимаетъ живописный, сказочно - фантастическій видъ: громоздится валежникъ, поперекъ русла лежатъ исполинскіе стволы вывороченныхъ елей и образуютъ широкіе завалы. Никто не трогаетъ здѣсь этихъ мертвецовъ, мощными тѣлами преградившихъ путь всему живому; лишь у ихъ омертвѣлыхъ корней играетъ попрежнему робкая улыбка полярной природы: дикія розы успѣли разростись надъ трупомъ лѣсного гиганта, и ихъ пахучія, здѣсь и тамъ мелькающія въ темной листвѣ розетки примѣшиваютъ свое благоуханіе къ запаху гнилой листвы и рѣчной сырости.

Вытащишь свой карбасъ на берегъ, перетащишь его волокомъ черезъ завалъ, спустишь снова на рѣку и продолжаешь прерванное путешествіе по тихимъ ижемскимъ водамъ. По каменистымъ берегамъ ихъ встрѣтишь иной разъ причудливой формы белемниты,— „чертовы пальцы", какъ ихъ называетъ здѣшнее населеніе; иной разъ карбасъ потянетъ на верхъ и, сидя подъ крышей, знаешь напередъ, что приближаешься къ порогамъ.

Чѣмъ выше къ верховьямъ Ижмы и впаденію въ нее р. Ухты, тѣмъ рѣже встрѣчаются прибрежныя селенія, тѣмъ бѣднѣе выглядятъ ихъ хаты, тѣмъ коснѣе и невѣжественнѣе становится ихъ зырянское населеніе.

Таковы эти „культурныя" мѣста, и, не дай Богъ было попасть въ ихъ отдаленнѣйшіе предѣлы кому-либо изъ интеллигентныхъ и развитыхъ людей. А между

тѣмъ ссыльные залетали и сюда, жили здѣсь годами, страдали въ неволѣ и боролись всѣми силами съ дикостью окружавшихъ ихъ людей и природы.

По р. Ижмѣ политическіе разселены были въ с. Ижмѣ, Усть-Ижмѣ, Мохчѣ, Сизябскѣ и Красномъ Бору. Только въ первомъ изъ перечисленныхъ селъ колонія ссыльныхъ была многочислена, насчитывая въ 1904 г. 14 человѣкъ: въ остальныхъ мѣстахъ жили по 2—3 или одиночками, какъ въ Сизябскѣ или Красномъ Бору. Политическій-рабочій М. В. Забавниковъ, прибывшій въ с. Ижму въ іюлѣ 1904 г., писалъ оттуда, что „село—большое и богатое: народъ тоже, какъ видно, хорошій. Здѣшнія мѣста населяютъ зыряне, и говорить по-русски почти никто изъ нихъ не умѣетъ. Квартиры очень дешевы: я снялъ одну комнату, большую и хорошо меблированную, и плачу за нее 1½ рубля въ мѣсяцъ... Субсидія выдается въ размѣрѣ 8 рублей, одежныхъ 37 руб. *). Удивительно то, что въ Россіи я не встрѣчалъ такихъ богатыхъ селъ, какія здѣсь. Въ Ижмѣ положительно всѣ крестьяне живутъ въ двухъэтажныхъ домахъ,—чистыхъ, хорошо меблированныхъ: стѣны внутри оклеены обоями. У насъ въ Россіи такъ живутъ помѣщики... Морозы здѣсь бываютъ, какъ говорятъ, до 50-ти градусовъ“...

Это письмо, посланное въ первые дни по прибытіи на мѣсто, рисуетъ преимущественно внѣшнюю сторону той обстановки, въ которой жили ижемскіе ссыльные. Авторъ письма, не успѣвшій еще осмотрѣться и войти въ бытъ населенія, переоцѣнилъ нѣкоторыя его сто-

*) Такъ называемыя „*одежныя*“ выдавались не всѣмъ: для полученія ихъ ссыльный подавалъ прошеніе ближайшей полицейской власти, послѣ чего на квартиру являлась полиція и производила осмотръ носильнаго платья. За проволочками субсидія на зимнюю одежду выдавалась обыкновенно въ лѣтнюю пору и, наоборотъ, деньги на лѣтнее платье получали осенью или зимою. Нерѣдко на прошенія получали ничѣмъ не мотивированный отказъ.

роны. Уподоблять ижемскихъ зырянъ помѣщикамъ внутреннихъ русскихъ губерній можно было, пожалуй, лишь на основаніи тѣхъ внѣшнихъ признаковъ, которые прежде всего бросились въ глаза прибывшему въ ссылку Забавникову. Обиліе лѣса и его дешевизна позволяютъ печорскому зырянину и по сію пору отстраивать себѣ прочныя и помѣстительныя избы, но за всѣмъ тѣмъ нельзя утверждать, что населеніе по Ижмѣ живетъ въ полномъ довольствѣ. Это косвеннымъ образомъ подтверждалось и тѣми свѣдѣніями, которыя дошли о болѣе ранней ссылкѣ 1903 года.

Политическимъ, жившимъ въ с. Ижмѣ еще въ 1903 г. и позднѣе переведшимся въ другіе уѣзды, пришлось не мало выстрадать въ столицѣ зырянскаго района. Одними изъ первыхъ, прибывшихъ въ Ижму, были рабочіе Юстусъ и Кригеръ. Первому с. Ижма было назначено за попытку бѣжать съ дороги во время слѣдованія въ Архангельскъ, второй же *) попалъ сюда, какъ революціонеръ-рецидивистъ. По возрасту Кригеръ былъ однимъ изъ старѣйшихъ членовъ нашей архангельской ссылки; отецъ двухъ казненныхъ сыновей, онъ пріѣхалъ въ ссылку во второй разъ по дѣлу *„польской партіи соціалистичной“*, отбывъ первую за участіе въ польскомъ возстаніи 63 г.

Въ Ижмѣ имъ обоимъ жилось не легко. Разбитые, больные, окруженные недовѣрчивымъ, темнымъ зырянскимъ населеніемъ, безъ медицинской помощи и денегъ, они съ большимъ трудомъ выносили условія своей поднадзорной жизни. Особенно тяжело приходилось рабочему Юстусу: острый катарръ желудка, съ которымъ онъ пріѣхалъ въ ссылку, принялъ на столько опасную форму, что больной совершенно обезсилѣлъ, слегъ въ постель и не надѣялся на свое выздоровленіе. Огромныхъ усилій стоило товарищамъ Юстуса поддерживать

---

*) Кригеръ умеръ въ началѣ 1905 г. отъ рака въ горлѣ.

его питаніе: въ Ижмѣ помимо рыбы, оленины, да иной разъ бараньяго мяса не было возможности достать чего-либо, болѣе легкаго и питательнаго: бѣлый хлѣбъ продавался по 8 коп. фунтъ и притомъ такой свѣжести, что его приходилось рубить топоромъ: черный оцѣнивался въ 3 коп. фунтъ и большею частью состоялъ изъ смѣси „борща" *) и житной муки. Юстуса спасъ конечно не зырянскій столъ, а переводъ въ Пинегу, о которомъ онъ долго хлопоталъ черезъ товарищей въ Архангельскѣ.

Съ ростомъ колоніи, самые крупные недостатки были устранены. Устроили и здѣсь столовую, установили очередь прошеній о переводѣ, время отъ времени отвѣчали на визиты усть-цыломъ contre-визитами. Полиція смотрѣла на такіе переѣзды сквозь пальцы и просила лишь не злоупотреблять ея довѣріемъ.

— Ужъ если собираетесь бѣжать, такъ бѣжите съ мѣста, а не съ дороги,—говорилъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ исправникъ.

Его просьбу исполняли болѣе по необходимости и, погостивъ у сосѣдей, пріѣзжали обратно. Отношенія, установившіяся между ссыльными и полиціей въ Ижмѣ, были сравнительно сносны: только однажды они сильно натянулись, едва не кончившись кровавымъ столкновеніемъ. Печорскій исправникъ Рогачевъ, получивъ отъ губернатора предписаніе отобрать у ссыльныхъ оружіе, передалъ его для исполненія ижемскому урядику: урядникъ явился съ понятыми на квартиру

*) „Борщомъ" (по-зырянски „азь")—называется у зырянъ лопуховидное, съ мясистой, крупной листвой растеніе, растущее по берегамъ р. Ижмы. Населеніе срѣзаетъ листья и приготовляетъ изъ нихъ либо щи, либо разваряваетъ зелень, высушиваетъ, толчетъ и прибавляетъ въ качествѣ суррогата къ житной мукѣ, выпекая изъ этой смѣси „голодный хлѣбъ". „Голодный хлѣбъ" представляетъ на видъ черную, квашеную на вкусъ массу, быстро черствѣющую и мало питательную.

къ одному изъ владѣльцевъ охотничьяго ружья и потребовалъ его выдачи. Ему отказали. Урядникъ пригрозилъ отобрать ружье силой, но ему было заявлено, что на силу будутъ отвѣчать тоже силой. Моментъ былъ критическій: политическіе, вооружившись ножами, стояли противъ гурьбы понятыхъ съ урядникомъ, ожидая съ ихъ стороны начала дѣйствій; въ такомъ напряженномъ положеніи противники оставались нѣсколько минутъ, пока наконецъ полиція первая не пошла на уступки. Ружье было оставлено, но возникло новое дѣло „о сопротивленіи властямъ“, начало которому было положено составленнымъ тутъ же протоколомъ.

Инцидентъ съ охотничьимъ ружьемъ не даромъ принялъ такіе крупные размѣры. Съ его конфискаціей, ижемскіе ссыльные должны были отказаться отъ охоты, а это равносильно было-бы для нихъ добровольному переходу на полуголодное существованіе. Не отъ сытой праздности уходилъ политическій на нѣсколько дней съ ружьемъ за сотню и больше верстъ въ окрестные лѣса: только охотой удавалось въ значительной степени смягчить матеріальную нужду по голоднымъ зырянскимъ селамъ. Потому-то, а не только изъ одного упорства, циркуляръ губернатора о разоруженіи ссылки вызвалъ на Печорѣ рядъ протестовъ и столкновеній, подобныхъ ижемскому.

Амнистія упала какъ снѣгъ на голову печорской политической ссылки. Въ возможность ея просто не вѣрилось, до того не соотвѣтствовала ей вся та суровая обстановка, въ которой жили печорскія колоніи ссыльныхъ. Врядъ ли еще въ какомъ другомъ уѣздѣ она была встрѣчена съ такимъ единодушнымъ и беззавѣтнымъ восторгомъ. Радости не было конца. По всѣмъ направленіямъ летѣли свѣтлыя, поздравительныя телеграммы: Кола привѣтствовала архангельцевъ депешей: „поздравляемъ товарищей съ новой эрой.

Ура!“ Архангельскіе политическіе ссыльные телеграфировали: „Привѣтъ и братство дорогимъ товарищамъ. Да здравствуетъ свободная Россія!“

На Печору извѣстіе объ освобожденіи пришло въ самый разгаръ осенней распутицы и застигло амнистированныхъ въ безвыходномъ положеніи. Правительство объявляло многихъ изъ ссыльныхъ свободными, а природа упорствовала, неумолимо накладывая свое veto на возвѣщенную свободу; ссылка рвалась на волю, но выѣзда не было: дожди превратили дороги и болота въ одну сплошную топь и преградили ею путь къ обновленной Россіи. Скрѣпя сердце, надо было ждать первыхъ заморозковъ и саннаго пути. И за эти-то послѣдніе $1\frac{1}{2}$—2 мѣсяца на долю амнистированныхъ выпало столько нужды и горя, сколько не приходилось терпѣть даже въ былое время неволи. Такъ, иногда изъ разсѣянныхъ облаковъ уже пронесшейся грозовой тучи вдругъ ударитъ на землю крупный и обильный дождь, и вслѣдъ за нимъ изъ небесной синевы очистившагося неба блеснетъ яркій, смѣющійся лучъ омытаго солнца.

На Печорѣ многіе были свободны. Надзоръ снятъ, положеніе отмѣнено; но вѣдь до выѣзда надо было какъ-нибудь жить, чѣмъ-нибудь питаться: гдѣ же было взять денегъ? Въ субсидіи было отказано.

— Вы свободны,— говорилъ исправникъ,— съ какой же стати станемъ мы выдавать вамъ правительственную субсидію.

По существу онъ былъ правъ, и освобожденные понимали это. Тѣмъ не менѣе рѣшили телеграфировать губернатору о выдачѣ пособій, указывая на безвыходность своего положенія. Губернаторъ молчалъ, а освобожденные тѣмъ временемъ голодали.

Время тянулось убійственно медленно. Прошли долгіе дни октября, ноября, наступили наконецъ первые декабрьскіе морозы, и только тогда окончательно рухнули всѣ преграды для бывшихъ печорскихъ ссыль-

ныхъ. Теперь они были дѣйствительно свободны, теперь передъ ними открылся давно желанный путь на родину черезъ запорошенные снѣгомъ болота и лѣса Архангельской губерніи. Начались проводы и отъѣзды. Настроеніе у всѣхъ было бодрое, приподнятое, радостное. И вдругъ... новое, неожиданное для всѣхъ несчастіе: изъ села Ижмы пришла тяжелая вѣсть, —товарищъ Крапивниковъ покончилъ самоубійствомъ. 6 декабря его нашли повѣсившимся въ своей квартирѣ. Не выдержали силы, не хватило ихъ на борьбу съ гнетомъ насилія, и жизнь порвалась...

Архангельская ссылка выпустила послѣ его смерти траурное воззваніе къ товарищамъ:

„Товарищи!—говорилось въ немъ,—6 декабря въ Ижмѣ покончилъ самоубійствомъ товарищъ Крапивниковъ. Долгое пребываніе въ тюрьмѣ и ссылкѣ окончательно надломило его: его страстная натура, рвавшаяся въ бой, не могла примириться съ той мертвящей обстановкой, куда забросило его самодержавіе, и изъ которой онъ, за неимѣніемъ средствъ, выбраться не могъ. Слѣдствіемъ всего этого явилась столь потрясающая, столь ужасная смерть одного изъ свѣтлыхъ и преданнѣйшихъ дѣлу русскихъ революціонеровъ“...

Здѣсь и тамъ по селамъ и городамъ обширнѣйшаго архангельскаго края мелькаютъ на погостахъ надгробные плиты и памятники павшихъ въ ссылкѣ борцовъ за дѣло народнаго освобожденія... Есть и на Печорѣ, въ далекомъ глухомъ селѣ Ижмѣ могильный курганъ, на зеленомъ дерну котораго покоится большая мраморная плита; мало кому она извѣстна, но печорская ссылка не забудетъ, что подъ нею спитъ послѣднимъ сномъ одинъ изъ мучениковъ самодержавія,—политическій ссыльный Крапивниковъ...

Мезенскій уѣздъ.

„...О чемъ писать? Скучно, тоскливо... День смѣняетъ ночь, ночь—день; пожалуй, не разберешь даже, что когда приходитъ. Короче, одна сплошная ночь, одно безконечное однообразіе...“.

Изъ письма мезенскаго ссыльнаго Гитникъ къ товарищу.

ГЛАВА XX.

Географическое положеніе уѣзда.—„Исправившіеся“ въ ссылкѣ. Колонія политическихъ въ с. Дорогорскомъ.

Огромная площадь земли въ 193,360 кв. верстъ, съ населеніемъ всего въ 25,108 человѣкъ, съ суровымъ климатомъ и бѣдной природой, съ безпредѣльными и до унынія однообразными тундряными болотами на сѣверѣ и съ болѣе возвышенной, холмистой поверхностью въ южной части,—таковы бѣглые контуры въ общей характеристикѣ мезенскаго уѣзда. До 1891 г. въ предѣлы этого уѣзда входили не только земли протяженіемъ въ 193,000 кв. верстъ, но и все то пространство къ востоку отъ Тиманскаго хребта, которое нынѣ выдѣлено въ особый Печорскій уѣздъ: сюда же относились, сверхъ того, три океанскихъ острова: Колгуевъ Вайгачъ и Новая Земля.

Обширный, своеобразный по своей природѣ, людямъ богатствамъ край! По громадной поверхности его въ 446,000 кв. верстъ тянутся безбрежныя болота мало- и большеземельской тундръ, поднимаются каменистые хребты Тиманскихъ и Сѣверно-Уральскихъ горъ, текутъ могучія воды Печоры и Мезени. Холодомъ полярныхъ пустынь вѣетъ отъ этихъ широтъ, безлюдныхъ и мало изслѣдованныхъ и по сію пору. Здѣсь

блекла жизнь, здѣсь замирало послѣднее эхо отъ раскатовъ революціонной борьбы въ глубинѣ пробуждавшейся Россіи. Самодержавное правительство нуждалось въ этой окраинѣ, оно цѣнило ее, какъ мѣсто, удобное для поселеній плѣненныхъ имъ революціонеровъ. Здѣсь они должны были отказаться на будущее время отъ преступнаго прошлаго, здѣсь должны были сознать его ошибочность; такъ думало правительство, таковы были разсчеты проводниковъ его карательной политики. Факты однако свидѣтельствовали, что всѣ старанія задушить умъ и энергію политическаго ссыльнаго, попадавшаго въ полицейскія сѣти, были напрасны. Не стану отрицать, въ архангельской ссылкѣ встрѣчались отдѣльныя единицы, не выдерживавшія ея тяжести и подававшія прошенія о помилованіи. Но на нашу огромную семью въ 700 съ лишнимъ человѣкъ мы насчитали всего лишь около 15, пожелавшихъ вступленіемъ въ ряды манчжурской арміи „загладить вину передъ престоломъ и отечествомъ“: процентъ — очень незначительный; если же имѣть въ виду, что добрая половина изъ этихъ пятнадцати пилигримовъ въ Каноссу шла туда несознательно и несла свое покаяніе, не представляя себѣ всей отвѣтственности передъ судомъ совѣсти и судомъ товарищей, то цифра истинныхъ ренегатовъ сократится почти вдвое.

Время оглашенія царскаго манифеста профильтровало уѣздную ссылку отъ колебавшихся, тяготившихся своей участью элементовъ. Большею частью они приходились на отдаленнѣйшіе уѣзды губерніи и выбирались изъ среды малосознательныхъ рабочихъ и крестьянъ. Были и такіе случаи, когда кто-либо изъ одиночекъ подавалъ прошеніе, освобождался отъ надзора и уже позднѣе при проѣздѣ черезъ уѣздный городъ, сталкиваясь съ политическими колонистами, понималъ всю опрометчивость и непростительность своего поступка: дѣло въ такомъ случаѣ кончалось обыкно-

венно приступомъ мучительнаго раскаянія и обратнымъ выѣздомъ въ ссылку. Съ другой стороны, правительство, соблазнивъ наиболѣе слабыхъ изъ насъ свободой, подбивъ ихъ на темную сдѣлку съ совѣстью, зло посмѣялось надъ ихъ легковѣріемъ: четверымъ изъ подавшихъ прошенія оно отказало въ помилованіи, не приводя мотивовъ. Ужасно было положеніе такихъ дважды отверженныхъ; оплеванные товарищами и правительствомъ, они должны были тѣмъ не менѣе жить въ ссылкѣ и считаться „политическими“.

Совершенно иное положеніе было тѣхъ 2—3 товарищей, которые подали прошенія о зачисленіи ихъ въ армію, руководясь при этомъ исключительно желаніемъ не сидѣть въ ссылкѣ сложа руки, а идти въ армію революціонными дѣятелями. Къ нимъ колоніи относились иначе: ихъ не задерживали при отъѣздѣ, но и не раздѣляли принятаго рѣшенія. Директива, которой придерживалась ссылка im Ganzen въ своемъ отношеніи къ войнѣ, и ея лозунгъ: „ни копѣйки денегъ и ни одного солдата правительству“ — считались единственно правильными въ нашемъ положеніи. Политическія колоніи мезенскаго уѣзда были также представлены въ спискахъ вѣроотступниковъ. Этому способствовали условія жизни въ данномъ районѣ и то обстоятельство, что почти во всѣхъ его поселенческихъ пунктахъ преобладалъ рабочій элементъ, среди котораго малосознательные встрѣчались чаще нежели въ интеллигенціи. Много зависѣло и отъ самихъ колоній, ихъ состава, съорганизованности и взаимныхъ отношеній товарищей. Въ этомъ смыслѣ образцомъ для остальныхъ служила жизнь небольшой группы политическихъ въ селѣ Дорогорскомъ, Мезенскаго уѣзда. Здѣсь лѣтомъ 1904 г. проживало 12 человѣкъ политическихъ: трое крестьянъ, сосланныхъ по дѣлу объ аграрныхъ безпорядкахъ и считавшихъ себя членами партіи с.-р., 5 бундовцевъ изъ Западнаго края и 4 с.-д., „искровца“. Не

смотря на расхожденіе въ теоретическихъ вопросахъ, дорогогорцы жили мирной, сплоченной жизнью: неладовъ изъ-за какихъ-либо мелочей или личныхъ несогласій колонія не знала. Наоборотъ, у всѣхъ была одна мысль, одно желаніе взаимной поддержкой облегчить свое существованіе.

Въ сферѣ экономическихъ вопросовъ колонія дѣйствовала по общепринятому всюду образцу: завела кассу и столовую. Въ кассу каждымъ дѣлались отчисленія изъ получавшихся съ родины денегъ и каждый же имѣлъ право брать изъ собиравшихся такимъ образомъ вкладовъ нужную ему сумму денегъ. Никакого контроля не существовало, всѣ относились съ полнымъ довѣріемъ къ честности и искренности побужденій товарища, бравшаго деньги изъ колоніальной кружки. Правительственной субсидіи выдавалось въ Дорогорскомъ по 8 руб. на душу. Въ столовой еженедѣльно дежурилъ одинъ изъ 12 дорогорцевъ по очереди: на его обязанности лежали закупка и выдача провіанта на приготовленіе обѣдовъ. Въ помощники ему колонія назначала сверхъ того дневальнаго дежурнаго, бравшаго на себя всю черную работу на кухнѣ по мытью посуды и уборкѣ стола. Наконецъ, въ завѣдываніи одного изъ ссыльныхъ находился небольшой провіантскій складъ, изъ котораго каждый получалъ все ему необходимое. При такомъ порядкѣ расходы дорогорскихъ колонистовъ замѣтно сокращались; стоимость обѣда изъ двухъ блюдъ не превышала 7—8 коп., наличность же собственнаго склада избавляла ссыльнаго отъ непомѣрной эксплуатаціи мѣстныхъ торгашей.

Одновременно съ интересами желудка не забывались и запросы ума. Съ рабочими усердно велись правильныя занятія: въ программу входили начальные курсы обученія грамотѣ, письму, счету, популярно излагались исторія, политическая экономія, государственное право; читались лекціи по исторіи революціоннаго

движенія въ Россіи и на Западѣ, разъяснялись программы различныхъ революціонныхъ партій, дѣйствовавшихъ въ Россіи. Учителя и ученики относились съ большимъ интересомъ и любовью къ начатому дѣлу; помимо регулярныхъ занятій съ рабочими время отъ времени кто-либо изъ интеллигентовъ писалъ рефератъ и выступалъ съ нимъ передъ колоніей. Одинъ изъ такихъ докладовъ, прочитанный бундовцемъ на тему о тактикѣ и программѣ Бунда, вызвалъ продолжительные и страстные дебаты; въ продолженіе шести дней велись неослабно пренія по вопросу о сепаратистскихъ стремленіяхъ Бунда и его національной политикѣ. Когда не было оригинальныхъ работъ, литературные вечера устраивались съ цѣлью выяснить прочитанное и изложить его въ компилятивной формѣ слушателямъ. Товарищеское согласіе и умѣнье разнообразить ссыльную жизнь живымъ интересомъ къ книгѣ, къ литературнымъ занятіямъ заставляли всѣ остальныя мезенскія колоніи относиться съ уваженіемъ къ дорогорской общинѣ и прислушиваться къ ея голосу, когда на обсужденіе ставился вопросъ, затрагивавшій общеуѣздные интересы ссыльныхъ. Даже дорогорскій урядникъ не разъ открыто выражалъ свое удивленіе умѣнію дорогорцевъ вести дружно и энергично колоніальныя дѣла. Къ выборнымъ отъ колоніи полиція относилась внимательно и считалась съ ихъ полномочіями; такъ, напр., въ одинъ изъ пріѣздовъ въ с. Дорогорское мезенскаго пристава для раздачи ссыльнымъ пособія былъ вызванъ дежурный по столовой. Урядникъ сообщилъ приставу, что онъ не можетъ оставить дежурства, и приставъ долгое время ждалъ его, пока дежурный не освободился отъ своихъ обязанностей.

Обыкновенно дорогорцы сами предупреждали пріѣздъ пристава изъ Мезени и шли всей колоніей въ уѣздный городъ за получкой субсидій; сперва эти путешествія носили характеръ демонстративнаго протеста про-

тивъ оттягиваній полиціей выдачи денегъ, а позднѣе вошли въ обыкновеніе, и та же полиція, которая раньше боролась съ нашествіемъ дорогорцевъ въ Мезень, теперь предупредительно извѣщала ихъ, когда слѣдуетъ являться въ городъ за деньгами.

Единодушіе, съ которымъ принимались дорогорской колоніей всѣ рѣшенія, производило на полицію свое дѣйствіе; съ нимъ она стала особенно считаться послѣ „дѣла о фотографическомъ аппаратѣ". „Дѣло" началось съ запрещенія урядникомъ Шарыгинымъ одному изъ политическихъ ссыльныхъ заниматься фотографированіемъ.

— Вы не имѣете права фотографировать; вотъ „Положеніе"; сами знаете, поднадзорному „содержаніе фотографіи" закономъ воспрещено,—горячился урядникъ.

— Да о какомъ вы тамъ „содержаніи фотографій" толкуете,—протестовалъ фотографъ,—вѣдь всему моему аппарату красная цѣна пять цѣлковыхъ.

— Не могу, не разрѣшу; не отдадите сами, силой отберу,—упорствовало начальство.

И онъ дѣйствительно хотѣлъ примѣнить силу и произвести аттаку на недававшій ему покоя аппаратъ. Но—не удалось. Дорогорцы, узнавъ о готовившемся покушеніи на ихъ единственное развлеченіе, заявили Шарыгину, чтобы онъ оставилъ свои намѣренія, иначе они силой будутъ защищать камеръ-обскуру. Урядникъ отступилъ, и проклятая „труба" по-прежнему гуляла изъ дома въ домъ по селу Дорогорскому.

Не разъ тотъ же урядникъ Шарыгинъ подбивалъ сельчанъ избить „политиковъ".

— И чего вы ихъ не побьете?—говорилъ онъ дорогорцамъ; — отъ начальства за это худо не будетъ, потому—политики; за нихъ не взыщется.

— А съ чего бить-то?—вопрошали крестьяне,—мы себѣ отъ нихъ вреда не видали; живутъ смирно, за квартиры платятъ въ аккуратъ... съ чего же бить?

Въ другой разъ, когда въ с. Дорогорское пріѣхалъ изъ Мезени на побывку политическій Петровъ, Шарыгинъ потребовалъ, чтобы немедленно возвратился обратно. Петровъ не обращалъ вниманія на его требованія и продолжалъ гостить у дорогорцевъ; тогда урядникъ рѣшилъ увезти его изъ села силой и обратился къ крестьянамъ съ просьбой, помочь ему связать политика. Тѣ—отказали. Для политическихъ несговорчивость дорогорскихъ обывателей не была неожиданнымъ сюрпризомъ. Отношенія, которыя установились между ними и ссыльными, исключали возможность избіенія или какихъ-либо насилій надъ политическими; характерной иллюстраціей для нихъ было поведеніе дорогорскихъ крестьянъ въ пріѣздъ жандармовъ изъ Мезени. Одни изъ нихъ ходили по политикамъ и предупреждали о „жандаряхъ", другіе, стоявшіе, какъ „кумовья", особенно близко къ ссыльнымъ, брали у нихъ литературу на храненіе и просили „не безпокоиться". При выѣздѣ политическихъ въ Мезень, тѣ же крестьяне охотно давали лошадей, лодки, иногда ссужали ихъ и деньгами.

Осенью 1904 г. въ Дорогорское прибылъ делегатъ отъ мезенской колоніи и передалъ отъ нея опросный листокъ; возникалъ вопросъ объ организаціи уѣздной мезенской ссылки, и Мезень желала знать, что думала о ней славная своей солидарностью дорогорская община; начались совѣщанія, переговоры; дорогорцы не успѣли, однако, придать проекту конкретныхъ формъ. Tempora mutantur.

Единодушіе и сплоченность дорогорской колоніи, до сихъ поръ блестяще противостоявшія всѣмъ полицейскимъ интригамъ, оказались ненужными, когда амнистія вернула ей свободу. Дорогорцы были свободны: ихъ община, спаянная дотолѣ общей неволей, распалась сама собой, оставивъ по себѣ свѣтлыя воспоминанія.

ГЛАВА XXI.

Городъ Мезень и его колонія политическихъ ссыльныхъ.—„Голодный съѣздъ" политическихъ колоній.— Мезенская „демонстрація".— Бѣгства Дрэпера и Черняка изъ с. Неси. — Жизнь политическихъ одиночекъ по селамъ мезенскаго уѣзда.

Кромѣ г. Мезени и с. Дорогорскаго въ мезенскомъ уѣздѣ по р. Мезени и берегамъ бухты, политическіе ссыльные жили еще въ 10 пунктахъ: Неси, Семжѣ, Долгощельѣ, Койдѣ, Погорѣльскомъ, Юромскомъ, Койнасѣ, Вожгорскомъ, Олемѣ и Усть-Вашкѣ. Въ самой Мезени ссыльныхъ лѣтомъ 1904 г. было 22 человѣка; къ осени того же года, не задолго до амнистіи, колонія увеличилась до 30 человѣкъ.

Уѣздный городокъ Мезень лежитъ у 66° сѣверной широты, въ 40 верстахъ отъ бухты, на правомъ берегу рѣки того же названія. По числу жителей (1938 ч. въ 1903 г.) Мезень занимаетъ 3-е мѣсто среди уѣздныхъ городовъ Архангельской губерніи. Съ 1802 года, когда населеніе этого ничтожнаго городка равнялась 1504 жителямъ, и по 1903 годъ,—т. е. *за цѣлое столѣтіе*, оно увеличилось всего на 434 человѣка, составляя ежегодный приростъ въ 4,3! Эти цифры служатъ достаточно краснорѣчивымъ доказательствомъ неподвижности и застоя въ жизни крайняго сѣвера, гдѣ столѣтія проходятъ, не оставляя по себѣ почти никакого слѣда. Сто лѣтъ тому назадъ мезенцы жили на тѣхъ же мѣстахъ, тѣми же интересами и заботами, занимались тѣмъ же извозомъ, рыболовствомъ и звѣробойствомъ, что и теперь. Единственнымъ пріобрѣтеніемъ за это долгое время были 2 училища да нѣсколько небольшихъ лѣсопильныхъ, смолокуренныхъ и кожевенныхъ заводовъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ города. Лѣтомъ сюда заходитъ изъ Архангельска пароходъ, зимой же санный путь на Пинегу и дальше на Холмогоры тянется берегомъ болотистой рѣки Кулоя

Въ это то мѣсто невозмутимаго покоя ссылкѣ нашего времени суждено было внести оживленную борьбу и непокорный протестъ противъ административнаго беззаконія. Къ сожалѣнію, мезенская колонія представляла собою совершенно обратный типъ дорогорской. Вся она, за исключеніемъ нѣсколькихъ грузинъ соціальдемократовъ, состояла изъ соціалистовъ революціонеровъ, крестьянъ Саратовской и Полтавской губерній. Согласія въ колоніи было мало; споры возникали по самымъ разнообразнымъ поводамъ; столовая, двѣ мастерскихъ, переплетная и столярная, тоже не столько объединяли, сколько разъединяли ссыльныхъ. Клевета и сплетня отравляли общую жизнь, вносили въ нее личную ненависть и озлобленіе. А жить между тѣмъ и безъ того было не легко: спорадически то у одного, то у другого возникала острая нужда въ деньгахъ, обуви, одеждѣ, а помощи отъ колоніи, при наличности взаимной непріязни, никто не ждалъ, да и ждать не хотѣлъ. Отголоски мезенскихъ несогласій доходили и до насъ, архангельцевъ. Въ началѣ уже 1905 г. одинъ изъ мезенскихъ товарищей прислалъ намъ нерадостное письмо, въ которомъ писалъ слѣдующее: „Мнѣ, что ни далѣе, приходится переживать все болѣе трудныя минуты въ экономическомъ отношеніи. Отъ товарища я перебрался на другую квартиру и живу теперь одинъ за 2 руб. въ мѣсяцъ. На мѣсячное пособіе (8 руб.) мнѣ жить слишкомъ трудно, не покрываю всѣ необходимые расходы, а посторонней помощи ни откуда нѣтъ... Помогите моему трудно-безвыходному положенію: черезъ нѣкоторое время рискую потерять всякую одежду; не найдется ли у васъ какихъ-либо, хотя старыхъ, брюкъ и лѣтняго пиджака... Если бы здѣсь у насъ, — добавляетъ авторъ письма,—были чисто товарищескія отношенія между собою, я не сталъ бы обращаться къ вамъ съ такою просьбой“...

Полиція съ своей стороны, видя, что въ мезенской

колоніи идутъ непрерывныя свары, считала ихъ вѣрнѣйшимъ залогомъ своихъ успѣховъ въ дѣлѣ притѣсненія ссыльныхъ. Къ нимъ она относилась грубо, вызывающе. Безнаказанно для себя задерживала выдачу пособій, штрафовала за отлучки, силой расправлялась съ протестовавшими противъ высылки изъ Мезени товарищами, вязала ихъ и въ такомъ видѣ увозила въ сосѣднія села.

Мезень долго терпѣла и покорно сносила подобнаго рода полицейскія безчинства. Но по мезенскимъ се-

Мезенская колонія политическихъ ссыльныхъ.

ламъ, куда исправникъ лѣтомъ 1904 г. пересталъ высылать денежныя суммы для выдачи правительственнаго пособія, шло глухое неудовольствіе. Ѣсть было нечего, заработковъ — никакихъ, кассовыя сбереженія всюду вышли. Тогда было примѣнено послѣднее средство: послѣ соотвѣтственныхъ переговоровъ, въ іюлѣ того же года въ Мезень со всѣхъ концовъ уѣзда съѣхались на „голодный съѣздъ“ почти всѣ политическія колоніи. Отсутствовала лишь Усть-Вашка. Ея делегаты двинулись уже въ путь дорогу, но на полпути ихъ

догналъ урядникъ и, показывая денежную квитанцію, просилъ вернуться обратно за получкой субсидіи. Усть-Вашкинцы вернулись и дѣйствительно немедленно получили кормовыя.

Между тѣмъ въ Мезени съѣздъ продолжался. Въ его совѣщаніи участвовало болѣе 50 политическихъ. Выяснилось, что нѣкоторыя колоніи уже въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не получали правительственныхъ пособій. Рѣшено было черезъ депутатовъ добиваться на аудіенціи у исправника немедленнаго удовлетворенія ихъ требованій. Но тутъ произошло новое и неожиданное qui pro quo. Депутація явилась къ квартирѣ исправника и заявила вышедшему на звонокъ городовому, что желаетъ видѣть свое общее начальство. Городовой отвѣтилъ, что хозяина дома нѣтъ, и передъ носомъ у политическихъ захлопнулъ дверь. Это была завѣдомая ложь, до крайности возмутившая депутатовъ. Послѣ повторныхъ звонковъ, на которые уже болѣе никто не выходилъ, дверь была отворена силой, и политическіе всей гурьбой вошли въ квартиру исправника. Произошла бурная встрѣча. Взбѣшенный хозяинъ вылетѣлъ къ своимъ гостямъ въ полномъ вооруженіи: съ револьверомъ въ одной и шашкой въ другой рукѣ. Слѣдомъ за нимъ, ворвалось нѣсколько городовыхъ. Посыпалась площадная брань, перемѣшанная съ угрозами силой удалить политическихъ. Это не произвело однако желаемаго результата. На брань отвѣчали бранью же, на угрозу дѣйствовать силой заявили, что, до исполненія своего законнаго требованія, изъ квартиры добровольно не выйдутъ. Передъ исправникомъ такимъ образомъ возникла альтернатива: идти на уступки или довести дѣло до конца, сломивъ сопротивленіе депутаціи политическихъ полицейской силой. И онъ выбралъ первый исходъ: имъ было дано не только обѣщаніе выдать завтра пособіе, но въ дальнѣйшихъ переговорахъ онъ призналъ все непри-

личіе и грубость своего поведенія и извинился за него передъ политическими. Деньги были выданы, и инцидентъ для послѣднихъ былъ такимъ образомъ исчерпанъ: исправнику же пришлось еще послѣ того выслушать выговоръ отъ жандармскаго полковника Петровскаго, пріѣхавшаго въ это время изъ Архангельска для разслѣдованія „дѣла о демонстраціи".

„Демонстрація" въ Мезени! Это небывалое для уѣзднаго городка съ 2000 душъ населенія событіе совершилось накапунѣ съѣзда голодныхъ бунтарей. Незадолго до него сюда прибылъ политическій Я. Ф. Дубровинскій, пытавшійся еще раньше по дорогѣ въ Мезень скрыться изъ Пинеги; попытка кончилась для него неудачей, и онъ былъ отправленъ обратно въ распоряженіе мезенскаго исправника. Полиція назначила ему с. Дорогорское. На это назначеніе мезенцы отвѣчали демонстративными проводами уѣзжавшаго товарища. Собралась вся колонія, составили экспромптомъ хоръ, выкинули красные флаги: съ пѣніемъ и возгласами „долой самодержавіе", „долой полицію", мезенскіе колонисты окружили повозку высылаемаго и провожали его такъ до околицы. Обыватели всполошились, пошли разговоры и толки о невиданномъ дотолѣ происшествіи, и исправнику, волей-неволей, пришлось возбудить „дѣло о демонстраціи".

Такимъ то образомъ сплелись эти два почти одновременно возникшія дѣла: о политической демонстраціи и полицейской провокаціи голодныхъ мезенскихъ ссыльныхъ.

* * *

За полярнымъ кругомъ, въ противоположномъ концѣ мезенскаго уѣзда у основанія Канинскаго полуострова пріютилось ничтожное рыбачье селеньице Несь. Всего нѣсколько десятковъ дворовъ. Грязныя небольшія хаты; непривѣтливый, угрюмый народъ. Въ селѣ—разврать,

пьянство и бѣдность. Жители поголовно сифилитики; всякое представленіе не только о гигіенѣ, но и о простой опрятности отсутствуетъ; болѣзнь развивается здѣсь въ ужасныхъ формахъ: у людей гніютъ ноги, руки, но предосторожностей при сношеніяхъ не соблюдается никакихъ; всѣ ѣдятъ, пьютъ изъ одной посуды, живутъ въ одномъ и томъ же помѣщеніи. Инфекція, не находя себѣ отпора, ширится и растетъ, захватывая не только взрослыхъ, но и дѣтей. Климатъ въ этихъ мѣстахъ ужасенъ: зимою къ томящей тьмѣ заполярной ночи присоединяются убійственные по своему холоду вѣтры съ Ледовитаго океана. Ртуть мерзнетъ въ термометрахъ, морозъ обжигаетъ лицо, пульсъ учащается, дыханіе захватываетъ отъ рѣдкаго ледяного воздуха. Жизнь полуискалѣченныхъ сифилисомъ рыбаковъ превращается въ длительную спячку.

Въ эти,—едва ли не единственныя на всемъ Канинскомъ полуостровѣ,—жилыя мѣста лѣтомъ 1904 г. мезенскій исправникъ назначилъ двухъ политическихъ ссыльныхъ Черняка и Дрэпера. Съ перваго же дня по прибытіи на мѣсто поселенія, они увидали, что жизнь въ Неси невозможна. Хозяева квартиры, гдѣ они поселились, оказались зараженными общераспространенной во всемъ поселкѣ болѣзнью; между тѣмъ черезъ ихъ руки проходило рѣшительно все, что требовалось Черняку и Дрэперу. Опасность зараженія была велика, мысль о возможности заполучить болѣзнь неотвязно преслѣдовала ихъ. Къ сифилису присоединялось еще другое, не менѣе тяжелое бытовое условіе въ Неси. Ѣсть помимо рыбы было нечего. Помощи ждать—неоткуда. Оставалось только одно средство избавиться отъ голода, нужды, сифилиса: бѣгство,— во чтобы то ни стало, чего-бы оно ни стоило. И Дрэперъ съ Черякомъ дѣйствительно бѣжали; прошли по тундрѣ пѣшкомъ болѣе 150 верстъ и добрели до Мезени. Но здѣсь ихъ ждала засада; не успѣли они опра-

виться съ дороги, какъ явилась полиція и потребовала обратнаго возвращенія въ Несь. Въ отвѣтъ на отказъ ихъ связали, силой усадили на подводу и отправили снова въ Несь. На полицейское насиліе Дрэперъ съ Чернякомъ отвѣчали повторнымъ побѣгомъ. Каждый разъ по прибытіи въ Мезень, ихъ вязали и возвращали въ Несь, и каждый разъ они уходили отсюда обратно въ Мезень. Огромныхъ усилій стоило имъ преодолѣвать трудности путешествія по дикой безлюдной тундрѣ. Во время третьяго побѣга, они едва не погибли; сбились съ дороги, долго плутали по болоту, иной разъ по поясъ въ водѣ и тинѣ, безъ хлѣба, безъ надежды на человѣческую помощь. Только шумъ моря выручилъ обезсилѣвшихъ путниковъ. Былъ приливъ, и вѣтеръ донесъ до нихъ издали гулъ морскихъ волнъ. Они догадались, что находятся по близости отъ бухты и пошли по направленію къ несшимся звукамъ. Берегомъ дошли до Семжи, а оттуда путь до Мезени былъ знакомъ.

Борьба наконецъ закончилась частичнымъ удовлетвореніемъ требованій Черняка и Дрэпера. Судомъ, къ которому ихъ привлекъ исправникъ за „самовольную отлучку", они были оправданы; рѣдкое исключеніе: даже судья призналъ въ доводахъ подсудимыхъ ссыльныхъ достаточно уважительныя причины для выполненія противозаконнаго побѣга. Несь была замѣнена обоимъ Семжей,—небольшой рыбачьей деревенькой,—верстахъ въ 50 отъ Мезени. Нелегко и здѣсь жилось Дрэперу съ Чернякомъ, но воспоминанія о страшномъ очагѣ сифилитической заразы заставляли терпѣливѣе относиться къ отрицательнымъ сторонамъ жизни на новомъ мѣстѣ поселенія. Послѣ Неси, казалось, легче было переносить и безпричинную предвзятую ненависть темныхъ семжинскихъ сектантовъ *), и суровыя условія климата и природы.

*) Населеніе Семжи большею частью принадлежитъ къ сектѣ австрійскаго толка.

По сосѣдству съ Семжей, въ западномъ направленіи отъ нея, раскиданы по берегу Мезенской бухты рыбачьи поселки: Долгощелье и Койда; по внѣшности и условіямъ жизни эти мѣста ничѣмъ не отличались отъ Семжи. Политическіе, жившіе здѣсь *), проводили, какъ въ тюремной кельѣ, день за днемъ,—однообразно, томительно скучно, не находя себѣ дѣла, не видя ни смысла, ни интереса въ мучительномъ прозябаніи. Сифилисъ свирѣпствовалъ и здѣсь среди населенія, но въ болѣе слабой степени, чѣмъ въ Неси. Однако и изъ Долгощелья въ августѣ 1904 г. сообщали, „что изъ села ушли всѣ семеро ссыльныхъ въ Мезень, не желая рисковать своимъ здоровьемъ. Исправникъ составилъ протоколъ, и дѣло о самовольной отлучкѣ разсматривалось у городского судьи. Судья оправдалъ всѣхъ, но осталось неизвѣстнымъ, были ли возвращены бѣжавшіе обратно въ Долгощелье“.

Праздничнымъ развлеченіемъ считались поѣздки въ Мезень за провизіей. На мѣстѣ не было буквально ничего, хоть шаромъ покати; ни съѣстныхъ, ни мануфактурныхъ лавокъ, ни какой-либо постоянной торговли... Единственнымъ, всегда имѣвшимся въ зимнюю пору продуктомъ, была морская квашеная рыба съ такимъ запахомъ, что пожалуй голодная собака не дотронулась бы до этого лакомаго блюда. Лѣтомъ, въ уловъ питались конечно и свѣжей, болѣе сносной и здоровой рыбой. Только доброжелательныя отношенія между политическими и обывательскимъ населеніемъ въ Койдѣ и Долгощельѣ во многомъ облегчали тягостную жизнь ссыльныхъ; въ обѣихъ деревняхъ имъ охотно давали лошадей или лодки для выѣзда въ Мезень и довѣряли на столько, что, когда политическому Яккерсону потребовалось въ зимнюю пору выѣхать изъ

*) Въ Долгощельѣ—лѣтомъ 1904 г. жило 7, въ Койдѣ 2—3 политическихъ ссыльныхъ.

Койды въ Архангельскъ, обыватели приняли горячее участіе въ его долгомъ путешествіи и ссудили теплую оленью малицу и пимы.

Было и еще нѣсколько селъ въ мезенскомъ уѣздѣ съ политическими ссыльными поселенцами. Таковы: Койнасъ, Юрома, Вожгоры,—все незначительные населенные пункты, лежащіе по берегамъ верхняго и средняго теченія Мезени; жили въ нихъ одиночки и только въ Койнасѣ къ осени 1904 г. насчитывалось нѣсколько человѣкъ. Исторія этихъ мелкихъ колоній была бѣдна внѣшними событіями, она ничего не прибавила къ собранному ссылкой фактическому матеріалу, не дала ни новыхъ формъ ея борьбы съ администраціей, ни оригинальныхъ чертъ въ дѣлѣ собственнаго приспособленія къ условіямъ ссыльной жизни. Но не надо забывать, что подъ исторіей ссылки никогда нельзя разумѣть лишь ту совокупность ея бытовыхъ фактовъ, которые рождены тисками мучительной неволи: не эти тиски сами по себѣ и не тѣ консвульсивныя схватки, которыми сопровождались попытки освободиться отъ нихъ, исчерпывали все содержаніе жизни многострадальной ссылки. Нѣтъ, не только въ голодѣ и холодѣ, не только во всевозможныхъ физическихъ лишеніяхъ и недостаткахъ видѣла ссылка первопричину своего тягостнаго положенія; больше, несравненно больше страдала она отъ той нравственной и психической угнетенности, которая создавалась ея безправнымъ арестантскимъ положеніемъ, душила всѣхъ, безъ исключенія, ежечасно и ежеминутно; и если въ крупныхъ колоніяхъ эта сторона нашего существованія смягчалась отчасти товарищескимъ общеніемъ, товарищеской жизнью и поддержкой, то въ такихъ селахъ, какъ Юрома, Вожгоры, гдѣ жили отрѣзанные отъ всего и всѣхъ политическіе-одиночки, ихъ душевныя муки не находили себѣ ни исхода, ни облегченія. Жизнь одиночекъ была жизнью въ самомъ себѣ, жизнью оди-

нокаго затворника; ихъ исторія—была исторіей тюремной камеры, затаившей въ своихъ молчаливыхъ стѣнахъ глухіе стоны страдальца-узника...

Пинежскій уѣздъ.

ГЛАВА XXII.

Этапный путь на Пинегу. — Г. Пинега и пинежская колонія политическихъ ссыльныхъ. - Ссыльные крестьяне. —Организація пинежской колоніи.—Заработки ссыльныхъ.

Двѣнадцать сутокъ длится зимой этапное путешествіе отъ Архангельска до г. Пинеги. Медленно подвигается колонна ссыльныхъ; пѣшкомъ бредутъ усталые уголовные, шагомъ вслѣдъ за ними тащатся подводы съ политическими; по бокамъ, во главѣ и сзади колонны, идетъ конвой. 213 верстъ отдѣляютъ Архангельскъ отъ Пинеги; разстояніе это этапъ проходилъ въ два пріема; сперва шли до г. Холмогоръ, здѣсь дѣлался роздыхъ на два, на три дня, а потомъ доходили, безъ долгихъ остановокъ по станціямъ, до мѣста назначенія. Пинега была предѣльнымъ пунктомъ конвоировавшихся вооруженной силой этаповъ; дальше ѣхали уже подъ охраной десятскихъ, или самостоятельно, безъ всякаго надзора. Зимой этапъ передавался, отъ станціи до станціи, на крестьянскихъ подводахъ, лѣтомъ же передвигался на баржахъ, вверхъ по р. Пинегѣ. Плаваніе длилось недѣлями; баржи тащили бичевой, и, при противномъ вѣтрѣ, при частыхъ дождяхъ, сырости и невылазной грязи, путешествіе превращалось въ мучительно долгое испытаніе. На четвертую недѣлю достигали Пинеги; издали, съ рѣки виднѣлась высокая колокольня собора, и краснымъ пятномъ на сѣромъ фонѣ бревенчатыхъ построекъ выдѣлялась крыша казармъ. Городокъ расположенъ на высокомъ правомъ берегу, растянувшись длинной линіей вдоль р. Пинеги. Въ немъ—124 жилыхъ дома, больница, три церкви и нѣ-

сколько лавокъ; жителей не насчитывается и тысячи. Всякое городское благоустройство отсутствуетъ; годовой бюджетъ упрощеннаго самоуправленія составляетъ нѣсколько десятковъ рублей, изъ которыхъ три рубля удѣляются на освѣщеніе улицъ.

Тѣмъ не менѣе ссыльный, попадавшій въ Пинегу долженъ былъ считать свое положеніе несравненно болѣе благопріятнымъ, вспоминая объ участи товарищей, жившихъ по селамъ уѣзда. Въ сравненіи съ ними,

Этапъ въ пути.

Пинега была надѣлена большими преимуществами: въ ней было нѣсколько лавокъ, людная колонія политическихъ, знакомства въ средѣ обывателей. Еще съ 60-хъ годовъ пинежскій уѣздъ былъ отведенъ подъ политическую ссылку. Сперва польскіе повстанцы, затѣмъ дѣятели „Народной Воли“ и, наконецъ,—послѣдняго революціоннаго движенія отбывали здѣсь послѣдовательно ссылку. Здѣсь же жилъ одно время беллетристъ Серафимовичъ, здѣсь родился и С. Балмашовъ.

Съ 1903 г., когда въ Пинегу прибылъ первый ссыльный рабочій Петровъ, пинежская ссылка разрослась къ серединѣ 1904 г. до 40—45 человѣкъ.

По составу она была одной изъ наиболѣе разнообразныхъ; рабочіе въ ней преобладали: человѣкъ пять было крестьянъ, высланныхъ изъ Саратовской губ. за погромы помѣщичьихъ усадьбъ, остальные приходились на долю интеллигентовъ. Среди этихъ 40—45 политическихъ, лишь очень немногіе считали себя убѣжденными сторонниками той или иной революціонной партіи: большинство причисляло себя просто къ революціонерамъ, затрудняясь въ болѣе точномъ опредѣленіи своихъ теоретическихъ и политическихъ взглядовъ. Совершенно особо стояли ссыльные крестьяне; это были безсознательные бунтари, въ которыхъ бродило и преобладало революціонное настроеніе,—люди, чувствовавшіе на себѣ невыносимую тяжесть жизни, но не понимавшіе, съ чего надо было начать, какъ слѣдовало преобразовать ее на новый ладъ. Сознательности въ нихъ было мало; не разъ въ разговорахъ съ ними товарищамъ изъ рабочихъ или интеллигентовъ приходилось выслушивать вздорныя мысли, не вязавшіяся съ ихъ положеніемъ ссыльныхъ революціонеровъ; они дѣлили, напр., весь народъ на три группы: 1) на крестьянъ или, какъ они выражались, „настоящій народъ", 2) на „рабочихъ—бунтовщиковъ" или „измѣнщиковъ" и 3) „антиллигенцію",—при чемъ понятіе „интеллигентъ" смѣшивалось съ понятіемъ „баринъ". Отсюда возникали иногда нелѣпые казусы: однимъ изъ нихъ былъ отмѣченъ день 19 февраля. Утромъ въ колоніальную столовую, гдѣ обѣдало большинство политическихъ, явились одѣтые по-праздничному крестьяне и потребовали съ „антиллигентовъ" на водку.

— У насъ нонче праздникъ,—говорили крестьяне,— надо бы съ васъ на чаекъ.

Обѣдавшихъ ссыльныхъ это требованіе до крайно-

сти удивило: пытались было объяснить, что де праздникъ для всѣхъ одинъ, что они такіе же ссыльные, какъ и всѣ остальные, но крестьяне стояли на своемъ и ушли недовольные отказомъ, обругавъ „антилигентовъ жадинами“.

— Какіе же вы господа послѣ этого,—говорили они:—вотъ у насъ на деревнѣ сынъ земскаго былъ,—баринъ, какъ баринъ; двѣ деревни споилъ, на ноги не могли подняться; это, что говорить, отпраздновали...

Въ виду неразвитости крестьянъ въ колоніи не разъ пробовали установить съ ними занятія; занималась М. Н. Логачева, учила ихъ грамотѣ, читала исторію. Къ разсказамъ по исторіи крестьяне относились съ большимъ интересомъ, но грамота не шла, и ее пришлось на время оставить. Благодаря малоразвитости отъ колоніи они держались обособленно. Лѣтомъ уходили на сплавъ лѣса по р. Соткѣ, получая за сплавъ плота въ 75 бревенъ до устья по 10 рублей, а весной и осенью занимались ловлей семги, для чего колонія на общія сбереженія пріобрѣла для нихъ рыболовныя снасти.

Пока колонія была малочисленна, функціи ея отличались простотой и незначительностью. Касса и столовая поддерживались въ эмбріональномъ состояніи: при получкѣ денегъ каждый отчислялъ 5% съ рубля, и общая сумма развёрстывалась въ концѣ мѣсяца поровну между всѣми членами колоніи; въ столовой готовилъ обѣды политическій Н. Н. Михеевъ; два блюда оцѣнивались въ 8—9 копѣекъ. Съ увеличеніемъ колоніи, организація раздвинула свои рамки и приняла на себя болѣе сложныя отправленія. Было снято особое помѣщеніе для столовой, читальни и общихъ собраній: мѣсто Михеева занялъ политическій, поваръ по профессіи: съ цѣлью удешевить обѣды колонія рѣшила покупать коровъ на убой съ тѣмъ, чтобы часть туши оставлять себѣ, а часть продавать обывателямъ. При всемъ томъ стоимость обѣдовъ въ 10—15 коп. вы-

вала нареканія со стороны рабочихъ; правленіе столовой установило тогда двухразрядные обѣды въ 6 и 12 коп., но этой мѣрой еще болѣе возбудило неудовольствіе. „Раньше,—говорили рабочіе,—у насъ была товарищеская столовая, а теперь ресторанъ. У кого денегъ много, тому и ѣсть можно много“.

Этими разговорами дѣлался намекъ на нѣкоторыхъ изъ наиболѣе достаточныхъ интеллигентовъ. Въ колоніи и безъ того не разъ возникали споры о „рабочихъ и интеллигенціи“, и почти всегда на почвѣ матеріальныхъ интересовъ. Рабочіе считали, напр., несправедливымъ для себя отчисленіе въ кассу 5% съ денегъ, заработанныхъ ими въ колоніальныхъ мастерскихъ. „Вы,—упрекали они интеллигентовъ,—вносите пятакъ съ казеннаго рубля, а мы со своихъ трудовыхъ, съ выработанныхъ“.

Въ Пинегѣ очень порядочно были устроены столярная и кузнечно-слесарная мастерскія; въ обѣихъ имѣлись верстаки, въ кузнечной стоялъ горнъ, были всѣ необходимые инструменты. Инвентарь брали на выплату,—по 5 рублей въ мѣсяцъ,—у мѣстнаго купца Зыкова. Въ столярной дѣлали шкафы по заказу аптеки, въ кузнечно-слесарной ковали лошадей, чинили ружья, шарабаны, лудили самовары; въ удачные дни вырабатывали иногда три рубля и больше; въ общемъ же при ежемѣсячной разверсткѣ на работника приходилось около 10 рублей. Независимо отъ этого отдѣльные ссыльные находили заработокъ по окрестнымъ деревнямъ; слесарь Петровъ чинилъ швейныя машины, Розановъ—рабочій изъ Иванова-Вознесенска—вставлялъ стекла, малороссъ рабочій Мозеръ открылъ въ Пинегѣ первую парикмахерскую. Его rasir-salon посѣщало все пинежское чиновничество и онъ недурно зарабатывалъ, получая 35—40 рублей въ иные мѣсяцы. На волѣ Мозеръ не былъ профессіональнымъ брадобрѣемъ и выучился этому ремеслу въ тюрьмѣ, практикуясь на

непритязательныхъ головахъ уголовныхъ арестантовъ. Какъ человѣкъ, онъ отличался страстью философствовать и крайней разсѣянностью; благодаря этимъ двумъ качествамъ онъ однажды едва не зарѣзалъ въ своей цирульнѣ пришедшаго къ нему бриться инспектора народныхъ училищъ; замечтавшись надъ головой посѣтителя, Мозеръ полоснулъ ему бритвой физіономію, да такъ, что кровь хлынула въ три ручья. Парикмахеръ и инспекторъ страшно растерялись, но не успѣлъ еще гость подняться съ мѣста, какъ находчивый цирульникъ схватилъ бутыль съ крѣпкой уксусной эссенціей и вылилъ ее содержимое на кровоточившую рану. Инспекторъ взревѣлъ и, какъ былъ безъ шапки и въ крови, бросился вонъ изъ „салона“ Мозера.

— Удивительно,—добродушно философствовалъ потомъ Мозеръ,—я никогда не слыхалъ, что бы такъ могъ кричать человѣкъ...

Когда устроилось дѣло съ заработками, и были основаны столовая, касса, мастерскія и читальня, организаціи придали болѣе постоянную форму; теперь она носила названіе „комитета по обще-колоніальнымъ дѣламъ“,—въ отличіе отъ „революціоннаго комитета“, о которомъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ очерковъ. Въ комитетъ входило: трое представителей отъ колоніи, сносившихся съ администраціей по всѣмъ дѣламъ, касавшимся ссылки, секретарь, кассиръ, завѣдующій столовой и судья, фигурировавшій въ качествѣ суперъ-арбитра на всѣхъ разбирательствахъ товарищескихъ столкновеній. Была сверхъ того мысль снять участокъ земли подъ колоніальные огороды, но, за исключеніемъ ссыльнаго Михеева, любителей огородничества въ колоніи не нашлось. Обыватели Пинеги, на глазахъ у которыхъ жила колонія ссыльныхъ, относились къ ея начинаніямъ съ большимъ интересомъ; ссыльные же, съ своей стороны, многому научили пинежанъ: показали имъ, какъ работать косой вмѣсто

неудобныхъ и неуклюжихъ „горбушъ“, демонстрировали разведеніе овощей на огородѣ Михеева, исправляли ружья, посуду. Результатомъ этихъ сношеній съ обывательскимъ міромъ явилось довѣріе и кредитъ колоніи у мѣстныхъ купцовъ. Временами однако дружелюбныя отношенія нарушались,—съ одной стороны, подъ вліяніемъ агитаціи пинежскаго духовенства, а съ другой благодаря революціонной агитаціи пинежскаго комитета. То и другое доказывало, что пинежскій обыватель былъ далекъ отъ истиннаго пониманія положенія политическихъ и цѣнилъ въ нихъ не революціонныхъ дѣятелей, а полезныхъ участниковъ въ своемъ мирномъ трудѣ.

ГЛАВА XXIII.

Пинежскій революціонный комитетъ.—Агитація противъ политическихъ.—Бѣгство Лелашвили и Юстуса.—„Болотные кулики“.—Эмигранты въ самоѣдскихъ чумахъ.—Колоніи ссыльныхъ по селамъ уѣзда.—Заключеніе.

Пинежскій „революціонный комитетъ“ дѣйствовалъ самостоятельно отъ комитета общеколоніальнаго. Дѣятельность его состояла, главнымъ образомъ, въ стремленіи заронить искру сознанія въ мѣстное населеніе, пробудить его отъ спячки, помочь разобраться въ революціонномъ движеніи, охватившемъ собою всю Россію. Съ этой цѣлью, время отъ времени, въ Пинегѣ и по окрестнымъ селамъ распространялись агитаціонные листки на самыя разнообразныя темы, за подписью „группы ссыльныхъ“. Первая прокламація была посвящена войнѣ и предназначалась для запасныхъ: населеніе встрѣтило листокъ враждебно и, вмѣсто сочувствія, выказало явное желаніе избить его авторовъ. Полиція не дремала и повела въ свою очередь агитацію, заставивъ нѣкоторыхъ изъ домохозяевъ отказать политическимъ

отъ квартиры. Одновременно съ полиціей, усердно дѣйствовалъ „попъ Александръ“, въ своихъ проповѣдяхъ „о врагахъ внѣшнихъ и внутреннихъ“ вымѣщая на ссыльныхъ ихъ обличенія въ чрезмѣрномъ корыстолюбіи. Политическіе на броженіе въ населеніи отвѣчали новыми листками. Выпущены были прокламаціи на темы: „кто такіе политическіе, и за что ихъ гонятъ въ ссылку“ „за что долженъ умирать русскій солдатъ“ и еще два листка, освѣщавшія военныя событія на Востокѣ. Въ концѣ концовъ, агитація имѣла свои результаты: завелись связи въ самомъ городѣ, и на подгороднемъ лѣсопильномъ заводѣ, нашлись люди, изъявившіе желаніе заниматься подъ руководствомъ политическихъ.

Это явленіе отмѣчало, между прочимъ, письмо, присланное ссыльнымъ въ началѣ 1905 г. изъ пинежскаго села Карпогорскаго. „Въ связи съ послѣдними событіями во внутренней Россіи,—говорилось въ немъ—окружающее насъ населеніе стало гораздо лучше относиться къ намъ, и во многихъ селеніяхъ, гдѣ находятся политическіе ссыльные, многіе стали вполнѣ сознательно сочувствовать совершающемуся движенію въ Россіи.

„Со стороны администраціи же замѣчаетъ онъ дальше,—наоборотъ, противъ насъ предпринимается рядъ репрессій“

Клевета и доносъ, а затѣмъ выселеніе въ глухія села уѣзда—такова была въ большинствѣ случаевъ форма этихъ репрессій. Бывало, впрочемъ, и такъ, что политическимъ удавалось уличить во лжи добровольныхъ кляузниковъ, въ большинствѣ вербовавшихся изъ уѣзднаго духовенства. Встрѣчи происходили случайно во время отлучекъ ссыльныхъ изъ Пинеги. Рабочій Розановъ, наприм., ходилъ по окрестнымъ селамъ и вставлялъ оконныя стекла. Урядникъ одной изъ деревень, въ которой бывалъ политическій стекольщикъ, долго терпѣлъ его присутствіе и разговоры съ крестьянами; наконецъ, чтобы избавиться отъ нелегальнаго

гостя, онъ сталъ распространять по селу слухъ, что Розановъ вставляетъ въ окна зажигательныя стекла, и, въ доказательство своихъ словъ, демонстрировалъ ихъ дѣйствіе имѣвшейся у него лупой. Крестьяне готовы были уже повѣрить его словамъ и, вмѣстѣ съ чудодѣйственными стеклами, уничтожить самого „поджигателя". Дѣло—ясное: на ихъ глазахъ отъ стекла загоралась бумага, спичка, тлѣла лучина! Урядникъ былъ доволенъ, что сумѣлъ такъ ловко скомпрометировать политическаго въ мнѣніи населенія. Но, въ одинъ изъ приходовъ Розанова, его тактика была внезапно уничтожена вмѣшательствомъ запасного матроса.

— Вотъ ты говоришь, будто стекла у насъ не простыя, а поджигательныя; да вѣдь твое сколько стоитъ?—неожиданно спросилъ матросъ урядника.

— Мое? — Мое — дорогое, всбахвалился полицейскій,—2 рубля за него плачено...

— То то и дѣло, что два; а мы по гривеннику платимъ, да эво какія получаемъ!

Диспутъ былъ законченъ пораженіемъ проговорившагося урядника.

Въ самой Пинегѣ городовые вели себя по отношенію къ политическимъ гораздо скромнѣе. Спеціально для надзора за ними, къ несенію полицейскихъ обязанностей были привлечены 4 мѣстныхъ обывателя. На квартиры для справокъ о ссыльныхъ они являлись обыкновенно либо раннимъ утромъ, когда квартирантъ еще спалъ, либо въ его отсутствіе. Ихъ трусость превосходила всякія границы. Сами они не скрывали ея и чистосердечно разсказывали, что «мы, какъ услышимъ, что гдѣ либо неладно, сейчасъ на огороды, кто куда, попрячемся». Такъ радѣли политическіе полисмены объ общественной безопасности!

О той же рѣшительности свидѣтельствуетъ письмо ссыльнаго изъ с. Карповой Горы, изображающее картину насильственнаго выдворенія изъ села политиче-

скихъ. „Нѣсколько времени тому назадъ, — сообщаетъ онъ,—на квартиру одного изъ нашихъ товарищей, куда мы всѣ собрались, явился урядникъ съ двумя стражниками и многими крестьянами и потребовалъ немедленнаго отъѣзда трехъ изъ насъ. Въ случаѣ отказа они грозили вязать. Единогласно мы рѣшили, что никто отсюда не тронется. Нѣсколько разъ они приступали къ намъ, но каждый разъ, видя занятое нами угрожающее положеніе, отступали. Въ продолженіе *трехъ* часовъ они канителились у насъ на квартирѣ, и кончи-

Пинежская колонія политичесихъ ссыльныхъ.

лось тѣмъ, что, составивъ протоколъ о сопротивленіи властямъ, отправились во-свояси“.

Въ Пинегѣ, гдѣ въ обычное время полиція вела себя сдержанно по отношенію къ политическимъ, зимой 1903 г. дѣло едва не дошло до вооруженнаго сопротивленія. Прологомъ къ столкновенію послужилъ отказъ политическаго Лелашвили выѣхать изъ Пинеги для дальнѣйшаго слѣдованія на Печору. Въ колоніи рѣшеніе Лелашвили поддержало большинство товарищей, заявивъ исправнику, что не выдадутъ его до-

бровольно. Квартиру, гдѣ жилъ высылаемый, постановлено было, въ случаѣ надобности, забаррикадировать и защищаться съ оружіемъ въ рукахъ. Дѣло принимало дурной оборотъ: исправникъ Бѣлявскій, не желая доводить его до кровавой развязки, очень прозрачно намекалъ, что лучшимъ выходомъ для обѣихъ сторонъ было бы бѣгство Лелашвили изъ ссылки. Исторія закончилась самымъ неожиданнымъ для полиціи образомъ; Лелашвили рѣшилъ уѣхать на Печору, узнавъ, что мысль о вооруженномъ сопротивленіи расколола пинежскую колонію на-двое.

Энергичный, горячій и рѣшительный, онъ и тамъ не долго оставался и скрылся, несмотря на крайне тяжелыя условія затѣяннаго побѣга. Изъ с. Усть-Цыльмы онъ бѣжалъ по чужому паспорту, избравъ путь на Вологду. Уже на самой границѣ Архангельской губ. Лелашвили задержали на одной изъ почтовыхъ станцій: ждали проѣзда станового и частному лицу лошадей не давали. Лелашвили, не желая подвергать себя лишній разъ риску быть опознаннымъ, энергично настаивалъ на выдачѣ лошадей; возникли крупныя пререканія, хозяинъ станціи пригласилъ урядника, а тотъ потребовалъ предъявленія паспорта; паспортъ показался ему подозрительнымъ, и онъ произвелъ личный обыскъ проѣзжающаго. Все дѣло погубила ничтожная бумажка: въ карманѣ былъ найденъ старый рецептъ на имя разыскиваемаго Лелашвили! Послѣдовалъ арестъ и обратное путешествіе въ Пинегу.

Въ Пинегѣ все остальное время Лелашвили пробылъ въ качествѣ политическаго рядового. Ему надо было отбывать воинскую повинность и, до назначенія мѣста службы, пинежскій воинскій начальникъ оставилъ его въ мѣстныхъ казармахъ. Встрѣчи Лелашвили съ капитаномъ носили курьезный характеръ. Лелашвили называлъ своего начальника не иначе, какъ „господиномъ капитаномъ“; капитанъ требовалъ, чтобы

тотъ называлъ его „вашимъ благородіемъ": вмѣсто этого онъ былъ произведенъ въ „ваше превосходительство". Капитанъ снова протестовалъ противъ чрезмѣрнаго повышенія въ чинѣ: тогда Делашвили рѣшительно заявилъ ему: „называлъ я тэбя господиномъ капитаномъ,—не хочэшь быть господиномъ, будэшь просто капитанъ" и съ этого времени сталъ звать его „просто капитаномъ". Позднѣе, будучи переведенъ въ г. Вѣрный, онъ бѣжалъ отъ военщины съ Кавказа.

Въ пинежской же колоніи жилъ рабочій К. Юстусъ изъ Казани. До Пинеги Юстусъ побывалъ на Печорѣ, куда былъ высланъ въ наказаніе за попытку бѣжать съ дороги во время слѣдованія въ Архангельскъ. Какъ и Делашвили, онъ былъ арестованъ въ тотъ моментъ, когда считалъ себя уже свободнымъ человѣкомъ. По паспорту, съ которымъ скрылся Юстусъ изъ Нижняго-Новгорода, онъ долженъ былъ разыграть изъ себя глухо-нѣмого: весь путь съ Волги до западной границы онъ проѣхалъ благополучно, но на границѣ женщина, сопровождавшая его въ качествѣ жены, не выдержала волненія и разрыдалась. Юстусъ, — глухо-нѣмой по паспорту,—неожиданно для стражи, сталъ утѣшать ее: проговорился въ буквальномъ смыслѣ этого слова! Разумѣется, что, послѣ такого внезапнаго исцѣленія, его постигъ арестъ и высылка сперва въ Архангельскъ, а оттуда въ глухое село Усть-Ижму, гдѣ онъ едва не погибъ отъ катарра желудка.

Побѣги изъ пинежской ссылки бывали довольно часты и проходили за рѣдкими исключеніями всегда успѣшно. Наиболѣе удобнымъ временемъ для исчезновенія считалось время освобожденія ссыльныхъ съ этапа. Этапъ приходилъ обыкновенно каждую субботу: приходившихъ, послѣ переклички, выпускали на волю, и они гостили въ Пинегѣ дня два—три, пока не высылались дальше въ Мезень и на Печору. Комитетъ

опрашивалъ вновь прибывавшихъ и, если находилъ причины, выставляемыя кандидатомъ эмиграціи, достаточно основательными, скрывалъ его, выдерживалъ извѣстное время въ конспиративномъ помѣщеніи и затѣмъ отправлялъ тѣмъ или другимъ способомъ во внутреннюю Россію. Подробно о такихъ побѣгахъ мною разсказано въ особой главѣ „объ эмиграціи“, здѣсь остановлюсь лишь на эпизодѣ съ, такъ называемыми, „болотными куликами“.

Такъ окрестила пинежская колонія трехъ политическихъ, скрывшихся съ дороги, при слѣдованіи на Мезень. Не успѣла ихъ партія въ 16 человѣкъ прибыть на первую за Пинегой станцію, какъ крестьяне категорически отказались дать подводы подъ политическихъ; десятскіе, сопровождавшіе ссыльныхъ, бросили ихъ на произволъ судьбы и поѣхали обратно въ Пинегу доносить исправнику о крестьянскомъ бунтѣ. Ссыльные, оставшись безъ конвоя, рѣшили въ первую минуту бѣжать всѣмъ шестнадцати; но успокоившись, бросили жребій и дали возможность скрыться лишь троимъ, передавъ имъ всѣ деньги, полученныя отъ пинежской колоніи. Положеніе скрывшихся было незавидно; ни дорогъ, ни мѣстности они не знали; единственно, что было извѣстно, это то направленіе, въ которомъ лежала Пинега; и такъ, рѣшили идти напрямикъ, разсчитывая добраться до города.

Подъ Пинегой, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея, двое попали въ болото и стали тонуть; третій, грузинъ, кое-какъ выбрался на дорогу и поднялъ на ноги всю колонію.

— Спасайте! Сидятъ на болотѣ,—могъ только произнести онъ, донося о несчастіи, постигшемъ „болотныхъ куликовъ“.

Спасти удалось всѣхъ; долго всѣ трое сидѣли въ Пинегѣ, пока двоихъ изъ нихъ не освободили, третій же по собственному желанію уѣхалъ обратно въ ссылку.

Не всѣмъ, конечно, давалось освобожденіе изъ ссылки такъ просто, какъ это было съ „болотными куликами“. Бывали отчаянные случаи побѣговъ; нѣкоторые рѣшались проходить путь до Архангельска пѣшкомъ мало извѣстной кому болотистой тундрой. Во время такихъ передвиженій по тундрѣ, у политическихъ, сопровождавшихъ эмигранта до самоѣдскихъ чумовъ, завязывались съ кочевавшими самоѣдами знакомства. Сѣверную тундру зналъ только кочевникъ—самоѣдъ, лишь ему одному были извѣстны ея болота,

Самоѣдскія юрты зимою. — На привалѣ.

лѣса, рѣки, которые приходилось проходить эмигранту. Знакомствомъ такимъ, слѣдовательно, надо было дорожить и поддерживать его въ пріѣздъ самоѣдовъ въ Пинегу. Чаще всего гость—самоѣдъ, навѣдывавшійся къ политическому, удовлетворялся угощеніемъ и наѣдался, какъ дикарь, до отвала. Въ одно изъ такихъ посѣщеній самоѣдъ выпилъ 16 стакановъ кофе, съѣлъ неимовѣрное количество хлѣба и запилъ все это такой же внушительной порціей чая. Наоборотъ, когда пинежскимъ ссыльнымъ приходилось бывать въ тундрѣ

у какого либо самоѣда „Микишки“, гость и хозяинъ пролѣзали на четвереньках въ отверстіе чума и проводили время за бесѣдой въ его грязномъ вонючемъ помѣщеніи.

— Вотъ это нашъ богъ а это—вашъ, занималъ Микишка политическаго, показывая двѣ, одинаково импонировавшія ссыльному, деревяшки: одна представляла простой чурбанъ,— то былъ грозный богъ самоѣда, другая имѣла форму доски съ обозначеннымъ на ней треугольникомъ, вершиной внизъ; въ самомъ треугольникѣ просверлены были два отверстія, обозначавшія глаза, и одно пониже—ротъ; таковъ былъ образъ Христа въ представленіи этого сознательнаго сына православной церкви.

Эмигрантовъ самоѣды соглашались сопровождать не иначе, какъ за деньги или оружіе: съ большимъ удовольствіемъ принималась водка, къ которой они чувствуютъ особую слабость; бывало, что въ пріѣздъ на пинежскую ярмарку самоѣды напивались до безчувствія не только сами, но поили женъ и даже грудныхъ дѣтей. Въ сопровожденіи такого то дикаря пробирался эмигрантъ по дикимъ лѣсамъ и мшистымъ топямъ пинежской тундры: то погружаясь по поясъ въ тину, то взбираясь по крутымъ алебастровымъ хребтамъ, то съ трудомъ продираясь сквозь дремучую чащу заросшихъ дичью и заваленныхъ валежникомъ лѣсовъ, шелъ онъ за своимъ вожатымъ, находя себѣ облегченіе въ вѣрѣ въ свои силы и утѣшая близостью освобожденія.

Но случилось однажды такъ, что самоѣдъ бросилъ въ пути своего спутника эмигранта К—ля, оставивъ его среди бездорожнаго болота. Только случай избавилъ предательски покинутаго политическаго отъ неминуемой гибели. Долго бродилъ онъ по тундрѣ, выбиваясь изъ силъ, борясь съ охватившимъ его настроеніемъ неувѣренности и безпомощности, пока не на-

брелъ на одинокую избушку отшельника старовѣра; тотъ пріютилъ у себя на время К—ля и помогъ пройти остальныя 60 самоѣдскихъ верстъ, держась рубленыхъ вѣтокъ.

Въ противоположномъ районѣ отъ этихъ пустынныхъ, знакомыхъ лишь дикимъ инородцамъ да отважнымъ политическимъ эмигрантамъ, мѣстъ раскидано по берегамъ р. Пинеги нѣсколько селъ, въ которыхъ изнывали политическіе ссыльные. Таковы: Карпова и Труфонова Горы, Сура, Уквенга, Веркольскъ и Кулой. Въ общемъ здѣсь было разселено до 50 человѣкъ ссыльныхъ, такъ что во всемъ уѣздѣ цифра ихъ колебалась отъ 90 до 100. Убійственно тоскливое существованіе влачили эти 50 человѣкъ,—въ большинствѣ рабочіе, сидя въ такихъ углахъ, какъ Уквенга, Сура, Кулой. Въ Сурѣ политическіе нашли для себя способъ проводить время; лѣтомъ и осенью они собирали въ большомъ количествѣ клюкву, морошку и продавали ихъ на пинежской ярмаркѣ. Били дичь и тоже сбывали въ уѣздный городъ; за хлѣбомъ и мясомъ наѣзжали въ Пинегу, ибо въ деревняхъ въ продажѣ была лишь гнилая, по здѣшнему „кислая“, рыба; въ Уквенгѣ существовала единственная мелочная лавка, въ которой было больше грязи и вони, чѣмъ товара. Зимой, когда наступали мракъ и такіе морозы, „что снять рукавицы въ пути и исправить сбрую, считалось для ямщика подвигомъ“, политическіе коченѣли по своимъ хатамъ; у иныхъ утрами въ комнатѣ мерзла вода и зубъ на зубъ не попадалъ отъ смертельнаго холода.

Такъ жилось ссылкѣ въ пинежскихъ захолустныхъ деревенькахъ: повторялась одна и та же картина,—картина полуголодной жизни, безцѣльной, безсмысленной, жестокой въ своемъ воздѣйствіи на душу и умъ сославшихся сюда революціонеровъ.

Воспоминаніями о жизни ссыльныхъ пинежанъ мы заканчиваемъ очерки изъ исторіи архангельской ссылки. Читающій ихъ не найдетъ ничего, что могло бы быть названо сенсаціоннымъ; въ нихъ нѣтъ того яркаго, ошеломляющаго умъ и чувство драматизма, которымъ не разъ приковывала къ себѣ всеобщее вниманіе исторія сибирской каторги и ссылки. Архангельская ссылка и ея исторія не знала ужасовъ кровавыхъ расправъ и жестокостей Якутки, на ея страницахъ не мелькаетъ страшныхъ своимъ режимомъ рудниковъ Акатуя; но за всѣмъ тѣмъ и на ея долю довольно выпало борьбы, страданій и горя; на всемъ пространствѣ громаднаго края,—отъ заполярнаго Александровска и до печорскаго Балабана, отъ Архангельска и до ничтожной деревушки Усть-Ваги,—велась, изъ года въ годъ, эта борьба закабаленной насиліемъ ссылки съ администраціей, съ тьмой населенія, съ дикостью арктической природы, съ голодомъ и холодомъ безлюдныхъ пустынь.

Если ссылка не падала духомъ, если она жила какой-либо надеждой, если въ ея борьбѣ надъ отчаяніемъ брали всегда верхъ стойкость и мужество ея участниковъ, то этимъ она была обязана не меньшему героизму борцовъ за освободительное движеніе во внутренней Россіи.

Ссылку никогда не покидала мысль о близкомъ спасеніи родины, ссылка радостно привѣтствовала изъ своихъ далекихъ мѣстъ заточенія каждый шагъ, каждый успѣхъ въ натискѣ революціонныхъ массъ народа на отжившій свой вѣкъ режимъ. Даже болѣе: она съ гордостью признавала, что плѣнные абсолютизма въ его борьбѣ съ революціей будутъ залогомъ ея конечной побѣды!

„Есть времена, есть цѣлые вѣка,
„Въ которые нѣтъ ничего желаннѣй,
„Прекраснѣе—терноваго вѣнца"!..

Эмиграція въ ссылкѣ Архангельской губерніи.

> „...Воля и вѣра провозглашались во всѣ времена величайшими силами природы и человѣчества; въ насъ живетъ вѣра въ справедливость нашего дѣла, въ правду нашихъ принциповъ, въ вѣчность нашихъ догматовъ,—намъ ли не достаетъ воли“?..
>
> *Прудонъ.*

„Порвать цѣпи неволи и броситься въ омутъ бурной революціонной жизни“—вотъ мысль, которая ни на минуту не оставляла человѣка, попадавшаго въ тюрьму, каторгу, ссылку. Подъ звонъ тяжелыхъ цѣпей, за глухой стѣной тюремнаго застѣнка, въ глубокихъ, мрачныхъ шахтахъ каторги или отдаленнѣйшихъ поселкахъ тайги и тундръ свѣтлой точкой мерцалъ передъ глазами невольника абсолютистскаго деспотизма лучъ утраченной имъ золотой свободы. Мысль о ней никогда не покидала узника; онъ жилъ ею, онъ лелѣялъ ее въ своихъ мечтахъ, воспоминаніяхъ, надеждахъ, онъ страдалъ и боролся за нее, утѣшая себя вѣрой въ грядуще освобожденіе; онъ умиралъ, наконецъ, въ оковахъ насилія и передъ концомъ своимъ неустрашимо призывалъ товарищей къ борьбѣ за свободу.

„Никогда ни одна капля силы не пропадала въ мірѣ,—писалъ передъ своей казнью повѣшенный въ Якутскѣ въ 89 г. Бернштейнъ—не пропадетъ, стало быть, и жизнь человѣческая задаромъ; никогда не надо

горевать о ней! Оставьте мертвыхъ мертвецамъ,—у васъ впереди живая связь, нравственная, горячая и самая возвышенная съ вашей изстрадавшейся родиной. Не говорите и не думайте, что ваша жизнь пропала, что она вся пройдетъ въ напрасныхъ страданіяхъ и мученіяхъ на каторгѣ и въ ссылкѣ. Страдать муками своей родины, быть живымъ укоромъ всѣмъ исчадіямъ мрака и зла—это великое дѣло! Пусть это будетъ вашей послѣдней службой—не бѣда. Вы принесли свою лепту на алтарь борьбы за народную волю".

Можно ли подумать, что эти строки были написаны за нѣсколько часовъ до казни! Въ нихъ живетъ столько воли, энергіи, желанія бороться, столько вѣры въ правоту своего дѣла, въ нихъ въ послѣдній предсмертный часъ взбушевалось и вылилось цѣлое море неисчерпанныхъ силъ и неукротимой ненависти къ палачамъ русскаго народа. Въ этомъ святомъ завѣтѣ казненнаго товарища послѣдователи его идей нашли оправданіе своихъ испытаній, въ своей памяти они будутъ чтить имя автора, какъ безстрашнаго борца героя за дѣло политической свободы. Но не всякій выбираетъ путь къ ея достиженію черезъ пассивныя муки своей неволи: нѣтъ, активной борьбой неутомимаго революціонера быстрѣе будетъ приближенъ часъ великаго праздника освобожденія: личнымъ участіемъ, личной работой въ средѣ обездоленныхъ рабочихъ и крестьянскихъ массъ онъ быстрѣе пробудитъ стремленіе къ лучшему будущему, и смѣлымъ свободнымъ словомъ воспламенитъ въ тысячахъ своихъ слушателей горячую вѣру въ свѣтлую, лучезарную свободу. Это глубокое убѣжденіе таитъ въ себѣ несокрушимую силу профессіональнаго революціонера, передъ этой силой падаютъ всѣ преграды, ея титаническаго напора не выдерживаютъ ни каменныя стѣны тюремъ, ни желѣзныя кольца каторжныхъ цѣпей. Вчера еще невольникъ ссылки, тюрьмы, каторги,

онъ становился сегодня свободнымъ, возвращеннымъ жизни эмигрантомъ. Исторія русскаго революціоннаго движенія знаетъ поразительные случаи самоосвобожденія, гдѣ геніальная находчивость, геройская смѣлость и неудержимое стремленіе къ свободѣ заключеннаго опрокидывали на своемъ пути всѣ препятствія и снова возвращали его въ ряды борющагося пролетаріата. Но даже если не брать въ разсчетъ отдѣльныхъ примѣровъ, которые обнаруживали въ русскомъ эмигрантѣ огромную силу и неменьшее стремленіе къ

Этапъ снимается по выходѣ изъ г. Архангельска.

свободѣ, то все же надо признать, что эти качества присущи каждому изъ нихъ, хотя и въ различныхъ конечно степеняхъ; ибо не только самый моментъ самоосвобожденія требовалъ отъ эмигранта самообладанія, выносливости, терпѣнія, смѣлости и находчивости, но и завоеванная имъ, такъ называемая, „нелегальная“ свобода во многомъ отличалась отъ свободы легальной: и если первый являлся короткой, но страшно напряженной пробой его пригодности, то вторая, какъ непре-

рывно давящая, закрученная пружина, заставляла его ежечасно помнить объ исключительности своего положенія. Паспортная система съ введенной во многихъ городахъ полицейской пропиской предъявляли къ эмигранту требованіе имѣть при себѣ необходимые документы; на рукахъ у него долженъ былъ быть исправный паспортъ, онъ долженъ былъ имѣть какое либо опредѣленное занятіе, чтобы усыпить полицейскую бдительность. А между тѣмъ не каждому изъ „нелегальныхъ“ удавалось заручиться дѣйствительнымъ паспортомъ, выданнымъ изъ полицейскаго управленія, и большинство жило съ фальшивымъ, сфабрикованнымъ на свой страхъ и рискъ; положеніе эмигранта въ послѣднемъ случаѣ сплошь и рядомъ превращалось въ одну сплошную, мучительную пытку. Чтобы не попасть въ руки полиціи, онъ переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, жилъ лишь по нѣскольку недѣль осѣдлой жизнью, мѣняя чуть не ежедневно квартиры; физическія условія были отчаянны: при постоянномъ передвиженіи у нелегальнаго отнята возможность постояннаго заработка, ему, если онъ лично не располагаетъ денежными средстами, ничего болѣе не оставалось, какъ обращаться за помощью къ революціоннымъ организаціямъ; между тѣмъ не всякая изъ нихъ располагала достаточными суммами, чтобы своевременно придти на помощь эмигранту; тогда оставалось одно: вести полуголодную жизнь, кормиться, чѣмъ богъ послалъ. Человѣкъ подъ давленіемъ всѣхъ этихъ условій, подъ дѣйствіемъ непрерывнаго опасенія за свою свободу при частыхъ недоѣданіяхъ, недосыпаніяхъ, кочевкахъ, и въ то же время при напряженномъ, выполняемомъ имъ, революціонномъ трудѣ, доходилъ до страшнаго нервнаго напряженія; крайняя раздражительность и переутомленіе, иной разъ ярко выраженные признаки маніи преслѣдованія,—вотъ къ чему приводила его „нелегальная“ свобода. И однакожъ,

какъ ни тяжелы были ея условія, какъ ни жестока была судьба нелегальнаго революціонера, но ни одному изъ нихъ не приходила въ голову мысль промѣнять ее на прошлую неволю. За революціонной работой въ революціонной организаціи, на рабочихъ собраніяхъ, на крестьянскихъ сходахъ, въ интеллигентскихъ кружкахъ онъ находилъ себѣ успокоеніе и отдыхъ, забывалъ здѣсь на время тяжелыя испытанія судьбы-мачихи. Здѣсь звучало бодро и смѣло его вдохновенное слово, здѣсь онъ зажигалъ сердца слушателей великой ненавистью къ одинаково душившему ихъ всѣхъ режиму, здѣсь онъ мстилъ великою местью за неволю и горе всѣхъ, задыхавшихся въ тяжелой атмосферѣ произвола и безправія.

Но былъ еще одинъ выходъ для русскаго эмигранта. Это—покинуть родину на время или навсегда. Выходъ такой же, если даже не болѣе тяжелый для того, кто, какъ русскій революціонеръ, является идеальнѣйшимъ патріотомъ, всецѣло отдающимъ свой умъ, свою душу, свою жизнь на дѣло спасенія горячо любимой имъ родины. Не каждый рѣшался на этотъ шагъ; безъ знанія языка, безъ средствъ, безъ возможности что либо заработать, очутиться за тысячи верстъ отъ родныхъ мѣстъ въ средѣ чуждаго ему народа, не понимавшаго и не раздѣлявшаго его положенія,—это такая перспектива, которая многихъ и многихъ заставляла избирать первый путь; правда, онъ былъ болѣе опасенъ, болѣе рискованъ: малѣйшее подозрѣніе, случайный обыскъ на квартирѣ хозяина, и его нелегальный квартирантъ снова вырванъ полицейской рукой, снова утрачена для него свобода. Русскій законъ жестоко каралъ въ такихъ случаяхъ какъ квартиранта, такъ и хозяина. Квартирантъ отвѣчалъ за побѣгъ и нелегальное положеніе и платился за нихъ, по русскимъ законамъ, тюремнымъ заключеніемъ или полицейскимъ надзоромъ; хозяинъ отвѣчалъ за

„укрывательство“ эмигранта и подлежалъ за это уголовной отвѣтственности,

Заграница имѣла поэтому единственное преимущество для русскаго революціонера: она избавляла его отъ полицейскихъ преслѣдованій, но отнюдь не отъ полицейскаго шпіонства и выслѣживанія; конечно, по своей интенсивности послѣднія не могли сравниться съ опекой русской жандармеріи и тайной полиціи, и русскому эмигранту было легче на время затеряться гдѣ либо заграницей, нежели у себя на родинѣ. Этимъ удобствомъ пользовались тѣ изъ нихъ, кто имѣлъ возможность соединить условія заграничной и отечественной жизни; уѣзжая на нѣкоторое время послѣ побѣга за границу, эмигрантъ освобождался, съ одной стороны, отъ русскаго полицейскаго сыска, съ другой же, въѣзжая, по истеченіи извѣстнаго времени, снова въ предѣлы Россіи, могъ съ большею увѣренностью разсчитывать на то, что его розыски не велись теперь съ той интенсивностью, какую проявляло полицейское усердіе первое время.

При осуществленіи такой комбинаціи, самымъ опаснымъ моментомъ надо было признать переѣздъ черезъ русскую границу. Нерѣдко контрабандисту, бравшемуся за извѣстное вознагражденіе провести эмигранта черезъ цѣпь охраны на ту сторону Рубикона, не удавалось довести предпріятія до конца. Зоркій глазъ часового издалека подмѣчалъ ихъ крадущіяся фигуры, и раскатъ ружейнаго выстрѣла повелительно требовалъ остановиться, иначе солдатская пуля заставляла непокорныхъ смириться на вѣкъ. Таковы пути русскаго эмигранта съумѣвшаго благополучно выбраться изъ мѣстъ заточенія. На выборъ ему представлялись либо:

1) эмиграція изъ мѣста неволи—тюрьмы, ссылки, каторги—и непосредственно слѣдовавшая за ней нелегальная жизнь внутри Россіи, либо:

2) эмиграція изъ мѣста неволи и съ родины заграницу навсегда, либо, наконецъ:

3) комбинація первыхъ двухъ способовъ: эмиграція послѣ побѣга заграницу и обратная иммиграція на родину. Всѣ три способа предполагали нелегальное существованіе бѣжавшаго, т. е. жизнь съ чужимъ документомъ и подъ чужимъ именемъ.

Какъ явленіе, неразрывно связанное съ общимъ ходомъ русскаго революціоннаго движенія, эмиграція отражала въ себѣ всѣ характерныя стороны его эволюціи: съ ростомъ движенія увеличился и ростъ эмиграціи, съ единичныхъ случаевъ въ прежнее время, она разрослась до размѣровъ массовыхъ побѣговъ.

Сотни эмигрировавшихъ русскихъ революціонеровъ жили и еще живутъ за границей: въ Швейцаріи, Англіи, Америкѣ. Большинство ихъ бѣдствуетъ въ матеріальномъ отношеніи. Сотни странствовали по Россіи, принимая участіе на пути своихъ странствованій въ работахъ различныхъ организацій. Наибольшій процентъ эмигрантовъ давала ссылка или вѣчное поселеніе; и въ ряду губерній, отведенныхъ подъ политическую ссылку, Архангельская занимала въ лѣтописяхъ эмиграціи не послѣднее мѣсто.

Думаю, что послѣ того, какъ я въ предыдущихъ главахъ постарался изобразить положеніе ссыльнаго революціонера въ уѣздахъ Архангельской губерніи, мнѣ не придется слишкомъ долго останавливаться надъ выясненіемъ причинъ, обусловливавшихъ эмиграцію; одну изъ нихъ я уже упомянулъ въ этой главѣ: это именно—глубокая преданность русскаго революціонера политической дѣятельности. Что ссылка—актъ административнаго произвола,—съ этимъ положеніемъ соглашался каждый изъ тысячъ ссылавшихся, но не каждому изъ нихъ было по силамъ провести въ дѣло вытекавшій отсюда выводъ, что только самоосвобожденіе путемъ эмиграціи представляло единственный

modus непризнанія подобнаго административнаго произвола. За бѣгунами первой категоріи, покидавшими мѣста ссылки независимо отъ удобствъ или неудобствъ окружавшихъ ихъ условій жизни, слѣдовали эмигранты, въ рѣшеніи которыхъ эмигрировать играли большое значеніе невыносимо тяжелыя условія физическаго и матеріальнаго существованія. На отдаленные уѣзды Архангельской губерніи приходилось поэтому большинство побѣговъ. Изъ самого Архангельска и ближайшихъ къ нему мѣстъ бѣжали тоже, но собственно архангельскіе эмигранты по численности уступали первое мѣсто эмигрантамъ уѣзднымъ. И прежде чѣмъ привести здѣсь нѣсколько случаевъ исчезновеній политическихъ ссыльныхъ, мнѣ хотѣлось бы напомнить читателю, съ какими условіями мѣстной жизни имъ надо было бороться каждый разъ, какихъ иной разъ невѣроятныхъ усилій стоило имъ побороть препятствія, прежде чѣмъ полной грудью вздохнуть на „нелегальной“ свободѣ.

Представьте себѣ, что откуда либо, изъ Пинеги, Мезени или далекаго и глухого села печорскаго уѣзда, либо поморскаго края, скрывается политическій ссыльный.

Маршрутъ его передвиженій съ момента исчезновенія можетъ быть различенъ, но конечный пунктъ ихъ всегда одинъ и тотъ же,—Архангельскъ. Добравшись до Архангельска, бѣглецъ могъ считать себя почти въ безопасности. Изъ Архангельска ему открывался прямой путь внутрь Россіи, отсюда бѣжала въ ея глубь желѣзная колея дороги. Центръ тяжести и испытаній эмигранта лежалъ поэтому на пути отъ мѣста побѣга до губернскаго города. Сотни верстъ дикихъ лѣсовъ и болотъ, съ пересѣкающими ихъ горными хребтами и возвышенностями отдѣляютъ его отъ послѣдняго; ихъ, эти сотни верстъ, надо такъ или иначе преодолѣть, но какъ? Если пунктъ, откуда уходилъ ссыльный, лежалъ въ

раіонѣ судоходства, ему, казалось бы, легче всего было воспользоваться первымъ рейсомъ уходившаго въ Архангельскъ парохода. Но это не такъ то легко. Полиціи и жандармеріи давно извѣстно было это отверстіе въ ссыльной западнѣ, а потому та и другая каждый разъ появлялась у пароходныхъ сходень, контролируя отъѣзжавшихъ пассажировъ. Уѣхать на глазахъ стерегшей полиціи политическому не было никакой возможности: каждый изъ нихъ былъ слишкомъ хорошо знакомъ мѣстной администраціи, а неумѣлая попытка, кончавшаяся неудачей, могла лишь повлечь за собой усиленіе полицейскаго надзора. Оставалось прибѣгнуть къ помощи лошадей или положиться на выносливость собственнаго аппарата передвиженія.

Зимой, осенью и весной, когда рѣки и морское побережье западныхъ и восточныхъ уѣздовъ скованы льдомъ, и водяного сообщенія не существуетъ, эмигранту по необходимости приходилось выбирать одинъ изъ двухъ послѣднихъ способовъ передвиженія: сани или телѣжку, лыжи или ничѣмъ не вооруженную мускулатуру своихъ ногъ. Однако и здѣсь дѣло съ выборомъ обстояло не такъ просто, какъ это можетъ показаться человѣку, не знакомому съ природой и жизнью Архангельской губерніи. Уѣздная полиція, не разъ отвѣчавшая передъ высшей губернской администраціей за побѣги не укараулениыхъ ею политическихъ ссыльныхъ, тщательно слѣдила за проѣзжавшими на земскихъ или почтовыхъ лошадяхъ. Послѣднихъ только и можно было достать на, такъ называемыхъ, земскихъ или почтовыхъ станціяхъ. А между тѣмъ, на тѣхъ и на другихъ заведены книги, гдѣ всякій проѣзжавшій долженъ былъ прописаться и предъявить завѣдующему станціей свои документы для удостовѣренія личности. Только выполнивъ эти предварительныя условія, вы могли разсчитывать на

благополучный отъѣздъ: понятно поэтому, что бѣжавшій политическій ссыльный, не располагавшій никакими документами, подальше долженъ былъ обходить мѣста прописки. Нелегко, хотя и не невозможно, достать было лошадь у частнаго обывателя. Та же полиція предупрежденіемъ объ отвѣтственности за всякую помощь самовольно отлучившемуся политическому настолько запугивала обывателей, что, за самыми рѣдкими исключеніями, эмигрантамъ не удавалось заручаться поддержкой съ ихъ стороны. Самымъ доступнымъ способомъ передвиженія по неволѣ приходилось считать пару своихъ собственныхъ ногъ; удобствъ или легкости передвиженія онѣ, однако, не гарантировали. Скрывавшемуся прежде всего необходимо было возможно быстрѣе покинуть мѣстожительство, если не было напередъ приготовлено подходящаго мѣста, въ которомъ онъ могъ бы выждать первую тревогу; но считая maximum ежедневнаго передвиженія въ 25—30 верстъ, бѣглецъ не могъ надѣяться раньше двухъ—трехъ дней непрерывной ходьбы выбраться изъ раіона наряженной за нимъ погони; даже при наиболѣе благопріятномъ стеченіи условій, допуская, что его исчезновеніе будетъ обнаружено полиціей на второй или третій день, 50 — 60 верстъ, пройденныя за эти дни не исключали возможности его ареста; поэтому, чтобы поставить себя въ болѣе безопасное положеніе, эмигрантъ обыкновенно отказывался отъ удобства проложенныхъ между селеніями дорогъ и предпочиталъ имъ глушь и бездорожье тайги и болотъ. Нелегко бывало побороть труд ости такого путешествія. Неизвѣстность пути, его дикость и отдаленность не сулили путешественнику ничего, кромѣ лишеній и риска; въ то же время въ интересахъ своей собственной безопасности, онъ долженъ былъ по возможности держаться все время вдали отъ рѣдкихъ поселковъ, обитатели которыхъ, предупрежденные полиціей, относились всегда крайне

недовѣрчиво къ своимъ случайнымъ посѣтителямъ; но, имѣя въ виду все это, много ли можетъ взять съ собой бѣгунъ провизіи? При путешествіи, которое въ отдѣльныхъ случаяхъ длилось около двухъ недѣль, онъ не станетъ обременять себя тяжелымъ багажемъ: онъ принужденъ довольствоваться самымъ необходимымъ, только бы не умереть съ голоду; выбравшись же изъ наиболѣе опасныхъ для себя мѣстъ, онъ могъ рискнуть обратиться за помощью къ крестьянамъ тѣхъ деревень, которыя были отдѣлены десятками верстъ отъ мѣста его побѣга; для этого ему надо было быть смѣлымъ, находчивымъ и сообразительнымъ собесѣдникомъ своихъ временныхъ знакомыхъ; иначе, при малѣйшемъ съ его стороны замѣшательствѣ, его ждала не помощь, а предательство.

Иллюстраціей такой формы эмиграціи въ исторіи нашей архангельской ссылки былъ смѣлый побѣгъ товарища А-ва, скрывшагося изъ уѣзднаго города X. Перипетіи этого побѣга, его казавшіяся непреодолимыми трудности заслуживаютъ болѣе подробнаго разсказа. Поэтому, опуская тѣ частности, которыя неудобно оглашать въ виду ихъ конспиративности, я остановлюсь на немъ и еще нѣсколькихъ случаяхъ эмиграціи.

Уѣздный городъ X., изъ котораго приходилось бѣжать товарищу А-ву, лежитъ въ нѣсколькихъ стахъ верстахъ отъ Архангельска; отъ послѣдняго его отдѣляетъ сплошная тундра и единственный путь, которымъ можно было добраться до X., вьется по берегу судоходной рѣки. Скрылся А-въ въ іюнѣ мѣсяцѣ, послѣ цѣлаго ряда подобныхъ же прецедентовъ. Конспиративной квартиры не было, пришлось отсиживать первое время у своихъ же ссыльныхъ политическихъ. Ночью къ одному изъ нихъ силой вломился нарядъ полиціи, во главѣ съ помощникомъ исправника, чтобы произвести квартирный обыскъ. Обыскъ былъ вызванъ недавнимъ распространеніемъ въ X. революціонныхъ воззваній и не имѣлъ

непосредственнаго отношенія къ побѣгу А-ва. Но, какъ нарочно, А-въ то и сидѣлъ эту ночь на квартирѣ, куда явилась полиція. Что было дѣлать? Всѣ выходы охранялись городовыми; черезъ комнату отъ его помѣщенія производился обыскъ: искали нелегальной литературы, шарили по стѣнамъ, шкапамъ и поламъ. Къ счастью, полиція не догадалась сразу занять всѣ комнаты квартиры, и потому, пока сыскъ постепенно переходилъ изъ одной въ другую, А-въ точно также переходилъ изъ комнаты въ комнату. Но вотъ его отступленію при-

Лѣтняя юрта на сѣверѣ Европ. Россіи.

шелъ конецъ: оставался одинъ чуланъ—небольшое помѣщеніе съ глухимъ, неоткрывавшимся окномъ. А-ву ничего больше не оставалось, какъ разбить окно и попытаться спуститься внизъ, - квартира расположена была во второмъ этажѣ. Времени терять было нечего: полиція каждую минуту могла накрыть его въ этомъ глухомъ углу и арестовать на мѣстѣ. Тогда А-въ вырываетъ раму и прыгаетъ внизъ. Прыжокъ былъ совершонъ удачно, хотя и съ большимъ рискомъ. Полураздѣтымъ онъ бѣжитъ теперь по направленію къ лѣсу, чтобы

укрыться тамъ на первое время, но на пути встрѣчаетъ крестьянку. Видъ незнакомаго ей, растрепаннаго, полураздѣтаго человѣка, убѣгающаго повидимому отъ преслѣдованія въ лѣсъ, да еще въ такую необычную пору, приводитъ ее къ мысли, что здѣсь что то не ладно и, не долго думая, она передаетъ видѣнное стоящему у входа въ квартиру городовому. Только благодаря несообразительности послѣдняго, не придавшаго никакого значенія росказнямъ глупой бабы, А-ву удалось избѣжать ареста. Однако и спасеннымъ признать себя, послѣ всего происшедшаго, было преждевременно. Сидѣть въ лѣсу голоднымъ и раздѣтымъ и считать себя внѣ опасности, не имѣло ни основаній, ни смысла, ни разсчета. Возвращаться же въ Х. на старую квартиру, послѣ встрѣчи съ крестьянкой, А-въ конечно не рѣшался; наконецъ, съ огромнымъ рискомъ попасть въ лапы полиціи, онъ пробрался лѣсомъ до Х. и укрылся временно на квартирѣ своего пріятеля. Ему предстояло принять теперь экстренныя и рѣшительныя мѣры для своего спасенія. Выбирать пути долго не пришлось. Пароходъ и лошадей сторожила полиція, городъ Х. съ его двумя-тремя улицами не представлялъ ни малѣйшаго прикрытія, и вотъ А-въ рѣшается попытать счастье и останавливается на путешествіи пѣшкомъ черезъ тундру до Архангельска. Энергичный и рѣшительный, онъ былъ увѣренъ, что не погибнетъ въ ея безвѣстныхъ, дикихъ болотахъ. Черезъ день-два товарищи въ Х мысленно простились съ покинувшимъ городъ А-вымъ. Онъ ушелъ въ тундру, переговоривъ предварительно съ кочевавшими по ней самоѣдами.

Когда мы въ Архангельскѣ получили свѣдѣнія о предпринятомъ А—вымъ путешествіи черезъ тундру, прошло уже нѣсколько дней. Многіе товарищи, посвященные въ тайны побѣга, сильно опасались за его участь: они признавали довѣрчивость А—ва къ полудикимъ самоѣдамъ опрометчивой, считаясь съ возмож-

ностью убійства или передачи въ руки полиціи. Всѣ, однако, сходились въ томъ, что иного исхода для него не было, и отдавали должное геройской рѣшительности эмигранта. Прошло уже порядочно времени, а А—въ все не показывался на нашемъ горизонтѣ. Опасенія за его существованіе еще болѣе возросли; одни приговорили его уже къ смерти, нетерпѣливыя ожиданія другихъ стали крайне напряженными. И вотъ, въ одинъ прекрасный день по нашей колоніи распространилась радостная вѣсть, что А—въ въ Архангельскѣ, и что онъ благополучно совершилъ свое многодневное путешествіе. Эта вѣсть всѣхъ насъ страшно обрадовала и освободила отъ долгихъ безпокойствъ и тревожныхъ ожиданій; теперь А—въ могъ уже считать себя почти свободнымъ эмигрантомъ, спасеннымъ отъ козней архангельской полиціи. Но благополучіе это стоило ему крайнихъ, почти нечеловѣческихъ усилій и лишеній, перенести которыя могъ только такой энергичный и выносливый человѣкъ, какъ А—въ. Многіе изъ его разсказовъ, переданныхъ архангельскимъ товарищамъ и изображавшихъ условія передвиженія по тундрѣ, вызывали у всѣхъ невольное удивленіе. Не разъ на дорогѣ къ Архангельску ему приходилось испытывать прелести суровыхъ полярныхъ пейзажей; не разъ онъ былъ на краю гибели: то погружаясь по грудь въ трясину, то переплывая рѣки и ручьи, для которыхъ тундра служитъ здѣсь водораздѣломъ, то продираясь сквозь частые прутья и сучья кустарника, онъ бралъ съ бою каждую сажень дороги. Иной разъ,—говорилъ онъ,—приходилось идти по поясъ въ болотѣ, барахтаясь въ его тинистой, стоячей водѣ, вылѣзая на болѣе или менѣе плотную кочковатую островную поверхность и снова погружаясь въ воду. Идти надо было напрямикъ, чтобы по возможности сократить этотъ скорбный путь. Провіантъ весь вышелъ, и А—ву пришлось стать вегетаріанцемъ, поддерживая свою жизнь болотными

ягодами и кореньями. Неопредѣленность дороги и мучительная неувѣренность въ правильности избраннаго направленія дополняли переживаемыя страданія. Помощи въ крайнемъ случаѣ искать было абсолютно не у кого. Этотъ районъ Архангельской губерніи точно также безлюденъ, какъ и огромная область, отходящая подъ Большеземельскую самоѣдскую тундру. Отъ X, откуда вышелъ А—въ и до самаго Архангельска не было ни единаго поселка, если не считать Часовенска, небольшой деревеньки, лежащей на сѣверо-востокъ отъ губернскаго города, верстахъ въ 25 отъ него. Ожидать же любезныхъ указаній отъ случайныхъ встрѣчъ съ бродящими по тундрѣ самоѣдами А—въ не могъ: наоборотъ, исключительность его собственнаго положенія и дикость инородцевъ придали бы только еще большую опасность его, и безъ того критическому, одиночеству. Послѣ этой продолжительной, физической и психической, пытки намъ станетъ понятнымъ то радостное настроеніе, которое охватило А—ва, когда онъ, уже приближаясь къ Архангельску, понялъ, что благополучно перенесъ мученія позади него лежащаго путешествія. „Спасенъ!"—вотъ мысль, которая ободряла и волновала его всю остальную дорогу. „А—въ спасенъ!"—эта вѣсть мгновенно облетѣла нашу колонію, когда долго ожидавшійся х—ій эмигрантъ переступилъ порогъ квартиры своего архангельскаго знакомаго. Доделать остальное,—предоставить ему всѣ удобства нормальной человѣческой жизни и окончательно закрѣпить за нимъ свободу,—стало нашей обязанностью. И мы выполнили добросовѣстно то и другое: А—въ уѣхалъ въ Швейцарію и, освободившись отъ ужасовъ и лишеній ссылки и эмиграціи, унесъ съ собой лишь одно воспоминаніе о тяжеломъ прошломъ.

Вмѣстѣ съ А-вымъ исчезли трое политическихъ ссыльныхъ, только что пришедшихъ въ X этапомъ. Ихъ исчезновеніе было одинаково неожиданно, какъ для

администраціи, такъ и для х-хъ товарищей. Надо отдать справедливость бѣжавшимъ: моментъ для побѣга былъ выбранъ ими очень удачно. Не успѣлъ этапъ ввалиться съ дороги въ этапную хату, какъ при повѣркѣ не досчитались цѣлыхъ четырехъ *) человѣкъ. Х-ое начальство переполошилось. Ждать возвращенія эмигрантовъ, по образцу наивной холмогорской полиціи, х-ая не стала и сейчасъ же произвела повальные обыски. Положеніе ея особенно затруднялось тѣмъ обстоятельствомъ, что скрывшіеся были ей извѣстны лишь по фамиліямъ, но не по внѣшности; этимъ объяснялось, почему впослѣдствіи одинъ изъ эмигрантовъ, плывшій на пароходѣ вмѣстѣ съ х-мъ исправникомъ, преспокойно продавалъ ему подъ видомъ мелкаго торговца имѣвшіеся у него для маскарада товары. Это условіе, созданное своевременностью исчезновенія съ этапа до представленія начальству, сильно облегчало положеніе бѣглецовъ. Главное, — надо было не влетѣть первое время, когда въ Х шли квартирные обыски. И съ этимъ успѣли благополучно устроиться, хотя всѣмъ эмигрантамъ жилось нестерпимо тяжело до времени отъѣзда. Въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока полиція свирѣпствовала въ Х-ѣ на квартирахъ политическихъ колонистовъ и даже х-ихъ обывателей, пока исправникъ рвалъ и металъ, приказывая городовымъ и жандармамъ чуть что не разрушать ветхіе домишки, поднимая въ нихъ полы и стѣны въ разсчетахъ открыть тамъ мѣстопребываніе четырехъ дюжихъ парней, пока, наконецъ, телеграфъ спѣшно работалъ на Архангельскъ и обратно,— наши бѣглецы, лежа въ безопасномъ мѣстѣ, далеко отъ Х-а, горячо диспутировали на политическія темы. На бѣду диспутанты принадлежали къ различнымъ политическимъ партіямъ: двое изъ нихъ были соціаль-демократы, а третій соціалистъ-революціонеръ. И вотъ, вы-

---

*) А-въ былъ въ числѣ бѣжавшихъ.

держивая карантинъ въ ужасномъ по своимъ условіямъ помѣщеніи, они завязали жаркій споръ; забыты были всѣ неудобства: лежа въ теченіе нѣсколькихъ дней въ скрюченномъ положеніи,—расправиться или подняться, за незначительностью временной квартиры, было невозможно, — безъ свѣта, безъ достаточнаго количества воздуха, окруженные со всѣхъ сторонъ страшной сыростью, они шепотомъ вели жаркую дискуссію; страдалъ на этотъ разъ отъ неумолимой логики соціаль-демократовъ, по обыкновенію, соціалистъ-революціонеръ. Въ концѣ-концовъ, ко времени контроля, когда изъ Х-а явился товарищъ, чтобы провѣдать бѣгуновъ и передать имъ черезъ отверстіе принесенный обѣдъ, соціалистъ-революціонеръ не вытерпѣлъ и заявилъ, что дальше оставаться съ соціаль-демократами не желаетъ. Съ большимъ трудомъ удалось найдти для него подходящее помѣщеніе. При всей серьезности положенія, въ которомъ находились въ ту пору х-іе эмигранты, мы не могли впослѣдствіи безъ смѣху слушать ихъ разсказъ объ этомъ трагическомъ эпизодѣ. Послѣ бѣгства соціалиста-революціонера, соціаль-демократы мирно зажили въ своемъ логовищѣ. Что это была за жизнь, объ этомъ можетъ судить лишь тотъ, кто ее перенесъ. При всей ненормальности физическихъ условій, имъ надо было еще вести себя крайне осторожно, избѣгая всякаго шума, движенія и громкаго разговора. Выходить на нѣсколько минутъ на свѣжій воздухъ рѣшались лишь по ночамъ, когда можно было разсчитывать на благополучный исходъ прогулки.

Такъ прошло около недѣли, когда случай заставилъ обоихъ немедленно покинуть убѣжище и ускорить отъѣздъ изъ Х-а. Какъ-то утромъ въ мѣсто, гдѣ скрывались бѣглецы, зашла х-ая крестьянка съ сыномъ, мальчикомъ лѣтъ 8—9. Пока мать собирала ягоды, ребенокъ совершенно случайно набрелъ на логовище нашихъ эмигрантовъ. Его отдушина сильно заинтриговала маль-

чика, и онъ принялся ее разсматривать. Внутренняя темнота помѣщенія не позволила, конечно, открыть лежавшихъ въ немъ, но инстиктивное чувство подсказало ему, что тамъ кто-то есть; съ громкимъ крикомъ онъ бросился къ матери.

— Мамка, мамка, глянь-кось, тамъ кто-то есть,— визжалъ малый и тащилъ крестьянку по направленію къ обнаруженному имъ отверстію.

Бѣглецы затаили дыханіе. Моментъ былъ, дѣйствительно, острый, и малѣйшее движеніе могло выдать ихъ присутствіе. Крестьянка подошла къ отдушинѣ, сперва обозрѣла ее стоя, потомъ наклонилась и заглянула внутрь.

— Ахъ, батюшки! Да вѣдь и впрямь кто-то есть! — испуганнымъ шепотомъ проговорила она.

— Пойдемъ, пойдемъ отсюда, Васютка; кто ее знаетъ, кто тамъ внутри, не ровенъ часъ, кабы чего и не вышло,—и оба они чуть не бѣгомъ бросились отъ страшнаго своей неизвѣстностью мѣста.

Эмигранты перевели дыханіе. Первая опасность прошла; непосредственный кризисъ миновалъ благополучно. Но оставаться дольше въ разъ уже обнаруженномъ мѣстѣ было бы безразсудно. Никто изъ нихъ не могъ поручиться за то, что открытіе, сдѣланное крестьянкой, не обойдетъ всю деревню, и что черезъ часъ-два она не явится сюда во главѣ съ цѣлой сворой полиціи и любопытныхъ. Выждавъ поэтому съ полчаса, оба товарища покинули навсегда свое временное убѣжище. Теперь дѣйствовать приходилось рѣшительно, такъ какъ отъѣздъ изъ Х-а былъ необходимъ и необходимъ теперь же, безотлагательно. Едва оправившись отъ перенесенныхъ въ норѣ страданій, эмигранты должны были вынести новыя опасности и страданія. Первымъ изъ Х-а уѣхалъ на пароходѣ тотъ самый соціалистъ-революціонеръ, который не перенесъ сожитія съ соціаль-демократами. Подъ видомъ грека-торгаша, онъ счастливо

добрался до Архангельска, гдѣ его ждала уже лодка съ гребцами для доставки въ безопасное мѣсто. По дорогѣ, какъ я уже упоминалъ раньше, онъ съумѣлъ угодить вкусамъ х-аго исправника, продавъ ему коекакія бездѣлушки. И продавецъ и покупатель остались очень довольны другъ другомъ: первый—близорукостью торговавшагося съ нимъ начальства, второй — необыкновенной любезностью и уступчивостью мнимаго грека.

Послѣ перваго удачнаго опыта, показавшаго х-имъ колонистамъ, что мѣстная полиція все еще не освѣдомлена о внѣшности исчезнувшихъ этапниковъ, стали дѣйствовать смѣлѣе и увѣреннѣе. Уѣхалъ, опять же на пароходѣ, сперва одинъ изъ остававшихся, затѣмъ другой. Оба благополучно достигли Архангельска. Интересно отмѣтить, насколько успѣшно одинъ изъ послѣднихъ бѣгуновъ разыгралъ на пароходѣ роль подвыпившаго мужичка. Въ сущности представляться „подвыпившимъ" ему было не за чѣмъ, такъ какъ для храбрости онъ еще передъ отъѣздомъ зарядился значительной дозой алкоголя. Но наивнаго крестьянина онъ все же съумѣлъ разыграть необычайно ловко; ходилъ торговаться за билетъ къ капитану парохода, буянилъ и горланилъ въ каютѣ 3-го класса до того, что явился жандармъ и пригрозилъ высадкой на сушу.

— Ты у меня гляди, мужичье сиволапое,—грозилъ усатый унтеръ, обращаясь къ пошатывавшемуся на ногахъ товарищу, коли буянить будешь, моментально на берегъ высажу.

— Зачѣмъ же на берегъ, ваше благородіе, я вѣдь деньги за билетъ платилъ, я вѣдь не на шарамыжку какъ, а на кровныя, на свои ѣду...—протестовалъ заплетающимся языкомъ пейзанъ въ слѣдъ удалявшемуся начальству.

Послѣ этого представленія, можно было уже окончательно быть увѣреннымъ, что до Архангельска путь

свободенъ. Разсчетъ этотъ оправдался, и вслѣдъ за грекомъ мы приняли въ свою семью еще захудалаго мужиченку.

Третій и послѣдній эмигрантъ хотя и былъ благополучно доставленъ намъ въ Архангельскъ, но способъ, выбранный имъ при переѣздѣ, поразилъ насъ своей жестокостью и мучительностью. Товарищи связали его такъ, что колѣна прикасались къ груди и въ такомъ видѣ обвязали кошмой. Получился четыреугольный куль, внутри котораго жилъ въ ужасномъ скрюченномъ положеніи х-ій эмигрантъ. Двое товарищей внесли этотъ грузъ на пароходъ и помѣстили въ каютѣ подъ лавкой. Послѣ жандармскаго контроля, предшествовавшаго отходу парохода, задѣланный въ тюкъ бѣглецъ не могъ уже болѣе выносить удушья и коекакъ выбрался на воздухъ.

„Минутами я буквально задыхался, разсказывалъ онъ по пріѣздѣ въ Архангельскъ,—кружилась голова, и я терялъ на короткое время сознаніе. Но мысль о близости освобожденія заставляла меня терпѣть, и только когда я почувствовалъ приступъ тяжелаго удушья, лежа уже въ каютѣ подъ лавкой, мой провожатый развязалъ куль и помогъ выбраться на волю“,

Всю остальную дорогу онъ проѣхалъ на пароходѣ, въ качествѣ обыкновеннаго пассажира и до самаго Архангельска не имѣлъ никакихъ недоразумѣній ни съ полиціей, ни съ контролемъ парохода.

Такимъ образомъ всѣ четверо, считая и А-ва, прошли счастливо всѣ преграды полицейскаго сыска и побороли своей выносливостью, терпѣніемъ и находчивостью исключительныя условія побѣга.

Фактическимъ изложеніемъ архангельской эмиграціи я не далъ бы полной характеристики ея трудностей и мужества самихъ эмигрантовъ, если бы опустилъ здѣсь указаніе на особенности эмигрантскихъ путешествій изъ западныхъ районовъ губерніи: Поморья и Мурмана. Близость отсюда норвежской границы сама собою ста-

витъ передъ бѣгущимъ политическимъ диллему выбора: бѣжать ли ему черезъ Архангельскъ, пользуясь его желѣзной дорогой, или черезъ норвежскую границу, чтобы найти пріютъ за ея чертой въ свободномъ политически государствѣ. И здѣсь, и тамъ были свои трудности. Если эмигрантъ останавливался на первомъ рѣшеніи этой альтернативы и выбиралъ Архангельскъ, то онъ долженъ былъ ждать навигаціи; только пароходомъ черезъ Бѣлое море можно было достичь конечнаго пункта; идти окружнымъ побережнымъ путемъ сотни верстъ не рѣшился бы никто,—одна продолжительность такого путешествія уже исключала всю его конспиративность. Но здѣсь, какъ и всюду, тамъ, гдѣ открывался выходъ изъ ссылки, полиція была особенно бдительна. Попасть на пароходъ, минуя полицейскій контроль у сходень, было невозможно. Каждый разъ прибѣгали поэтому къ какимъ нибудь уловкамъ. Для мурманцевъ Норвегія была подъ бокомъ. Изъ Колы до норвежской пограничной черты по прямому направленію не болѣе 130—150 верстъ. Мурманцамъ же надо было на своемъ пути пройдти поперекъ всю Улеаборгскую губернію, чтобы финскимъ заливомъ пробраться во внутреннія губерніи Россіи. Само собой разумѣется, что для политическихъ эмигрантовъ какъ съ кольскаго полуострова, такъ и съ Поморья теоретически существовала возможность эмигрировать въ Норвегію черезъ Варде морскимъ путемъ, обогнувъ на мурманскомъ пароходѣ кольскій полуостровъ. Однако, теорія въ данномъ случаѣ далеко опережала собой ея практическую осуществимость. То, что, съ перваго взгляда на географическую карту, казалось эмигранту столь достижимымъ, на дѣлѣ приводило его либо къ проваламъ, либо къ мучительнымъ испытаніямъ. Сухопутныхъ дорогъ въ Норвегію или Улеаборгскую губернію съ Поморья и Мурмана нѣтъ никакихъ. Гранитные хребты Мансельги и воды Енарскаго озера съ массою болѣе

мелкихъ озеръ, истоковъ и рѣкъ заграждали на сѣверѣ переходъ въ Норвегію съ кольскаго полуострова. Горныя цѣпи Унассъ и Кивало съ возвышенностями, достигающими въ иныхъ мѣстахъ высоты въ 700 метровъ, представляли непреодолимыя трудности для эмигранта-пѣшехода съ Поморья. Тутъ уже сама природа возстала противъ свободолюбивыхъ замысловъ русскаго политическаго ссыльнаго и холодомъ своихъ горныхъ льдовъ охладила пылъ его вольной фантазіи. Но имѣлся болѣе вѣрный путь: путь черезъ бѣломорскія и прибрежныя воды Ледовитаго океана на Варде и дальше на Тромзе. И имъ, дѣйствительно, пользовались въ отдѣльныхъ случаяхъ. Зато эмигранту, выбравшему этотъ путь надо было быть чрезвычайно осторожнымъ: чѣмъ ближе пароходъ подходилъ къ сѣверной границѣ Норвегіи, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе разрѣжалась масса его пассажировъ, тѣмъ бдительнѣе становился полицейскій надзоръ за остававшимися на палубѣ. И только тогда, когда эмигранту посчастливилось оставить Александровскъ,—послѣдній населенный пунктъ на русской территоріи,—онъ могъ быть увѣренъ въ своей свободѣ. Въ Варде,—норвежской таможнѣ,—отъ него не требовали ни паспортовъ, ни освидѣтельствованія багажа; норвежскіе чиновники любезны и предупредительны, болѣе культурны и менѣе увлекаются прелестью полицейскаго сыска, чѣмъ ихъ русскіе товарищи.

Второе условіе поѣздки на Варде требуетъ отъ русскаго конспиративнаго путешественника матеріальной обезпеченности.

Путь этотъ—долгій и дорогой, особенно для того, кто принужденъ моремъ спускаться вдоль скандинавскаго полуострова до береговъ Франціи или Германіи. Оба эти условія служили сильнымъ тормазомъ при осуществленіи намѣчаемыхъ плановъ и нерѣдко заставляли отказываться отъ нихъ. Прибѣгали поэтому чаще ко вто-

рому способу: ѣхали на Архангельскъ. Этимъ путемъ была доставлена къ намъ въ іюнѣ 1904 г. кемская товарка Р-мъ. Говорю „доставлена", ибо всю дорогу она проѣхала подъ видомъ клади; тяжело было смотрѣть на нее, когда она очутилась у насъ въ Архангельскѣ. Ее пришлось долгое время усиленно оттирать, чтобы массажемъ вывести изъ окоченѣлости; по ея разсказамъ, она 2 раза пыталась бѣжать изъ Кеми, и каждый разъ полиція обнаруживала ея присутствіе на пароходѣ, прося сойти на берегъ. Наконецъ, она рѣшилась на отчаянный шагъ: ѣхать въ Архангельскъ въ такомъ помѣщеніи, которое заставляло ее сократиться до minimum'a. Переѣздъ по бурному Бѣлому морю, къ волненію котораго надо хорошо привыкнуть, чтобы не страдать приступами морской болѣзни, она совершила именно въ такомъ „сокращенномъ" положеніи. Колѣни ея упирались въ грудь, голову все время надо было держать въ согнутомъ положеніи. И такъ какъ ей пришлось замереть въ такой ужасной скомканной формѣ почти на цѣлыя сутки, то, понятно, что циркуляція крови не могла совершаться нормально. Несчастная, по прибытіи въ Архангельскъ, сильно стонала отъ болей во всемъ тѣлѣ, пока массажемъ возстанавливали правильность кровообращенія. По пути нестерпимыя боли доводили ее почти что до обморочнаго состоянія; нѣсколько разъ она рисковала задохнуться. Этотъ случай показалъ, какой дорогой цѣной приходилось покупать волю эмигрантамъ съ Поморья. Способъ былъ слишкомъ болѣзненъ, чтобы пытаться примѣнить его второй разъ; при массовомъ же выселеніи, онъ, помимо связанной съ нимъ мучительности, былъ совершенно непригоденъ и по своей, такъ сказать, малоемкости.

Когда поэтому нѣсколько мѣсяцевъ спустя, послѣ эмиграціи товарки Р-мъ, кемцы задумали массовый побѣгъ, то Архангельскъ, какъ конечный пунктъ, былъ забракованъ. Рѣшили идти пѣшкомъ въ западномъ

направленіи, чтобы впервые проложить путь въ сѣверную Финляндію черезъ страну горъ и озеръ. Въ побѣгѣ условились принять участіе 7 человѣкъ. Выбрали руководителя и ночью снялись въ путь. Шли проложенными дорогами, заходили въ села для ночевокъ и, въ концѣ концовъ, во время одной изъ такихъ стоянокъ, были задержаны полиціей, арестованы и, когда дѣло выяснилось, отправлены обратно по этапу въ Кемь. Дорогой успѣли скрыться лишь двое, Г-чъ и Д-въ; послѣ долгихъ странствій, имъ удалось выбраться изъ кемскаго уѣзда, остальные же, по возвращеніи въ Кемь. были приговорены къ аресту или денежному штрафу за „самовольную отлучку“.

Въ общемъ, массовая эмиграція никогда не оканчивалась у насъ успѣшно,—явленіе очень понятное: сама по себѣ эмиграція дѣло конспиративное, а конспирація не терпитъ стадности. Въ нашемъ же случаѣ руководитель дѣйствовалъ не только не конспиративно, но совершенно наоборотъ: всѣ шли, что называется, на авось, на проломъ, не пытаясь скрыться отъ полиціи въ промежуточныхъ селеніяхъ. При такой халатности развязка не заставила себя долго ждать. Съ тѣхъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, переправы въ Норвегію и Финляндію per pedes apostolorum болѣе не практиковались. Вмѣсто того стали чаще пользоваться мурманскимъ пароходствомъ для эмиграціи черезъ Варде въ Англію, Германію или Францію. Администраціи была конечно извѣстна и эта лазейка. Надзоръ за мурманскими кораблями усилили. Иной разъ пароходы этой линіи, стоявшіе на якорѣ у Соломбальскаго острова, подвергались самымъ правильнымъ жандармскимъ обыскамъ; такъ напримѣръ, послѣ второго побѣга товарища Насимовича, полиція нанесла неожиданный визитъ капитану океанскаго парохода „Императоръ Николай I“; всѣ усилія сыщиковъ не привели однако къ результатамъ, и „Императоръ Николай I“ былъ освобожденъ отъ по-

дозрѣній въ укрывательствѣ политическаго эмигранта, только что отрекшагося отъ присяги его правнуку.

Какъ мѣру полицейской предосторожности, надо было разсматривать и нововведеніе при станціонной кассѣ мурманскаго пароходнаго общества: у отъѣзжавшихъ въ Колу и Александровскъ стали требовать предъявленія паспорта. Впрочемъ, эту мѣру не такъ трудно было обойти, подыскавъ для покупки билета фиктивнаго легальнаго путешественника. Безъ этого противодѣйствія указанное средство легко могло привести къ провалу. Послѣ случая съ товарищемъ N, вологодскимъ эмигрантомъ, въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія. N, скрывшись изъ Вологды, рѣшилъ выѣхать изъ района ссылки черезъ Архангельскъ, сѣсть здѣсь на мурманскій пароходъ и, обогнувъ Норвегію, высадиться гдѣ либо заграницей. У кассы мурманскаго пароходства кассиръ потребовалъ отъ него удостовѣренія личности. N, будучи уже на нелегальномъ положеніи, пользовался чужимъ паспортомъ, и не былъ увѣренъ въ его дѣйствительности; не ожидая такого поворота дѣла, онъ поэтому первую минуту растерялся, а затѣмъ категорически заявилъ, что дѣло кассира выдать ему билетъ до Александровска, а не исполнять полицейскія обязанности. Этотъ уклончивый отвѣтъ еще болѣе усилилъ подозрѣніе чиновника, и онъ приказалъ городовому задержать N. Отправились въ участокъ. Здѣсь отъ N былъ отобранъ паспортъ, а самому ему было заявлено, что, пока они наведутъ по телеграфу справки, господину придется посидѣть у нихъ подъ замкомъ. N ничего больше не оставалось, какъ принять эти условія. Онъ былъ почти увѣренъ въ провалѣ своего дѣла, ибо не разсчитывалъ на законность полученнаго отъ товарищей паспорта. Какова же была его радость, когда черезъ сутки приставъ освободилъ его изъ подъ ареста и разсыпался въ тысячахъ извиненій за излишне причиненное безпокойство: паспортъ оказался визирован-

нымъ и выручилъ N изъ бѣды; теперь онъ спокойно могъ оставить участокъ, Архангельскъ и выѣхать съ первымъ же мурманскимъ рейсомъ заграницу.

Извѣстны были и другіе случаи выселеній черезъ норвежскую границу, и если архангельская эмиграція не слишкомъ часто пользовалась этой дорогой, то объясненіемъ этому служили упомянутыя выше причины: крайній рискъ при посадкѣ на пароходъ, значительная дороговизна пути и неопредѣленность поведенія норвежскихъ пограничныхъ властей по отношенію къ русскимъ пріѣзжимъ: иной разъ отъ нихъ требовались легитимаціонныя бумаги, а иной—въѣзду въ норвежскія воды не предшествовали ни легитимація, ни просмотръ вещей. Все—дѣло случая и рискованной игры на счастье. Одно несомнѣнно явствуетъ изъ хроники архангельской эмиграціи: ея статистическій ростъ, усовершенствованіе ея техническихъ условій и бо́льшая, обусловленная послѣднимъ обстоятельствомъ, успѣшность ея дѣла. Рѣдкая колонія политическихъ ссыльныхъ не участвовала въ общемъ дѣлѣ политическихъ побѣговъ. Бѣжали рѣшительно отовсюду: съ востока и запада, съ юга и сѣвера огромнаго архангельскаго края. Большинство выѣзжало по желѣзной дорогѣ, значительный процентъ пользовался воднымъ сообщеніемъ, отдѣльныя единицы полагались на выносливость своихъ собственныхъ ногъ.

Значительный процентъ въ эмигрантской статистикѣ падалъ все же и на самый городъ Архангельскъ. Какъ ни были здѣсь легки, сравнительно съ уѣздами, условія жизни для политическихъ ссыльныхъ, однако золотую клѣтку иной готовъ былъ промѣнять на полуголодную волю. И такихъ охотниковъ было не мало. Многочисленность нашей колоніи вмѣстѣ съ относительной незначительностью полицейскаго штата въ городѣ, людность послѣдняго, особенно въ лѣтнюю пору, удобство путей сообщенія,—таковы были заманчивыя условія

помогавшія многимъ скрываться изъ Архангельска. На весну и лѣто 1904 годъ падаетъ періодъ кульминаціоннаго развитія эмигрантскихъ побѣговъ. Бывало, что съ однимъ и тѣмъ же поѣздомъ изъ Архангельска уѣзжало по нѣсколько человѣкъ. Полиція узнавала отъ хозяевъ о внезапномъ исчезновеніи квартиранта на 3—4 день, когда тотъ успѣвалъ уже миновать наиболѣе опасные пункты, Вологду и Ярославль, и затеривался гдѣ либо во внутренней Россіи или ѣхалъ на ея окраины. Архангельская полиція едва успѣвала регистри-

Этапъ передъ пинежскимъ „этапнымъ помѣщеніемъ".

ровать отдѣльные случаи отъѣздовъ. Ихъ массовый характеръ не давалъ возможности предпринимать своевременно преслѣдованій, и потому, въ большинствѣ случаевъ администрація махала на уѣзжавшихъ рукой.

„Намъ то что? уѣхалъ—туда ему и дорога, меньше возни съ вами"—такъ резюмировала она обыкновенно свое отношеніе къ эмигрантамъ. Дѣло доходило подчасъ до курьезовъ. Въ поѣздѣ, въ ожиданіи его отхода, сидятъ двое эмигрантовъ, а по вагонамъ мимо политическихъ и по платформѣ рыщетъ самъ полицей-

мейстеръ, видимо кого то розыскивая. Въ концѣ концовъ, полицеймейстеръ остается на платформѣ, политическіе же, оцѣнивъ по достоинству прозорливость своего начальства, преспокойно уѣзжаютъ изъ Архангельска.

Не всегда тѣмъ не менѣе политическій, оставляя ссылку, могъ разсчитывать на удачный исходъ побѣга. Бывали случаи, когда нашихъ эмигрантовъ перехватывали уже далеко отъ Архангельской губерніи. Лучше ли былъ организованъ сыскъ, или то была ни чѣмъ не объяснимая случайность, но чаще всего бѣглецовъ вылавливали въ западномъ краѣ,—въ районѣ Ковенской и Виленской губерній. Насимовича и еще нѣсколькихъ товарищей-бундовцевъ схватили именно здѣсь. Попадали въ руки полиціи иной разъ и на австро-прусской границѣ. Здѣсь былъ задержанъ лѣтомъ 1904 г., нынѣ покойный, А. М. Ивановъ.

Удивительна судьба этого человѣка. Я встрѣтился съ нимъ и зналъ его еще по Холмогорамъ. Высланъ онъ былъ по дѣлу соціалистовъ-революціонеровъ и сознательно принадлежалъ къ ихъ партіи, раздѣляя ея программу. Всегда бодрый и оживленный, онъ производилъ впечатлѣніе энергичнаго и стойкаго революціонера. Да и на самомъ дѣлѣ онъ былъ таковъ. Къ несчастью, уже сидя въ тюрьмѣ, онъ страдалъ чахоткой и, пріѣхавъ въ ссылку, не разъ подвергался острымъ припадкамъ съ сильнымъ кровохарканьемъ. Весной 1904 года состояніе его было особенно тяжелымъ. Сырой, болотистый климатъ холмогорскаго уѣзда ускорялъ процессъ разложенія легкихъ, и кровоизліянія стали повторяться все чаще и чаще. Однако Ивановъ мало обращалъ вниманія на грозные признаки болѣзни; въ жизни нашей колоніи онъ принималъ живое участіе, состоялъ даже ея кассиромъ и привлекался къ отвѣтственности за найденные у него во время квартирнаго обыска кассовые документы. Почти каждый этапъ, шед-

шій къ намъ изъ Архангельска, онъ встрѣчалъ далеко за холмогорской околицей; въ вьюгу, въ дождь, ростепель онъ выходилъ, чтобы сфотографировать этапную колонну. Послѣ тяжелаго приступа чахотки въ мартѣ мѣсяцѣ его перевели на леченіе въ Архангельскъ. Здѣсь онъ прожилъ недолго и лѣтомъ того же года скрылся. Видимо, онъ разсчитывалъ добраться до Швейцаріи, чтобы отдохнуть и поправить свое здоровье. Но это ему не удалось. На границѣ, въ моментъ своей переправы черезъ ручей, онъ былъ замѣченъ часовымъ и предупрежденъ выстрѣломъ изъ ружья. Побѣгъ на этотъ разъ кончился неудачно. Послѣдовалъ арестъ и допросъ. Ивановъ чистосердечно сознался, что на пути въ Астрахань, куда его перевели для поправленія здоровья, онъ рѣшилъ уѣхать за границу въ Швейцарію, такъ какъ переводъ этотъ равносиленъ былъ для него приговору къ смерти. Не смотря на трагизмъ положенія Иванова, доживавшаго тогда последніе мѣсяцы, жандармерія перевела его въ подольскую тюрьму, гдѣ онъ просидѣлъ, пока о немъ наводили справки въ Архангельскѣ. Приблизительно черезъ мѣсяцъ его выпустили для слѣдованія въ Астрахань. Но по дорогѣ туда онъ снова скрылся и черезъ нѣкоторое время вторично, и на этотъ разъ уже удачно, перебрался черезъ границу. За границей ему недолго удалось пожить. Туберкулезъ сломилъ его силы окончательно, и лѣтомъ 1905 года онъ умеръ въ Швейцаріи, вдали отъ родины. Теперь, послѣ его смерти, просто удивляешься, какъ могъ человѣкъ за нѣсколько недѣль до нея выполнить смѣлый въ его положеніи и крайне рискованный планъ двукратнаго побѣга. По крайней мѣрѣ, хоть предсмертное желаніе и мечта покойнаго „вздохнуть передъ смертью на свободѣ“ осуществились.

А въ ту пору надъ свѣжей могилой погибшаго товарища уже загоралась яркая заря свободы; занима-

лась новая жизнь—свободная, радостная, кипуче-дѣятельная. Народъ-исполинъ шевелился: сплинъ и рабская покорность мало-по-малу уступали мѣсто сознательному стремленію къ свободѣ. И теперь, когда подъ напоромъ прорвавшихся наружу его освободительныхъ силъ, порвались ржавыя цѣпи абсолютизма, когда тьма и произволъ стараго режима, шагъ за шагомъ, очищаютъ дорогу передъ свѣтлымъ лучезарнымъ образомъ свободы, когда всю Россію сотрясли и пробудили свободная мысль, свободное слово и свободное чувство великаго пламеннаго энтузіазма народа, и когда отъ этого сотрясенія рухнули первыя опоры отжитаго навсегда полукрѣпостного строя, — теперь насталъ великій моментъ освобожденія народомъ своихъ братьевъ изъ мрачныхъ тюремъ, изъ глубокихъ рудниковъ, изъ холодныхъ тундръ европейской и азіатской ссылокъ.

Какое потрясающее, глубоко трогающее, захватывающее зрѣлище представляла собою встрѣча народомъ своихъ борцовъ за свободу! Только въ бурный періодъ революціи, вдохновленной святымъ огнемъ народнаго энтузіазма, возможны подобные моменты. Но еще не всѣ на свободѣ, еще не всѣ между нами: еще тюремные казематы таятъ въ себѣ наиболѣе сильныхъ враговъ абсолютизма, наиболѣе отважныхъ и мужественныхъ борцовъ за народное освобожденіе; еще за ихъ стѣнами по прежнему полуживутъ заключенные; въ каторгѣ и ссылкѣ, въ тюрьмахъ и рудникахъ еще не смолкъ окончательно звонъ кандаловъ, еще не прекратились страданія осужденныхъ. Мы вѣримъ: настанетъ радостный мигъ освобожденія и для нихъ! Народъ амнистируетъ и ихъ; народъ знаетъ лишь одну свободу, одинаково доступную всѣмъ и каждому. И лишь передъ смертью, равнодушною и безстрастною ко всему живому, безсиленъ и животворящій огонь революціи. Лишь передъ смертью, ледянымъ дыханьемъ навсегда

сковавшей тѣла героевъ, павшихъ на полѣ брани, безсильна обновленная жизнь.

Для чего же потребовалась вся эта безчисленная вереница жертвъ, для чего тысячи и тысячи преждевременно пали казненными, убитыми, запытанными и замученными въ неволѣ, для чего столько пролито крови лучшихъ сыновъ народа?! Пусть дастъ себѣ на это отвѣтъ павшее правительство абсолютизма,—кровавѣйшее изъ кровавыхъ, когда-либо виданныхъ въ исторіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

III. Архангельскъ и архангельская колонія политическихъ ссыльныхъ.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

ГЛАВА XI.

IV. Уѣздная ссылка Архангельской губерніи.

А. Западный районъ ссылки.—Поморье и Мурманъ съ входящими въ нихъ уѣздами: Александровскимъ, заштатнымъ Кольскимъ и Кемскимъ.

ГЛАВА XII.

ГЛАВА XIII.

ГЛАВА XIX.

ГЛАВА XX.

ГЛАВА XXI.

ГЛАВА XXII.

ГЛАВА XXIII.